АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

МЛАДОПИСЬМЕННЫЕ ЯЗЫКИ НАРОДОВ СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА-ЛЕНИНГРАД
1959

Ответственные редакторы
доктора филологических наук
Е. А. БОКАРЕВ и *Ю. Д. ДЕШЕРИЕВ*

В составлении сборника принимали участие
доктора филологических наук: *Н. А. Баскаков, Т. А. Бертагаев, Е. А. Бокарев, Ю. Д. Дешериев, В. И. Лыткин, К. Е. Майтинская, Е. И. Убрятова, Л. Н. Харитонов;*
кандидаты филологических наук: *Ч. Х. Бакаев, Н. З. Гаджиева, А. А. Дарбеева, М. И. Исаев, Н. И. Исанбаев, А. А. Коклянова, М. А. Кумахов, Г. А. Меновщиков, З. Б. Мухамедова, Э. Н. Наджип, Т. Н. Пахалина, П. Я. Скорик, О. П. Суник, Н. М. Терещенко, А. П. Феоктистов, А. К. Шагиров, А. А. Юлдашев;*
кандидат исторических наук *И. С. Вдовин;*
мл. научн. сотрудник *И. О. Гецадзе;*
аспирант *Я. Г. Можарский*

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Великая Октябрьская социалистическая революция оказала огромное влияние на развитие как старописьменных, так и младописьменных языков всех народов СССР.

Составители настоящего сборника не ставили своей задачей показать влияние Октября на развитие вообще всех языков народов СССР. В сборнике нет разделов по таким, например, старописьменным языкам, как русский, армянский, грузинский, таджикский и др. Сборник посвящен лишь тем языкам, письменность которых оформляется и получает широкое распространение только после революции, благодаря возникшей тогда возможности осуществления ленинской национальной политики Коммунистической партии.

Именно по этим, так называемым младописьменным, или ранее бесписьменным языкам и даются здесь статьи, содержащие очерки истории возникновения письменности, становления и развития национальных литературных языков, а также сведения по современному состоянию их научного изучения.

Однако понятие «младописьменные языки» условно, поскольку попытки создания письменности на многих обозначаемых этим термином языках относятся к далекому прошлому. Издавались отдельные книги, буквари. Но эти попытки, при всей большой культурной значимости самого факта их появления, в большинстве случаев не представляют собой начала непрерывной литературной традиции и не становятся достоянием более или менее широких кругов населения. В условиях национального гнета в царской России очень немногие из таких письменностей смогли получить широкое распространение и стать средством развития национальной культуры. В большинстве случаев национальная письменность лишь после Великой Октябрьской социалистической революции получила необходимые условия для своего подлинного развития и распространения среди широких народных масс, стала орудием их приобщения к культуре и национального развития самой

этой культуры. После Октябрьской революции заново создавались алфавиты, разрабатывались орфографические своды, уточнялись языковые нормы на базе определенных диалектов, принятых в качестве основы литературных языков, создавались словари и грамматики. Все это придавало младописьменным языкам значительную устойчивость и возможность развиваться на основе исторически обусловленной определенной традиции. В результате ленинской национальной политики народности и нации нашей страны оформились в автономные области и республики, развили свою национальную культуру; было введено всеобщее образование на родном языке; на родной язык населения была переведена работа государственного аппарата; широкий размах получило издание литературы на родном языке. Все это обусловило массовое распространение национальных письменностей.

Таким образом, только Октябрьская революция, сделав младописьменные языки более устойчивыми и распространенными, положила начало созданию национальной письменности для большинства народов СССР.

И тем не менее не всегда граница между понятиями «старописьменный» и «младописьменный» по отношению к языкам является достаточно определенной. Условность этих понятий, конечно, отразилась и на данном сборнике, на отборе языков, которые в нем представлены. Граница между этими двумя группами языков могла бы быть смещена в сторону уменьшения или, напротив, в сторону увеличения числа описываемых в сборнике языков. Но фактический материал сборника, характеризующий длительный и многоступенчатый путь создания многих национальных письменностей и развитие национальных языков, компенсирует некоторую условность включения того или иного языка в сборник, названный «Младописьменные языки народов СССР».

Сборник был подготовлен к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Поэтому он отражает состояние изучения младописьменных языков народов СССР до 1956 года.

Ю. Д. Дешериев

ВВЕДЕНИЕ

СССР — ВЕЛИКОЕ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО

Союз Советских Социалистических Республик — великое многонациональное государство. В Советском Союзе живет более 120 разноязычных наций и народностей — русские, украинцы, белорусы, народы Прибалтики, народы Средней Азии, Поволжья, многоязычного Кавказа, малочисленные народности Севера, Сибири, Дальнего Востока. Все эти нации и народности, обладающие своими особыми языками, своеобразием культуры, специфическими этническими признаками, составляют дружную братскую семью советских народов.

В дореволюционной царской России народные массы фактически были политически бесправными. Трудящиеся, особенно национальных окраин, испытывали двойной гнет — царизма и своих национальных эксплуататоров. Среди угнетенных народов царила почти сплошная неграмотность. Особенно высок был процент неграмотности среди народов Крайнего Севера, Дальнего Востока, Северного Кавказа, Средней Азии. В Казахстане, Узбекистане, Туркмении, Таджикистане, Киргизии до революции было неграмотным 98—99,5% населения. На национальных окраинах царской России даже начальная школа была редким явлением, не говоря уже о средних и высших учебных заведениях.

С первых же дней своего существования советская власть провозгласила политику равноправия всех народов России. Научные основы этой национальной политики были разработаны основателем Коммунистической партии Советского Союза и Советского государства — великим Лениным. «Мы хотим *добровольного* союза наций, — писал В. И. Ленин, — такого союза, который не допускал бы никакого насилия одной нации над другой, — такого союза, который был бы основан на

полнейшем доверии, на ясном сознании братского единства, на вполне добровольном согласии».[1]

Это ленинское учение о национальной политике было положено в основу «Декларации прав народов России», провозглашенной советской властью сразу же после победы Великой Октябрьской социалистической революции. В этой «Декларации» было возвещено:

«1. Равенство и суверенность народов России.

«2. Право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.

«3. Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений.

«4. Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России».[2]

«Декларация прав народов России» получила свое дальнейшее развитие и законодательное закрепление в советской Конституции 1936 г.: «Равноправие граждан СССР, независимо от их национальности и расы, во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни является непреложным законом, — говорится в 123 статье Конституции СССР. — Какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав или, наоборот, установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от их расовой и национальной принадлежности, равно как всякая проповедь расовой или национальной исключительности, или ненависти и пренебрежения — караются законом».

Советский Союз, основанный на этих высших принципах демократии и равноправия народов, объединяет 15 союзных социалистических республик;[3] в их составе 19 автономных республик,[4] 9 автономных областей,[5] 10 национальных округов.[6]

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 269.

[2] Декларация прав народов России. БСЭ, т. 13, стр. 603.

[3] Российская (РСФСР), Украинская, Белорусская, Армянская, Азербайджанская, Грузинская, Казахская, Киргизская, Латвийская, Литовская, Молдавская, Туркменская, Узбекская, Эстонская, Таджикская.

[4] Татарская, Башкирская, Дагестанская, Бурят-Монгольская (с 1958 г. Бурятская), Кабардино-Балкарская, Коми, Марийская, Мордовская, Северо-Осетинская, Удмуртская, Чечено-Ингушская, Чувашская, Якутская, Нахичеванская, Абхазская, Аджарская, Каракалпакская, Калмыцкая и Карельская.

[5] Адыгейская, Горно-Алтайская, Еврейская, Тувинская, Хакасская, Карачаево-Черкесская, Нагорно-Карабахская, Юго-Осетинская и Горно-Бадахшанская.

[6] Таймырский (Долгано-Ненецкий), Эвенкийский, Корякский, Коми-Пермяцкий, Чукотский, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий, Ненецкий, Агинский Бурят-Монгольский, Усть-Ордынский Бурят-Монгольский.

Советская федерация и национальная автономия оказались лучшей формой осуществления равноправия всех народов и национальных групп в стране, средством укрепления их дружбы и братского сотрудничества.

За 40 лет существования советской власти народы СССР привели к небывалому подъему и расцвету свою экономику и национальную культуру, полностью ликвидировали былую отсталость национальных окраин.

Каждая советская республика имеет свою конституцию, отражающую национальные особенности народа. Точно так же в национальных областях и округах законодательная власть, политические, культурные, хозяйственные и административные мероприятия осуществляются с полным учетом интересов малых народов и национальных групп.

В национальных республиках, областях, округах подавляющее большинство в органах советской власти составляют местные люди; учреждения и школы работают на родном языке коренного населения. Это стало возможным благодаря созданию письменности для бесписьменных языков народов СССР. Ведь родной язык — это важнейшее средство общения между собой представителей данного народа в процессе материальной и общественной деятельности, в быту, в повседневной жизни.

Язык — наиболее специфичная форма проявления духовной культуры, психического склада каждого народа. Народ мыслит, выражает свои чувства на родном языке. Как средство общении язык неотделим от общественно-трудовой деятельности людей. И всякое познание наиболее доходчиво и понятно народу на его родном языке.

Вот почему письменность, созданная для бесписьменных языков, явилась в руках советской власти мощным орудием для наиболее быстрого приобщения ранее отсталых народностей к современной передовой социалистической культуре, к достижениям науки, техники, искусства, к овладению сокровищницей человеческих знаний. Около пятидесяти национальностей СССР впервые за всю историю своего развития получили письменность на родном языке.

Для народов, получивших свою письменность, развернулась сеть начальных и средних школ, а затем и высших учебных заведений, была организована подготовка кадров государственных и местных советских работников на родном языке, подготовка деятелей науки, искусства, техники. Государство организовало разработку и издание большими тиражами сотен учебников на языках ранее бесписьменных народностей, издание литературы в переводах на эти языки, выпуск на них

газет и журналов. Советская страна в короткий срок создала для новых школ многочисленные кадры учителей соответствующей квалификации. И результаты не замедлили сказаться.

Исключительная по своим масштабам культурно-просветительная деятельность Коммунистической партии, хорошо организованная совместная работа всех органов советской власти в области народного просвещения в течение трех-четырех пятилеток обеспечили невиданный успех культурной революции в СССР. Советский Союз стал страной сплошной грамотности.

Творческая энергия народов СССР превратила отсталую, аграрную Россию в индустриальную социалистическую державу, занявшую, в частности, по уровню промышленного производства второе место в мире. Резко возросло благосостояние и культурный уровень народных масс в национальных республиках. Среди всех народов СССР в советскую эпоху выращены высокообразованные кадры — инженеры, техники, врачи, педагоги, работники науки, литературы и искусства.

В достижении величайших успехов в политическом, экономическом и культурном развитии Советского Союза выдающуюся роль сыграло разрешение проблемы языка на основе ленинской национальной политики полного равноправия всех народов СССР.

ЯЗЫКИ НАРОДОВ СССР

Языки народов СССР по генеалогической классификации распадаются на ветви (группы), или семьи. Между носителями разных родственных языков, относящихся к одной и той же семье, может отсутствовать взаимопонимание. Так, бенгальский, таджикский, исландский языки — родственны по происхождению. Однако говорящие на них народы не понимают друг друга.

Иначе обстоит дело с языками близкородственными. Например, русские, украинцы, белорусы — носители близкородственных восточнославянских языков — в значительной мере понимают друг друга. Близкородственны и тюркские языки — такие, как азербайджанский и туркменский, киргизский и казахский.

Индоевропейская группа

Три четверти населения СССР — около 150 млн — говорит на восточнославянских языках: на русском — более 107 млн человек, на украинском — свыше 32 млн и на белорусском — около 9 млн.

Древнейшие письменные памятники восточнославянских языков относятся к XI в. н. э.

В основе современной письменности восточнославянских (русского, украинского и белорусского) народов лежит древнеславянский алфавит — «кириллица», — созданный в IX в.

Р у с с к и й я з ы к, один из наиболее богатых и развитых языков мира, служит языком общения и братского сотрудничества народов СССР. Созданные на русском языке научные и литературные творения — выдающийся вклад в мировую сокровищницу культуры.

У к р а и н с к и й я з ы к является одним из наиболее развитых языков в СССР. Он лишь в советскую эпоху стал государственным языком украинского народа, языком его школ, театров и государственных учреждений УССР.

До революции около 75% населения Украины было неграмотным. Сейчас это республика сплошной грамотности; она имеет свою Академию наук, Академию архитектуры, 475 научно-исследовательских учреждений, 147 высших учебных заведений, 75 театров, 26 филармоний и т. д. Широко известно творчество таких украинских писателей и поэтов, как Тарас Шевченко, Иван Франко, А. Корнейчук, П. Тычина и др. На украинском языке издаются произведения классиков марксизма-ленинизма, классиков русской и мировой художественной литературы, научные исследования — технические, политические, исторические. Если до революции (в 1913 г.) на украинском языке в России издавалась лишь одна газета, то сейчас на Украине выходит 874 республиканских, областных, городских и районных газет, из них более 800 — на родном языке украинского народа.

Б е л о р у с с к и й я з ы к, пользующийся традиционной общеславянской графикой, стал быстро развиваться также лишь в советское время. И в Белорусской ССР издается большое количество книг, журналов, газет. Как и на Украине, в Белоруссии в необходимых случаях допускается в высших учебных заведениях чтение лекций на русском языке, поскольку белорусский, русский и украинский языки очень близки между собой.

Из других индоевропейских языков в СССР представлены армянский, молдавский, немецкий; балтийские языки — латышский, литовский; иранские — таджикский, осетинский, курдский, талышский и татский, а также шугнанский, ягнобский, ишкашимский и другие бесписьменные памирские языки.

А р м я н с к и й я з ы к — государственный язык Армянской ССР — один из развитых языков народов Советского Союза. Его письменность создана в V в. н. э. Современный

письменный армянский язык функционирует на основе древнеармянской графики. В советские годы в области армянского языкознания проведены капитальные исследования крупнейшими специалистами-языковедами. Преподавание в школах республики — от начальных до высших — всюду ведется на армянском языке.

М о л д а в с к и й я з ы к — государственный язык Молдавской ССР — принадлежит к романской группе индоевропейских языков; он обслуживает около 2 млн национального населения (молдаван). Принятый для молдавского языка алфавит создан на русской графической основе.

В Латвии государственный национальный л а т ы ш с к и й я з ы к обслуживает свыше 1,5 млн населения; в Литве л и т о в с к и й я з ы к — более 2 млн населения. Латыши и литовцы пользуются латинской графикой. Письменные памятники на этих языках существуют с XVI в. Латышский и литовский народы достигли высокого уровня в развитии социалистической экономики, просвещения, культуры. Академии наук Латвии и Литвы ведут крупные исследования в области родного языка.

В группе иранских языков СССР письменными являются т а д ж и к с к и й, о с е т и н с к и й, к у р д с к и й. В Таджикской ССР говорящих по-таджикски — более 1 млн, в Осетии родным языком пользуются свыше 350 тыс. человек; курдов в Советском Союзе насчитывается более 100 тыс. Современная письменность этих языков построена на русской графической основе.

Тюркская группа

В Советском Союзе представлено большое число тюркских языков. На азербайджанском, татарском, узбекском, казахском, туркменском, башкирском и на некоторых других тюркских языках письменность возникла еще задолго до Великой Октябрьской революции, но широким народным массам она была тогда почти недоступна. Ее изучали лишь в духовных школах. Язык этой письменности был далек от разговорного языка масс.

Большинство же тюркских языков стало письменными только в советское время.

Кавказская группа

Самая многочисленная по составу языков — кавказская (или иберийско-кавказская) группа. По генеалогической классификации она подразделяется на четыре подгруппы: абхазско-

адыгскую, нахскую (вейнахскую), дагестанскую и картвельскую, или иберийскую.

В абхазско-адыгскую подгруппу входят четыре младописьменных языка: абазинский, абхазский, адыгейский и кабардино-черкесский. Все они получили общенародную письменность на русской графической основе в советское время — в годы создания их народами своей национальной государственности. В Абхазской автономной ССР — 59 тыс. абхазцев, в Кабардино-Балкарской автономной ССР — около 210 тыс. кабардинцев, в Адыгейской автономной области — 90 тыс. адыгейцев и, наконец, в Карачаево-Черкесской автономной области, в состав населения, которой, кроме 76 тыс. карачаевцев, входит 20 тыс. черкесов и около 15 тыс. абазинцев.

Из нахских языков письменными стали ингушский (свыше 90 тыс. человек) и чеченский (более 400 тыс.). Не имеют своей письменности лишь около 4 тыс. бацбийцев.

В дагестанской подгруппе — пять младописьменных языков: аварский (220 тыс. человек), даргинский (200 тыс.), лакский (60 тыс.), лезгинский (140 тыс.) и табасаранский (30 тыс.). Эти родственные народности и образуют Дагестанскую автономную ССР.

Прочие горские языки Дагестана, на которых говорят малочисленные национальные группы, насчитывающие в своем составе от сотен до нескольких тысяч человек, своей письменности и не имеют. На арчинском языке, например, говорит около 800 человек, а на хиналугском — около 900. Таких горских языков здесь всего 23. Некоторые языковеды считают, например, бежитинский и гунзибский языки диалектами капучинского, а кайтагский и кубачинский — диалектами даргинского. В этом случае бесписьменными здесь следует считать лишь 18 горских языков.

Необходимо отметить, что эти малые народности не пожелали иметь свою письменность. Дело в том, что они в языковом, культурном и экономическом отношении находятся под сильным влиянием других, более многочисленных народов, живущих на Кавказе. Так, малочисленные крызцы, будухцы, хиналугцы испытывают сильное влияние азербайджанского языка. При помощи своих одноаульных языков — будухского и хиналугского — они могут общаться между собой в пределах своих сел: будухцы — только в селе Будух, а хиналугцы — только в селе Хиналуг. Будухский и хиналугский языки не могут служить средством общения их носителей с населением района, республики. Таким средством в Азербайджанской ССР

служит азербайджанский язык. В силу повседневной жизненной потребности будухцы и хиналугцы — от мала до велика — стали двуязычными. Их вторым родным языком стал азербайджанский, являющийся государственным языком Азербайджанской ССР. Будухцы и хиналугцы не пожелали иметь письменность на родном языке. Они пользуются азербайджанским письмом, и их школа работает на азербайджанском языке.

То же самое следует сказать и о носителях бесписьменных андийских и дидойских языков, которые пользуются аварским литературным языком.

Но если какой-либо малый народ не двуязычен, не знает чужого письменного языка, то, несмотря на его малочисленность, для него создавалась письменность на его родном языке. На основе данного принципа и была создана письменность для крайне малочисленных народов Севера (нанайского, эскимосского и др.).

Языки народов Севера

В Советском Союзе уважают и оберегают интересы и национальные особенности всех народов — больших и малых. Поэтому прогрессивные самобытные черты культуры малочисленных народов Севера не только сохранились, но и получили дальнейшее развитие, а их языки были использованы в интересах просвещения и культурного строительства.

Языки народов Севера — по принципу не только генеалогическому, но и территориальному — делят на три группы: палеоазиатскую, тунгусо-маньчжурскую и самодийскую. В палеоазиатской группе — восемь языков: алеутский, ительменский, керекский, корякский, нивхский, чукотский, эскимосский и юкагирский. Из них письменными теперь являются коряк с к и й (6 тыс. человек), чукотский (около 15 тыс.), эскимосский (1500 человек в СССР и несколько десятков тысяч за рубежом) и нивхский (около 5 тыс.).

К тунгусо-маньчжурским относятся 8 языков: младописьменные — эвенкийский (30 тыс. человек), эвенский (10—12 тыс.), нанайский (6 тыс.); бесписьменные — негидальский, ульчский, удэйский, орочский и оркский.

В самодийской группе: бесписьменные — нганасанский, селькупский, энецкий; младописьменный — ненецкий (18 тыс. человек). К языкам народов Севера относятся и финно-угорские: младописьменные — хантыйский (более 20 тыс. человек), мансийский (7 тыс.) и ныне беспись-

мецкий саамский (свыше 2 тыс. в СССР и несколько десятков тысяч за рубежом).

При разработке письменности (алфавит и т. д.) учитывалась большая раздробленность северных народностей, уровень их экономического развития, разнообразие диалектов, служащих нередко средством общения всего для нескольких сот человек.

Финно-угорская группа

Как известно, финно-угорские языки представлены главным образом в СССР. Письменные из них — финский, эстонский, карельский, коми-зырянский, коми-пермяцкий, удмуртский, марийский, мордовский (эрзя и мокша); бесписьменные — вепсский, ижорский.

Финская и эстонская письменность существует на основе латинского алфавита. Остальные созданы на базе русского письма в основном в советское время, в годы образования соответствующих автономных республик и областей.

Монгольские языки

Из монгольских языков в Советском Союзе представлены бурят-монгольский и калмыцкий языки. На бурят-монгольском языке говорит 235 тысяч населения Бурят-Монгольской АССР, на калмыцком — 130 тысяч. Письменность существует на русской графической основе с 30-х годов нашего столетия. За годы советской власти народы монгольской группы достигли больших успехов в своей политической жизни, хозяйственном и культурном строительстве.

Из других языков народов мира, представленных в СССР более или менее значительным населением, следует отметить еврейский, цыганский, корейский, дунганский, айсорский (ассирийский).

Из числа 120 языков, на которых говорят живущие в СССР народы, старописьменными являются пятнадцать и младописьменными — около шестидесяти.

АЛФАВИТЫ И ПИСЬМЕННОСТЬ

В соответствии с принципами ленинской национальной политики Коммунистическая партия Советского Союза считает родной язык каждого народа важнейшим орудием развития его национальной культуры и просвещения широких народных

масс. Только пользуясь родным языком, народ способен достигнуть в короткий срок наибольших успехов в ликвидации неграмотности, в повышении своего культурного уровня.

Вот почему в первые же дни после победы Октябрьской социалистической революции Коммунистическая партия и советское правительство выдвинули как неотложную задачу — создание письменности на родном языке для бесписьменных народов. Для этой цели был учрежден научно-организационный центр — Всесоюзный Центральный Комитет нового алфавита (ВЦК НА), призванный решать общие и теоретические вопросы, связанные с разработкой новых алфавитов. ВЦК НА, начав подготовительную работу в национальных республиках и областях, привлекал к участию в ней на местах и оказавшихся там крайне немногочисленных образованных представителей бесписьменных народов. Здесь, в национальных республиках и областях, были созданы местные комитеты нового алфавита.

В этот начальный период работы главную роль в организации изучения фонетической системы, грамматического строя и словарного состава бесписьменных языков сыграли русские ученые. На Северном Кавказе, в Дагестане разработкой алфавитов для аварцев, даргинцев, лаков, лезгин, кабардинцев, чеченцев, адыгейцев и других младописьменных народов руководили профессора Н. Ф. Яковлев и Л. И. Жирков. В разработке письменности для тюркских народностей ведущая роль принадлежала таким крупным тюркологам, как члены-корреспонденты Академии наук СССР С. Е. Малов и Н. К. Дмитриев. Представители русской науки сыграли авангардную роль в подготовке новых алфавитов и для финно-угорских, иранских, северных и других народов СССР.

В первые годы существования советской власти младописьменные финно-угорские и северные народы пользовались в основном алфавитами, созданными на базе русского письма, а у младописьменных народов Средней Азии и Кавказа преобладали алфавиты, составленные на основе арабской графики, которые страдали серьезными недостатками: приходилось или изобретать совершенно новые знаки, или же заимствовать буквы из других систем алфавитов для обозначения гласных звуков. Период латинизации алфавитов младописьменных языков отразил желание устранить эти недостатки и унифицировать алфавиты всех младописьменных народов.

В дальнейшем младописьменные народы СССР изъявили желание перейти на алфавиты, созданные на основе русской графики. Здесь важную роль сыграли преимущества славянской (в основе — греческой) графики, известные ученым.

Так, выдающийся французский языковед Вандриес, указавший на существенное различие между алфавитами греческого и латинского происхождения, писал: «Первые были составлены с редкой точностью. . . Готский алфавит Вульфилы — прекрасное орудие, достаточно точное. Славянский алфавит Кирилла и Мефодия — настоящий шедевр. Как далеки от них алфавиты англосаксов и ирландцев! Эти последние приложили много усилий в течение долгих столетий к тому, чтобы приспособить латинский алфавит к своему языку; в полной мере это им не удалось».[7]

При переходе на новые алфавиты в первую очередь учитывались политические, экономические и культурные связи между русским и другими народами СССР, их сотрудничество, огромная братская помощь русского народа всем нациям и народностям страны. Значительная часть нерусского населения в той или иной мере владеет русским языком, давно уже ставшим в СССР языком межнационального общения. Все эти соображения привели младописьменные народы к решению положить в основу своих алфавитов русское письмо, представляющее особую разновидность древнегреческой графики.

В русском алфавите 33 знака (буквы). Между тем во многих языках народов СССР существует значительное количество особых, самостоятельных, специфических звуков — помимо тех, что обозначаются русским алфавитом. Так, углубленное изучение особенностей, например, лезгинского языка показало, что в этом типичном кавказском языке, не родственном ни индоевропейским, ни семитическим, ни тюркским, ни финно-угорским языкам, имеется значительно больше согласных, чем в других, некавказских языках СССР. Это так называемые кавказские смычно-гортанные, лабиализованные, геминированные (усиленные) и некоторые другие согласные. Всего особых звуков (фонем) в лезгинском языке оказалось до 70.

Стало ясно, что при создании алфавитов для младописьменных языков соблюсти идеальный принцип алфавита — каждому звуку (фонеме) особый знак — не удастся, если ограничиваться буквами одного русского алфавита.

В русском алфавите для обозначения свойственных русскому языку гласных звуков существуют буквы: *а*, *о*, *у*, *и*, *е*, *ё*, *э*, *ы*. Однако в языках народов СССР встречаются наряду с этими и другие гласные фонемы, нуждающиеся в особых знаках для своего выражения.

---

[7] **Ж. Вандриес.** Язык. М., 1937 (русский перевод), стр. 296.

В русском алфавите мы находим всего лишь около 20 отдельных букв для обозначения согласных звуков, хотя согласных фонем в русском языке значительно больше. Это несоответствие объясняется фонематическим противопоставлением твердых и мягких согласных в русском языке. В определенных случаях это противопоставление выражается графически — сочетанием соответствующего согласного с мягким знаком для обозначения мягкого согласного, например: *мол—моль*, *кон—конь* и т. п.

Составители алфавитов должны были учитывать эти особенности русского письма.

Известно, что в разных языках трудно найти звуки, абсолютно совпадающие по количеству и качеству, по артикуляционным признакам. Поэтому составители алфавитов исходили из важнейших, основных признаков того или иного звука, встречающегося в различных языках народов СССР, и обозначали его одним и тем же знаком (буквой). Так, русской буквой *а* в узбекском, казахском, лезгинском, мордовском и других языках обозначается гласный звук нижнего подъема, переднего, среднего и заднего образования. Буква *к* используется для обозначения смычного глухого согласного нёбного образования, и т. д. Таким образом, сходные по основным признакам звуки выражены одними и теми же буквами во многих языках.

Однако отсюда вовсе не следует, что звуки, обозначаемые одной и той же буквой, полностью совпадают во всех языках.

Вместе с тем нужно было обозначить специфические для того или иного языка звуки или особыми сочетаниями русских букв, или дополнительными, так называемыми диакритическими знаками, или же включением в русский алфавит новых букв. Различные младописьменные народы по-разному использовали эти приемы.

Составители, например, лезгинского алфавита использовали сочетания русских букв и включили в свой алфавит новые знаки для обозначения своеобразных лезгинских звуков. Свойственный лезгинскому языку заднемягконёбный смычный надгортанный звук (*къ*) обозначили сочетанием буквы *к* с твердым знаком *ъ*, звонкий фрикативный звук (*гь*) — сочетанием буквы *г* с мягким знаком *ь*. Долгие геминированные (усиленные) согласные были выражены удвоением соответствующих русских букв: *кк*, *тт* и т. д.

Кроме того, в лезгинский алфавит включили дополнительно один знак — римскую единицу (*I*). Сочетания ее с соответ-

ствующими русскими буквами обозначают специфические лезгинские надгортанные звуки: *кI*, *чI* и др.

В некоторых алфавитах младописьменных языков введены сочетания двух, трех и даже, в порядке исключения, четырех букв-знаков. В кабардино-черкесском надгортанный лабиализованный глухой звук выражается сочетанием трех знаков (*къу*). В этом языке есть особая фонема, обозначаемая четырьмя знаками (*кхъу*). Однако обозначение фонемы несколькими знаками считается недостатком алфавита. Поэтому продолжаются попытки упростить их путем замены сочетаний букв одним знаком. Обозначение специфического звука путем сочетания букв встречается и в таких мирового значения языках, как английский, французский, немецкий (*sch*, *tsch*). Но подобные комплексы букв, употребляемые в этих языках, являются их слабым местом.

Напротив, в узбекском алфавите не допускается сочетание букв для обозначения своеобразных звуков узбекского языка. В этот алфавит не включены и дополнительные знаки, отсутствующие в русской графике. Вместо этих приемов узбеки использовали, с одной стороны, диакритические знаки, с другой — изменили графические особенности некоторых русских букв: *ў*, *ғ*, *ҳ*, *қ*.

Таким образом, при составлении алфавитов на базе русской графики были использованы диакритические знаки, сочетания букв, включение новых знаков, отсутствующих в русском письме, и изменение начертания славянских букв.

Что касается древнеписьменных народов, например армян и грузин, то они сохранили свои древние алфавиты. Литовцы, латыши, эстонцы пользуются письменностью на латинской графической основе.

Следует отметить, что создание алфавитов для младописьменных народов на какой-либо совершенно новой графической основе было признано крайне нецелесообразным с технической и практической точек зрения. Это вызвало бы значительные трудности — в частности, огромные дополнительные расходы — в типографском деле и машинописи, в школьном преподавании и т. д.

ДИАЛЕКТНАЯ БАЗА ЯЗЫКА

В период создания письменности необходимо было решить вопрос о диалектной базе каждого младописьменного литературного языка.

Известно, что диалекты одного и того же языка могут различаться настолько, что говорящие на них с большим трудом понимают друг друга. Разительным примером этого служат диалекты армянского, грузинского, аварского и многих других языков. В настоящее время существуют возникшие на базе двух разных диалектов два варианта армянского литературного языка: один — восточный, литературный язык Армянской ССР, второй — западный, литературный язык армян, живущих на Востоке за пределами Советской Армении.

Даже язык такого малочисленного народа, как аварский, имеет многочисленные диалекты, значительно расходящиеся между собой в фонетическом, грамматическом и лексическом отношении.

При определении диалектной базы надо было учесть три наиболее важных момента: 1) представляют ли говорящие на данном диалекте большинство народа, для которого создается письменность; 2) занимают ли носители данного диалекта передовое место в экономической, политической и культурной жизни народа; 3) каковы специфические особенности фонетической системы, грамматического строя и словарного состава этого диалекта. Вместе с тем следует учесть установившиеся традиции, выдвинувшие тот или иной диалект в качестве средства общения между собой носителей разных местных диалектов.

Диалектные базы старописьменных языков складывались исторически, отчасти стихийно. В далекие времена возникновения письменности у русских, французов, англичан, немцев никто в должной мере не занимался учетом указанных выше моментов. Постепенно, веками формировались нормы литературного языка, которыми вытеснялись диалектные особенности из речи образованных людей. Происходил процесс нивелировки диалектов, и он сопровождался не только постепенной утратой диалектных особенностей, но и обогащением литературного языка за счет местных диалектов.

Иначе развертывался процесс создания письменности для народов СССР. Здесь соблюдался строго научный подход к особенностям каждого языка. Все подчинялось основной задаче — ликвидировать неграмотность, способствовать быстрому повышению политического и культурного уровня всего народа. Поэтому особенно важно было, чтобы на диалекте, легшем в основу младописьменного литературного языка, говорила наиболее значительная часть населения данного народа, живущая в передовых, более развитых в экономическом, политическом и культурном отношении районах.

Правильность такого взгляда подтвердилась историческим опытом развития младописьменных языков СССР.

Так, в первые годы существования советской власти на нескольких местных диалектах мордовского, коми и марийского языков стали издавать газеты. Лишь впоследствии были установлены опорные диалекты, на базе которых сложились младописьменные мордовские, коми и марийские языки. На остальных диалектах не было необходимости выпускать газеты и книги.

В основу лезгинского литературного языка положен наиболее распространенный, гюнейский диалект, на котором говорит подавляющее большинство лезгинского населения, живущего в наиболее передовых и развитых экономически и культурно районах.

Осетинский язык распадается на два сильно отличающихся друг от друга диалекта — дигорский и иронский. Большинство осетин говорит на иронском диалекте, который и положен в основу осетинского литературного языка. Даргинская письменность создана на базе акушинского диалекта, на котором говорит значительная часть даргинцев. Якутский литературный язык сформирован на основе говоров центральных районов Якутии. Аналогичных примеров можно было бы привести много.

Следует отметить, что не всегда удавалось руководствоваться этими условиями: так, диалектная база кабардино-черкесского языка связана с говорами Большой Кабарды, однако фонетические и лексические особенности такого ее говора, как малкинский, не вошли в литературный язык.

Особенно важно детальное изучение фонетической системы, грамматического строя и словарного состава того диалекта, который ложится в основу младописьменного литературного языка. Это необходимо прежде всего для выработки норм формирующегося литературного языка, развитие которого сопровождается борьбой с диалектизмами, т. е. с диалектными явлениями, мешающими его нормализации.

Фонемный состав диалекта, легшего в основу молодого литературного языка, может отличаться от фонемного состава других диалектов данного языка. Так, в диалектах и говорах аварского, кумыкского языков встречаются фонемы, отсутствующие в литературных языках этих народов: в аварских диалектах *кь*, в джунгутайском диалекте кумыкского языка смычно-гортанный звук *къ*. Эти звуки соответственно в аварском и кумыкском литературных языках не употребляются.

В грамматическом строе диалекта, на базе которого создан литературный язык, могут не обнаруживаться некоторые особенности, характерные для других диалектов этого языка.

Вместо принятых и употребляемых в чеченском литературном языке форм *стаг* 'человек', *стигал* 'небо' в местных диалектах встречаются формы *саг~таг*, *сигал~тигал*.

В словарном составе диалекта, на котором базируется младописьменный литературный язык, некоторые лексические единицы могут иметь иную форму, чем в других диалектах. Так, в кабардино-черкесском литературном языке употребляется название *шынакъэжьей* 'уполовник' вместо *къашык* с тем же значением, встречающегося в говорах. В чеченском литературном языке употребляется слово *нIаьна* 'петух' вместо слова *боргIал* с тем же значением, используемого в отдельных местных говорах и диалектах.

Разумеется, литературный язык должен обогащаться за счет местных диалектов, вбирая из них все ценное. Осетинский литературный язык, например, обогащается путем использования элементов дигорского диалекта и т. д.

РАЗРАБОТКА ОРФОГРАФИИ

Известно, что орфографии старописьменных народов, основанные на строго научных принципах, создавались значительно позже, спустя даже несколько столетий после возникновения письменности. Так было в истории развития письма английского, французского, немецкого, русского и многих других. Алфавиты этих языков были составлены без должного учета правил орфографии, с одной стороны, а с другой — при разработке орфографии, особенно в первый период, недостаточно учитывали положительные и отрицательные моменты в алфавитах.

Поэтому в позднейшие времена при разработке орфографических правил приходилось иногда вносить изменения в графику. В известной мере это имело место во время реформы русского письма при Петре I, а затем в 1918 г., когда также вносились изменения в орфографию и алфавит. Правда, это обусловлено было, главным образом, историческим развитием языка и общества, причинами общественного характера, но в то же время поднимался немаловажный вопрос о взаимозависимости между алфавитом и орфографией.

Еще во второй половине XIX и в начале XX в. в связи с нарастанием движения за демократизацию общества, с требованиями улучшения русской графики и правил орфографии

особенно активно выступали учителя, ученые, общественные деятели старой России. Но лишь с установлением советской власти был подготовлен и опубликован (в 1918 г.) декрет о давно назревшей реформе письма.

Применение исторических, морфологических и фонетических принципов при разработке правил орфографии в основном обусловлено развитием того или иного конкретного языка. В процессе его развития изменяется произношение, возникают новые явления в структуре языка. Тем не менее, мы продолжаем по-старому писать слова, которые сейчас произносятся иначе: мы пишем по-русски *Москва*, а произносим [Масква]. Отсюда исторический принцип орфографии. Мы произносим [слава́], а пишем *слова* в соответствии с морфологическим принципом русской орфографии. Несомненно, что сочетание фонетического, морфологического и исторического принципов в орфографии осложняет процесс обучения литературному языку, затрудняет его освоение. Хорошо известно неудовлетворительное решение этой проблемы в связи с действующими живыми нормами произношения в английском и французском литературных языках. По-английски пишут *see*, а произносят [*si*:] 'видеть', и т. д.

Языковеды СССР накопили огромный опыт и внесли много принципиально нового в разработку орфографий для младописьменных языков. И это новое для прикладного языкознания заключается в следующем:

Во-первых, основные орфографические правила разрабатывались у нас одновременно с составлением алфавита младописьменного языка, причем учитывалась взаимосвязь того и другого.

Во-вторых, при составлении алфавита и разработке правил орфографии в центре внимания стояли произносительные нормы живого языка, главным образом его опорного диалекта.

Наконец, в-третьих, с самого начала разрабатывались конкретные правила написания заимствованных слов.

Одновременная разработка алфавита и правил орфографии свидетельствует о высоком уровне подготовительной работы по созданию письменности, о более совершенных научных принципах, положенных в ее основу. Алфавит и правила орфографии, составленные с учетом взаимозависимости между ними, имеют все основания быть наиболее совершенными.

Учет орфографических правил позволяет не перегружать алфавит особыми знаками для обозначения редко встречающихся фонем. Так, в аварском языке есть редко употребляе-

мая латеральная фонема — *кь*. Однако в алфавит не был включен специальный знак для ее обозначения. Лишь в орфографии предусмотрено правило написания слов с этой фонемой.

Составители алфавита для младописьменных языков по-разному подходили к использованию орфографических правил при разработке письменности. Составители лезгинского алфавита, например, не выделили особыми знаками лабиализованных фонем, ограничившись соответствующим указанием в орфографических правилах. В результате количество выделяемых особыми знаками фонем сократилось. Напротив, при создании кабардино-черкесского, адыгейского и абхазского алфавитов лабиализованные фонемы были обозначены особыми знаками. С этой целью в кабардино-черкесском и адыгейском алфавитах к нелабиализованным согласным прибавляют букву *в* для выражения лабиализации. Это привело к тому, что за счет лабиализованных фонем увеличилось число звуков, выделяемых в этих алфавитах особыми знаками.

Указанные примеры служат иллюстрацией того, как специфика алфавита учитывается при разработке орфографических правил. Если в алфавите лабиализованные согласные обозначены особыми знаками, то незачем предусматривать и в орфографии специальных правил для них. При отсутствии же таких знаков для выражения лабиализованных согласных необходимо предусмотреть особые правила в орфографии.

Живые произносительные нормы диалекта, положенного в основу младописьменного литературного языка, имеют решающее значение для того, чтобы установить соотношение между принципами, положенными в основу создаваемой орфографии. Основным принципом орфографии литературного языка, создаваемого на базе живых произносительных норм одного из современных местных диалектов, должен быть фонетический. Однако он является только доминирующим, но не единственным. Поэтому значительную роль играет здесь морфологический принцип.

Фонетический принцип требует, чтобы писали так, как произносят. Если бы мы попытались фиксировать все особенности звучания слов, возникающие под действием законов ударения, комбинаторных, позиционных звуковых изменений, то мы бы значительно осложнили алфавит, а также затруднили анализ морфологического состава слова. Короче говоря, нет никакой возможности строго и везде писать так, как произносим.

Кроме того, некоторые находят целесообразным орфографически различать — т. е. по-разному писать — совершенно

одинаково звучащие, но грамматически или семантически разные слова. Вместе с тем приходится унифицировать написание форм слов, относящихся к одной и той же грамматической категории, части речи. Так, орфография чеченского литературного языка требует, чтобы в окончаниях глаголов настоящего времени писали *у*, хотя и произносят *а*: пишут *оху*, а произносят [оха] 'пашет'. Это делается с целью орфографически противопоставить эти глагольные формы начертанию других частей речи (например, *оху* 'пашет', а *оха* 'мы'). При составлении орфографических правил подобные явления вынуждают сочетать фонетический и морфологический принципы. Сочетание их представляет характерную особенность орфографий всех младописьменных языков в СССР.

Ввиду того что в младописьменный язык включается много заимствованных, жизненно необходимых слов и терминов, в орфографию приходится вводить правила их написания. Связанные с этим вопросы решались с учетом истории развития языка, исходя из специфических условий его формирования. При этом особенно учитывалось два важных момента: во-первых, чтобы слова, д а в н о заимствованные из других языков, графически воспроизводились в соответствии с их фонетическим обликом, установившимся в данном языке в результате исторических традиций (например, в осетинском языке старые заимствования из русского языка — типа *офицер, генерал, стол* и т. д. — пишутся так, как они звучат в осетинском произношении); во-вторых, чтобы все н о в ы е заимствования, интернациональные термины графически воспроизводились близко или идентично их начертанию в русском языке, из которого они заимствованы (в осетинском, мордовском, эвенкийском языках общественно-политические термины — *социализм*, *коммунизм*, *большевик*, *Совет* и др. — пишутся так же, как и по-русски).

К разработке и обсуждению орфографических правил привлекаются обычно не только специалисты-языковеды, но и широкий круг учителей, газетных, издательских работников и представителей других профессий данной народности.

После обсуждения орфография рассматривается и утверждается исполнительными и директивными органами соответствующей национальной республики или области.

Она становится обязательной для всех пишущих на данном языке.

Орфографические правила периодически пересматриваются и совершенствуются в соответствии с развитием языка.

ТЕРМИНОЛОГИЯ

Работа по созданию терминологии для языков младописьменных народов была развернута с первых же дней оформления их письменности. Поэтому период оформления письменности по существу явился и началом разработки, упорядочения и установления в языке общественно-политических, научных, технических и других терминов первой необходимости.

В национальных республиках и областях были организованы постоянные правительственные терминологические комиссии, призванные возглавить всю терминологическую работу в национальных республиках, областях и округах. Все предложения, относящиеся к упорядочению терминологии того или иного языка, направлялись и сейчас направляются в эти комиссии, которые организуют широкое обсуждение каждого предложения или пожелания с участием специалистов соответствующей отрасли знания, языковедов, педагогов, общественно-политических деятелей. Свои рекомендации комиссии вносят на утверждение местных директивных и законодательных органов национальных республик и областей. Одобренные и утвержденные термины считаются узаконенными и обязательными.

В разработке и установлении терминов для младописьменных языков следует отметить два основных этапа. Первый связан с установлением укоренившихся, наиболее широко употребительных в быту, школе, в общественной жизни политических, научных, технических, медицинских, педагогических и других терминов. Особенность второго этапа заключается в углубленной разработке отраслевой терминологии, относящейся к различным областям науки, техники, промышленности, сельского хозяйства, литературы, искусства. Второй этап — непосредственное продолжение и углубление первого.

И в том и в другом случае в центре внимания остаются вопросы спецификации термина как лексической единицы.

На первом этапе мало внимания уделялось углубленной разработке системы терминов для отдельных отраслей знания или относящихся к хозяйственной сфере деятельности. Надо было ограничиться установлением наиболее удобных приемов включения в словарный состав младописьменного языка важнейших, широкоупотребительных слов — терминов по всем отраслям знания и хозяйства. Дело в том, что во многих языках народов СССР отсутствовали слова, обозначающие такие понятия, как *учитель*, *ученик*, *школа*, *Совет*, *социализм*,

пушка, *физика*, *колхоз*, *дипломат*, *подлежащее (субъект)*, *сказуемое (предикат)*, *грамматика*, *телефон*, *книга*, *кино*, *театр* и т. д.

Чтобы пополнить лексику младописьменных языков этими терминами, на первом этапе использовались: а) словарное богатство данного языка и его словообразовательные возможности, б) данные его диалектов, в) интернациональные термины, г) термины, заимствованные из русского и других языков.

В нахских (вейнахских) языках (Северный Кавказ), например, пользуясь их словарным составом и словообразовательными возможностями, были образованы социальные термины *белхало* 'рабочий' и *ахархо* 'пахарь', 'крестьянин'. Первый состоит из исконных элементов — основы *белх* 'работа' и словообразовательного суффикса *ло*; второй также включает исконные элементы — корень (основу) *ахар* и словообразовательный суффикс *хо*. Термины эти возникли уже после создании письменности.

Создавались термины и на базе диалектной лексики. В осетинский литературный язык в качестве сельскохозяйственного термина вошло, например, слово *тыллаг* 'урожай' из дигорского диалекта.

Интернациональная терминология — *социализм*, *коммунизм*, *идеализм*, *материализм* и т. д. — включается во все младописьменные языки. Правила орфографии предусматривают написание этих терминов в соответствии с русской орфографией. Это правило соблюдается и при заимствовании из русского языка таких слов, как *колхоз*, *совхоз* и т. д.

В младописьменных языках основная часть наиболее употребительной и практически необходимой общественно-политической, научной, технической терминологии состоит из интернациональных и заимствованных из русского языка терминов.

Сейчас развитие терминологии и обогащение младописьменных языков новыми терминами происходит главным образом путем заимствования терминов из русского языка и через него — из других языков. Относительно невелико число терминов, образуемых на базе основного фонда лексики данного языка или посредством использования его словообразовательных возможностей.

Наоборот, в старописьменных языках (русском, армянском, грузинском) новые термины создаются главным образом на базе их словарного фонда с широким использованием свойственных им способов словообразования. Такие термины преобладают над заимствованными.

Самый сложный и длительный — второй этап разработки терминологии для младописьменных языков, с которым связана углубленная разработка системы терминологии для различных отраслей науки, техники и хозяйства. В этом плане ведется работа не только по младописьменным, но и по старописьменным языкам.

На втором этапе от специалистов, разрабатывающих терминологические системы, требуются соответствующие знания как в области языкознания, так и в области техники, сельского хозяйства и других отраслей. Между тем известно, что нет универсально образованных ни языковедов, ни техников. Вот почему для успеха дела необходима совместная работа языковедов и специалистов — техников, медиков и т. д. На это неоднократно указывалось в советской научной литературе.[8] Именно так и организована работа научных комиссий Комитета технической терминологии Академии наук СССР. Сотни ученых участвуют в этих комиссиях.

Как показывают подсчеты специалистов, в разработке терминологии свыше 90% времени и усилий затрачивается на составление системы и определение понятий. Техники помогают точно определить каждое терминируемое понятие, его место в кругу других соотносимых с ним понятий. В этом их главная роль.

Задача языковеда состоит в том, чтобы разработать теоретические основы построения системы терминологии и установить принципы использования и специализации языковых средств применительно к данному языку. Необходимо при этом иметь в виду, что термины должны быть легко произносимы и понятны.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ СЛОВАРИ

Появление письменности на многих национальных языках, естественно, вызвало необходимость подготовки и издания различных двуязычных национально-русских, русско-национальных, терминологических и орфографических словарей. Постепенно работа эта развернулась очень широко, но на разных этапах развития языкового строительства объем и качество ее не были одинаковы.

В первые годы выпускались небольшие национально-русские и русско-национальные словари, объемом от двух до четырех-пяти тысяч слов, т. е. словари-минимумы. В научном и техническом отношении они оставляли желать лучшего.

---

[8] Вопросы языкознания, 1956, № 2.

значение их было преимущественно обиходно-практическое. В их составлении участвовали в большинстве случаев люди без достаточной лексикографической подготовки и опыта. Фронтальное изучение языков народов СССР тогда только начинало развертываться, еще мало было сделано по исследованию их словарного состава, грамматического строя и фонетической системы, а подготовка языковедческих кадров еще не достигла необходимой широты.

В первое десятилетие были подготовлены словари: русско-чеченский (1930), русско-таджикский (1934), горно-марийско-русский (1934), эвенско-русский (1936), русско-ненецкий (1936), русско-казахский (1942) и другие. Все они невелики по объему (за исключением двухтомного русско-таджикского) и очень кратки. Так, например, статья, посвященная лексической единице 'работать', ограничивается переводом этого понятия одним словом: в русско-таджикском словаре — 'работать' *кор кардан*, а в русско-казахском — *жумыс истеу*, *истеу*. Здесь не выделяются семантические оттенки этого слова, не фиксируются особенности его употребления, нет фразеологии.

В таких словарях содержится лишь минимум наиболее употребительных слов. Дается элементарное объяснение их значений, отсутствуют грамматические пометы, фразеологический материал. Не отражена и национальная специфика грамматического строя, структура слова. Принципы выделения лексических единиц, омонимов, синонимов, построение словарной статьи — неопределенны. К словарям не прилагаются грамматические очерки.

В совершенствовании этой лексикографической работы большую роль сыграло использование ценного опыта русских специалистов — составителей русско-иностранных и иностранно-русских словарей (например, русско-французского, русско-английского, русского и хинди, русско-корейского и др.).

Несмотря на особенности, присущие «Толковому словарю русского языка» В. Даля, четырехтомному словарю русского языка под редакцией проф. Д. Н. Ушакова, словарю С. И. Ожегова , словарю современного русского литературного языка, — они также оказали составителям двуязычных и других словарей огромную помощь.

Вместе с тем новый опыт составителей национально-русских и русско-национальных словарей оказался полезным и ценным для всей лексикографической работы в СССР.

Авторы национальных словарей внесли, с учетом специфики конкретных языков, много нового в разработку теоретических и научно-технических принципов лексикографии.

Все это значительно повысило качество словарей и позволило увеличить их объем.

В последние 15—20 лет особенно широко развернулась работа по созданию в первую очередь русско-национальных словарей. Дело в том, что составлять эти двуязычные словари было легче, используя существующие русские толковые словари. Обычно на основе последних составлялись словники. В русско-национальные словари широко включали объяснения, истолковывали значение отдельных русских слов. Авторы при этом, по мере сил и умения, старались учесть отличие двуязычных словарей от толковых. Однако не всегда это удавалось.

Более сложным оказалось составление национально-русских словарей. Во-первых, по многим младописьменным языкам такая работа проводилась впервые. Во-вторых, словарный состав национальных языков был слабо изучен. В-третьих, нужно было разработать оригинальные научные и научно-технические принципы составления словарных статей и словников, учитывая особенности каждого национального языка. Далеко не во всех национальных республиках имелись для этого достаточно подготовленные кадры.

Однако эти трудности удалось быстро преодолеть благодаря тому, что в работу включились в качестве авторов, соавторов, руководителей авторских коллективов и ответственных редакторов выдающиеся специалисты по младописьменным языкам.

Составление двуязычных, орфографических и терминологических словарей младописьменных языков велось параллельно. Специалисты работали в тесном контакте, обмениваясь опытом и помогая друг другу.

В известной степени это был подготовительный этап к созданию толковых и этимологических словарей для младописьменных народов. Сейчас, например, уже создается толковый словарь адыгейского языка и завершается работа по созданию осетинского этимологического словаря.

В подготовке национально-русских и русско-национальных словарей немалая роль принадлежит московскому Издательству иностранных и национальных словарей. Его сотрудники оказывают ценную научную и научно-техническую помощь составителям, принимая непосредственное участие в разработке инструкций по составлению словарей, словников и в разработке принципов построения словарных статей. Издательство поддерживает тесный контакт с научно-исследовательскими институтами.

В послевоенный период таких словарей выпущено немало — хорошего качества и достаточно полных. В их числе можно назвать киргизско-русский, башкирско-русский, таджикско-русский, латышско-русский, мокшанско-русский, русско-узбекский, русско-каракалпакский, русско-молдавский, русско-кабардино-черкесский, русско-ненецкий и некоторые другие.

В настоящее время наибольшее внимание уделяется разработке национально-русских словарей.

Лексикографическая работа стала в СССР важным государственным делом. Научно-исследовательские институты планируют свою работу на длительный срок.

Ведутся крупные теоретические исследования по обобщению опыта лексикографической работы в СССР.[9] В этом отношении вкладом в науку явились теоретические исследования по проблемам лексикологии и лексикографии акад. В. В. Виноградова, чл.-корр. АН СССР В. И. Чернышева, профессоров А. С. Чикобава, В. И. Абаева и других.

Значительное внимание уделяется организационным вопросам — координации деятельности научных учреждений, обмену опытом. В системе Академии наук СССР действует координационная комиссия, объединяющая всю лексикографическую работу в стране.

РОДНОЙ ЯЗЫК И ПРОСВЕЩЕНИЕ

В марте 1921 г. X съезд Коммунистической партии, проходивший под руководством великого Ленина, принял решение осуществить широкую программу мероприятий, направленных к всестороннему подъему уровня общественно-политической и культурной жизни отсталых народов России. Задача партии состоит в том, — говорится в этом историческом решении, — чтобы помочь трудовым массам: «а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школы, театр, клубное дело и вообще культурно-

[9] Опыт лексикографической работы в СССР настолько богат и ценен в общественном, научном и научно-техническом отношении, что он нуждается в специальном развернутом освещении. Необходим глубокий анализ принципов составления различных типов словарей, построения словарных статей и других отдельных лексикологических и лексикографических проблем. Здесь же дается лишь общая характеристика этой работы.

просветительные учреждения на родном языке; г) поставить и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке. . . для ускорения подготовки местных кадров квалифицированных рабочих и советско-партийных работников по всем областям управления и прежде всего в области просвещения».[10]

В стране все было поставлено на службу получившему грандиозный размах делу просвещения малоразвитых народов: создание письменности, издание учебных пособий на родном языке, подготовка специалистов по родному языку из обладающих хотя бы элементарными знаниями местных людей различных национальностей и т. д. В национальных республиках и областях развернулась густая сеть пунктов по ликвидации неграмотности, возникли начальные школы для детей на родном языке. Взрослые, мужчины и женщины, после работы шли на пукты по ликвидации неграмотности (их называли ликбезами), где занятия велись бесплатно. Широко использовалась общественная инициатива: студенты и городские служащие шли в деревню, помогая просвещать сельское население. Вчерашние ученики сегодня сами обучали рабочих и крестьян, еще не умеющих ни читать, ни писать.

Всенародный поход против неграмотности требовал подготовки огромного количества учителей. И они ускоренными темпами готовились в национальных республиках и областях, где впервые вводилась письменность на родном языке.

За 10—15 лет это принесло свои плоды. Неграмотность в стране была почти полностью ликвидирована.

Быстро растущее социалистическое народное хозяйство все острее в эти годы испытывало потребность в квалифицированных кадрах рабочих и служащих, в кадрах инженеров, агрономов и других специалистов. И особенно остро испытывали это национальные республики.

Вот почему по мере ликвидации неграмотности всюду увеличивалась сеть средних общеобразовательных, специальных и технических учебных заведений, курсов повышенного типа и, наконец, высших учебных заведений.

В системе советского народного просвещения — несколько типов школ: общеобразовательные — начальные (4 класса), неполные средние, средние; средние специальные — технические, медицинские, педагогические, в которых дается и об-

---

[10] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. 1. Изд. 7-е, 1954, стр. 559.

шее среднее образование; высшая школа, готовящая кадры высокой квалификации, — университеты, институты технические, медицинские, педагогические и т. д., академии — сельскохозяйственные, промышленные и др.

Кроме того, во всех уголках страны — на заводах и фабриках, в колхозах и совхозах — существует широкая сеть вечерних школ, техникумов, курсов. Рабочие, служащие, колхозники получают здесь среднее образование или новую специальность без отрыва от своей постоянной производственной работы. Государство и советская общественность всячески стимулируют стремление трудящихся к знаниям.

Во всех звеньях советской системы народного просвещения обучение бесплатно. В СССР давно уже осуществлено всеобщее и обязательное семиклассное образование. В стране проводятся крупные мероприятия для осуществления политехнического образования, для усиления связи школы с практикой, с жизнью.

Естественно, что для национальных республик и областей уже в первые годы особо важное значение приобрели педагогические институты, готовящие кадры педагогов из местного населения на родном языке. Этим разрешалась главная проблема в деле приобщения к социалистической культуре и строительству широких народных масс национальных окраин.

Вся совокупность мероприятий советской власти привела к коренному изменению духовного облика и культурного уровня народов СССР. В Узбекистане на родном языке ныне действует свыше пяти тысяч начальных и средних школ, 36 высших учебных заведений. Например, в Среднеазиатском университете в Ташкенте — 3 тысячи студентов, т. е. вдвое больше, чем в соседнем Иране. Узбекская Академия наук объединяет 5 научно-исследовательских институтов, в том числе институт по изучению узбекского языка. В республике выходит 9 республиканских, 19 областных, 13 городских, 107 районных газет, работает свыше 3500 городских и сельских клубов и дворцов культуры, 1840 библиотек, 17 музеев, до 1000 киноустановок, 27 театров. Большими тиражами узбеки издают политическую, научную и художественную литературу, в том числе произведения своих поэтов и писателей.

В Киргизской ССР на литературном киргизском языке ведется преподавание в 1500 начальных и средних школах и в 28 средних технических учебных заведениях. В республике 10 вузов, в том числе университет. Академия наук Киргизской ССР объединяет 34 научно-исследовательских учреждения,

в которых работают национальные научные кадры. Издается около 100 газет, научная и художественная литература.

Наиболее разительны перемены в автономной Якутской республике. До революции здесь царили поголовная темнота и невежество. Народу грозило вымирание. Теперь в Якутии успешно развивается социалистическое народное хозяйство и национальная культура. На родном языке работает свыше 600 начальных и средних школ, 17 техникумов, университет. В республике имеется 36 домов культуры, 300 сельских клубов, около 700 библиотек, 4 краеведческих и 1 художественный музей. Издаются свои газеты, книги. Большую исследовательскую деятельность ведет в республике филиал Академии наук СССР.

На Кавказе, в Дагестане, как уже говорилось выше, живет малочисленный лакский народ — всего 50 тыс. человек. Во времена царизма он вымирал. Не было у него ни школ, ни своей письменности. Сейчас в школах здесь преподают на родном языке свыше 500 квалифицированных педагогов лаков.

Из многочисленных народов Дагестана лишь 17 представителей их «удостоились» до революции получить высшее образование (женщин среди них не было). В советские годы много лаков и лачек только из одного села Кумух получили высшее образование, из аварского села Чох — 200 аварцев, мужчин и женщин. Среди дагестанцев теперь немало инженеров, техников, агрономов, химиков, физиков, врачей, языковедов, историков, литературоведов.

Во всех союзных республиках имеются университеты, причем в РСФСР их 12, на Украине 6, в Узбекистане 2. В Белорусской ССР — 28 высших учебных заведений, в Армянской ССР — 16, в Азербайджанской ССР — 14, в Казахской ССР — 26, и т. д.

Достаточно этих примеров, чтобы видеть характер и размах культурной революции, осуществленной в советской стране.

РОДНОЙ ЯЗЫК И НАЦИОНАЛЬНЫЕ КАДРЫ

Одна из неотложных задач, к разрешению которой призвана была письменность на родном языке, — это создание народами СССР своих национальных кадров — работников техники, науки и культуры. Правда, на различных этапах развития советского государства роль родного языка в этом деле была не одинакова. В первые годы, когда только еще вводилась национальная письменность, русский язык был почти единственным, которым пользовались при подготовке националь-

ных кадров со средним и особенно высшим образованием. Это объясняется рядом причин. Во-первых, младописьменные языки только начинали выполнять функцию литературного языка. Во-вторых, школа на родном языке почти во всех национальных республиках и областях делала только первые свои шаги. В-третьих, почти ни в одной национальной республике и области не было еще средних технических и высших учебных заведений, где преподавание велось бы на родном языке; не было учебных пособий, а тем более соответствующих преподавателей. В-четвертых, и те немногие представители малых национальностей, которые имели подготовку для поступления в высшие учебные заведения, получили ее в большинстве случаев на русском языке. И, наконец, вообще подготовка кадров в широких масштабах еще только начинала развертываться в стране.

Это был период, когда русские ученые и первые специалисты других национальностей играли главную роль в организации средних и высших школ в национальных республиках и областях и вводили там преподавание на родном языке коренного населения.

В дальнейшем роль родного языка в подготовке национальных кадров стала быстро возрастать. В союзных национальных республиках родной язык стал играть ведущую роль сначала в подготовке кадров со средним образованием, а затем, в меру создания и расширения сети высших школ, — и с высшим образованием.

Преподаватели для национальных средних и высших учебных заведений, особенно в первый период, готовились в Москве, Ленинграде и в других городах Центральной России. И вообще огромная помощь русского народа и всего Советского Союза финансовыми, материальными ресурсами и культурными силами была решающей в ликвидации хозяйственной и культурной отсталости национальных окраин. Выражением ленинской национальной политики был провозглашенный в те годы Коммунистической партией лозунг: народы национальных окраин в своем политическом, хозяйственном и культурном развитии должны в короткий срок догнать ушедшие вперед народы Центральной России.

Для решения этой задачи нужны были многочисленные национальные кадры. Чтобы родной язык в союзных республиках занял подобающее ему место, потребовалось довольно продолжительное время. Подготовка специалистов высшей квалификации, способных воспитывать учащихся средних и высших учебных заведений или работать в научно-исследо-

вательских институтах, требует много времени и крупных финансовых затрат. Она требует, кроме того, большой предварительной работы по улучшению постановки среднего образования, чтобы обеспечить высшую школу хорошим контингентом поступающих.

Чтобы выпускники обладали основательными знаниями, позволяющими не только поступить в высшее учебное заведение, но и вполне овладеть какой-либо специальностью, нужно было, конечно, повысить качество подготовки учителей высшей школой.

Затем, средняя и высшая школы должны были учитывать высокие темпы развития народного хозяйства страны и в соответствии с этим бесперебойно обеспечивать новые заводы, фабрики, электростанции, совхозы, колхозы, машинно-тракторные станции высококвалифицированными кадрами.

Если к 1930 г. уже завершалось введение письменности для многих народов, открывались национальные школы, на различных краткосрочных курсах велась подготовка кадров низшей и средней квалификации, то в последующее десятилетие была поставлена задача подготовки инженерно-технических кадров высокой квалификации.

Известно, что Советский Союз достиг в этом больших успехов. Именно в годы первых двух пятилеток в национальных республиках открывается все большее число высших учебных заведений с преподаванием на родном языке. Однако Вторая мировая война, вероломное нападение фашистской Германии на Советский Союз затормозили культурное строительство.

После войны организация высших учебных заведений, научно-исследовательских институтов, развитие советской науки, а следовательно, и подготовка научных кадров — получили еще более широкий размах.

В национальных республиках было создано в этот период большинство академий наук и научно-исследовательских учреждений по различным отраслям науки, техники и культуры. Первоначально во многих союзных республиках существовали только комплексные научно-исследовательские институты. Они вели изучение местных природных богатств, экономики, языка, литературы, истории. На их базе затем, по мере роста национальных научных кадров, были созданы филиалы Академии наук СССР. В дальнейшем последние преобразовались в академии наук национальных союзных республик. Сейчас имеют свои академии наук с многочисленными научно-исследовательскими институтами Украинская, Белорусская, Узбекская, Армянская, Грузинская, Азербайджанская, Казахская,

Литовская, Латвийская, Таджикская, Туркменская, Киргизская, Эстонская союзные республики. В Молдавской ССР и в некоторых автономных республиках, областях и краях (РСФСР) работают филиалы и базы Академии наук СССР (всего их 14).

О масштабах научных исследований и о росте соответствующих кадров в стране красноречиво говорит тот факт, что за последние 20—25 лет число научно-исследовательских учреждений почти удвоилось и достигло внушительной цифры — 2707. Немалая работа продолжается и в области изучения языка. Ее ведут не только специальные институты при академиях наук. После завершения подготовки алфавитов для младописьменных языков во всех автономных национальных республиках и областях были созданы научно-исследовательские институты языка и национальной культуры. Они разрабатывают уже накопленные и собираемые в ходе работы ценные материалы по языку, национальной литературе, фольклору, истории культуры. Теперь это серьезные, стоящие на уровне современной науки, культурные и научные центры в национальных районах.

У народов СССР сложились значительные научные кадры, кадры деятелей искусства и литературы, языковедов, и среди них немало кандидатов и докторов наук, доцентов и профессоров, членов-корреспондентов академий наук и академиков.

Среди горцев Кавказа до революции не было ни одного, кто имел бы ученую степень или звание. Теперь среди представителей только одной народности — лаков — 3 доктора наук и 22 кандидата. Две женщины лачки — кандидаты медицинских наук. Всюду имеются научные кадры языковедов. Среди аварцев — 4 кандидата филологических наук, среди лезгин — 5, 10 филологов — кандидатов наук — кабардинцы и черкесы.

Языкознание в СССР представлено ныне крупными языковедами Грузии, Армении, Казахстана, Азербайджана, Якутии, специалистами по монгольским, финно-угорским языкам, языкам народов Севера и т. д.

Огромная работа по подготовке национальных научных кадров позволила полностью осуществить преподавание в высших школах союзных республик на родном языке. В Азербайджане, Грузии, Армении, Латвии, Литве, Эстонии, Белоруссии, Узбекистане и т. д. научные дисциплины в университетах и институтах читаются ныне на языке коренного населения.

Значение этого факта, в особенности для развития национальной литературы и искусства, трудно переоценить. Еще

Максим Горький считал, что «идеальным было бы, если бы каждое произведение каждой народности, входящей в Советский Союз, переводилось на языки всех других народностей СССР». В Советской стране работает свыше 200 центральных, республиканских, краевых и областных издательств, выпускающих в год сотни миллионов книг на русском и других языках народов СССР. С появления первой русской печатной книги в XVI в. и до 1917 г., в течение примерно 350 лет, в России вышло около 550 тыс. названий книг. Между тем, с 1917 г. за 37 лет издано 1210 тыс. названий книг общим тиражом свыше 17 млрд экземпляров на 122 языках.

Особенно большими тиражами издается на 70 языках художественная литература народов СССР, в переводах на их родные языки широко издаются произведения русской и мировой научной и художественной литературы, творения классиков марксизма-ленинизма, естественно-научная и техническая литература.

Большое внимание уделяется изданию в переводах на русский язык и на языки народов СССР творений национальных писателей Украины, Белоруссии, Латвии, Грузии, Казахстана и других республик, а также авторов, принадлежащих к таким малочисленным народностям, как адыгейцы, аварцы, лезгины, чукчи, удэйцы, тувинцы.

Научное и литературное творчество каждого народа становится достоянием всех народов. В нашей стране все шире и глубже идет процесс взаимного обогащения национальных культур, способствуя укреплению дружбы и братского сотрудничества народов.

Ю. Д. Дешериев

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О КАВКАЗСКИХ ЯЗЫКАХ

1

В Советском Союзе представлены почти все иберийско-кавказские, или коренные кавказские языки. Они образуют четыре группы: 1) картвельскую, или иберийскую, 2) абхазо-адыгскую, 3) дагестанскую и 4) нахскую (вейнахскую). Изучение иберийско-кавказских языков до Октябрьской революции можно условно подразделить на три периода.

К первому периоду (конец XVIII—начало XIX в.) относятся попытки собрать, в основном, лексический материал по кавказским языкам. Этот период характеризуется главным образом работами Гюльденштедта, Клапрота, Палласа. Их скудные данные и приемы простого сопоставления малоизученного и недоброкачественного лексического материала не дали ясного представления о языках Кавказа.

Второй период изучения кавказских языков (середина XIX в.) связан с возникновением и развитием сравнительно-исторического языкознания. Иберийско-кавказскими языками интересовались М. Броссе, Фр. Бопп, Фр. Мюллер. Эти крупные ученые высказали ряд противоречивых мнений о родстве иберийско-кавказских языков. Так, М. Броссе еще в 1834 г. полагал, что грузинский язык связан генетическим родством с индоиранской группой индоевропейских языков. Несколько позже, в 1847 г., Бопп рассматривал картвельские языки как особое, кавказское звено индоевропейских языков.[1]

Противоположная точка зрения была высказана Фр. Мюллером в 1864 г. Он решительно отрицал генетическую связь

---

[1] F. B o p p. Die kaukasischen Glieder des indoeuropäischen Sprachstammes. Berlin, 1847.

кавказских языков с какой-либо из современных языковых семей. Значительно позже, в «Предисловии» к книге Р. Эркерта,[2] он несколько иначе ставит этот вопрос. Утверждая, что кавказские языки образуют самостоятельную семью, он в то же время полагает, что ответвление кавказских языков от своей основы имеет существенное сходство с ответвлением семито-хамитских языков от их основы.

Все эти высказывания о природе кавказских языков представляют гипотезы, не опирающиеся на сколько-нибудь значительный фактический материал. Это и понятно, так как в то время языки Кавказа были почти не изучены.

Еще в IX в. арабский путешественник Массуди восклицал: «Един бог перечтет разноязычные народы, живущие в горах Кабох [Кавказских]. Гора Кабох — гора языков».[3] Спустя 900 лет, в 1862 г., П. К. Услар повторил эти слова: «Теперь прошло 900 лет после набожного восклицания Массуди, и если бы г. Паули обратился к нам с вопросом, сколько различных языков на Кавказе, то мы бы ответили: „Един бог перечтет разноязычные народы, живущие в горах Кабох. Гора Кабох — гора языков“».[4]

В этой лаконичной характеристике показано состояние кавказского языкознания в период, непосредственно предшествовавший началу деятельности П. К. Услара, когда наука о языке не имела сколько-нибудь полной характеристики фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики ни одного из горских кавказских языков. Были опубликованы весьма ценные «Опыты» академика А. А. Шифнера,[5] но и они, однако, не могли дать достаточного материала для разработки кардинальных вопросов кавказского языкознания.

Третий период в изучении кавказских языков (конец XIX—начало XX в.) связан с именем выдающегося русского кавказоведа П. К. Услара. Прекрасно понимая состояние и нужды кавказского языкознания, он считал необходимым изучать языки Кавказа последовательно, глубоко и всесторонне. Серьезные исследования отдельных языков должны были заложить основу для последующего сравнительно-исторического изучения кавказских языков. «Исследование каждого особого

---

[2] R. Erckert. Die Sprache des kaukasischen Stammes. Wien, 1895.

[3] П. К. Услар. Этнография Кавказа. Языкознание. Чеченский язык. II. Тифлис, 1888, стр. 9.

[4] Там же.

[5] A. Schiefner. 1) Versuch über die Sprache der Uden. SPb., 1863; 2) Versuch über die Thusch-Sprache. SPb, 1856.

языка, — писал он, — должно представиться в виде ч а с т и ц е л о г о, т. е. исследования целого семейства кавказских языков, но для исследования ц е л о г о необходимо исследовать предварительно в с е части: каждый язык открывает чрезвычайно много нового д л я ц е л о г о».[6] Уже после завершения монографического изучения трех горских кавказских языков, подводя итоги своих конкретных лингвистических исследований, в письме к А. П. Берже от 10 февраля 1864 г. Услар писал: «Теперь уже утвердительно можно сказать, что к великим семействам языков старого света... до́лжно присоединить еще с о в е р ш е н н о с а м о с т о я т е л ь н о е с е м е й с т в о я з ы к о в к а в к а з с к и х (разрядка наша, — *Ю. Д.*), так как все эти языки, при изумительном разнообразии, представляют глубокие родственные черты. Армянский язык есть язык индоевропейский. Грузинский, по-видимому, есть язык кавказский и, по всей вероятности, самый замечательный во всем семействе. Без очерка грамматического строя грузинского языка замышляемый мною Caucase Polyglotte будет незамкнут».[7]

П. К. Услар [8] исследовал семь кавказских языков: абхазский, чеченский, аварский, лакский, даргинский, лезгинский и табасаранский. Шесть его монографий были изданы еще до революции. Однако большинство горских кавказских языков оставалось неизученным. Значительно лучше были изучены картвельские языки в работах М. Броссе, Г. Розена, А. А. Цагарели, И. Кипшидзе, Н. Я. Марра и др.

Значительный вклад в изучение адыгских языков внесли ученый и просветитель кабардинского народа Ш. Б. Ногмов [9] и русский кавказовед Л. Г. Лопатинский.[10]

Дореволюционные работы Р. Эркерта [11] и А. Дирра,[12] пытавшихся последовать примеру П. К. Услара, стоят намного ниже его трудов. Все же А. Дирр сделал определенный вклад в статическое изучение кавказских языков. Правда, его краткие очерки ряда кавказских языков страдают серьез-

---

[6] П. К. У с л а р. Письма. В кн.: Этнография Кавказа. Языкознание. II. Чеченский язык. Тифлис, 1888 (стр. 45—46 первой пагинации).

[7] Там же, стр. 7.

[8] П. К. У с л а р, ук. соч., вып. I—VI, 1887—1896.

[9] Ш. Б. Н о г м о в, Филолог. тр., т. I, Нальчик, 1956.

[10] Л. Г. Л о п а т и н с к и й. Краткая кабардинская грамматика. В кн.: Сб. материалов для описания местн. и племен Кавказа, вып. 12, Тифлис, 1889.

[11] R. E r c k e r t, ук. соч.

[12] A. D i r r. Einführung in das Studium der kaukasischen Sprachen. Leipzig, 1928.

ными недостатками. Неясную, противоречивую позицию занимал А. Дирр также по вопросу о родстве иберийско-кавказских языков. В обзорной работе «Введение в изучение кавказских языков» [13] он утверждает, с одной стороны, следующее: «Мы можем говорить о кавказских языках с таким же правом и на таких же основаниях, с каким мы говорим о языках индоевропейских и семитических»,[14] с другой стороны, он находит, что «кавказское генеалогическое дерево имеет три ствола. Мы еще не докопались достаточно глубоко, чтобы можно было сказать, все ли три ствола идут от общего корня или же три корня срослись вместе до неузнаваемости».[15]

Известный языковед Г. Шухардт интересовался кавказскими языками главным образом с точки зрения общего языкознания и проблемы взаимодействия языков. Наибольшей известностью пользуется его работа, в основном обзорного характера, о пассивном характере переходного глагола в кавказских языках.[16]

Итальянский ученый А. Тромбетти, посвятивший несколько работ изучению грамматического строя иберийско-кавказских языков и сравнительной характеристике некоторых фонетических и морфологических явлений, наблюдаемых в них, признавал родство горских кавказских языков с картвельскими. Это утверждение вытекало из общетеоретических взглядов А. Тромбетти о моногенезисе человеческой речи, т. е. о единстве происхождения всех языков, об отсутствии в мире неродственных языков.[17] Н. Трубецкой [18] отрицательно относился к родству картвельских и горских кавказских языков, но не подкреплял это положение никакими новыми фактическими данными. Основная заслуга Трубецкого состоит в исследовании фонетических явлений и выявлении звуковых соответствий в горских кавказских языках.

Ж. Дюмезиль, написавший ряд трудов по сравнительно-историческому изучению горских кавказских языков,[19] более

---

[13] Там же.
[14] Там же.
[15] Там же.
[16] H. Schuchardt. Über den Passiven Characters des Transitiv's in der kaukasischen Sprachen. Wien, 1895.
[17] А. Тромбетти. О теории пассивного характера глагола. В сб.: Эргативная конструкция предложения. М., 1950, стр. 152.
[18] N. Trubetskoy. Studien auf dem Gebiete der vergleichenden Lautlehre der nordkaukasischen Sprachen. Журн. «Caucasica», fasc. III, Leipzig, 1926.
[19] G. Dumézil. Études comparatives sur les langues caucasiennes du nord-ouest. Morphologie. Paris, 1932.

осторожно относился к постановке вопроса о наличии или отсутствии родства этих языков с картвельскими.

Австрийский ученый Р. Блейхштейнер, занимавшийся баскским и картвельскими языками, также интересовался проблемой родства картвельских и горских кавказских языков. Хотя этот ученый не мог не знать, что огромный фактический материал по бесписьменным языкам еще не опубликован, он находил возможным утверждать, что кавказские языки образуют три резко отличные по типологии группы (семьи) языков.[20]

Ценными являются труды Г. Деетерса, в которых освещены вопросы строения глагола в картвельских и абхазско-адыгских [21] языках и системы грамматических классов.[22] Эти проблемы получили более углубленную разработку в трудах советских языковедов.

К. Боуда опубликовал ряд работ описательного и сравнительно-исторического характера по иберийско-кавказским языкам. В 1940 г. он издал исследование, посвященное абазинскому языку,[23] который был в то время еще слабо изучен. К. Боуда уделяет существенное внимание этимологическим вопросам.[24] Он внес ценный вклад в разработку этих и некоторых других вопросов иберийско-кавказского языкознания.

Обстоятельная характеристика трудов дореволюционных исследователей кавказских языков дана в работах М. Я. Немировского [25] и А. С. Чикобава.[26]

Подводя итоги характеристике изучения иберийско-кавказских языков до революции, а также трудам зарубежных языковедов, следует подчеркнуть, что несмотря на значительное количество исследований, созданных главным образом русскими учеными, подавляющее большинство горских языков еще не было изучено.

---

[20] R. Bleichsteiner. Kaukasische Forschungen, t. I. Wien, 1919.

[21] G. Deeters. Der Abchasischen Sprachbau. Nachrichten von Gesellschaft der Wissenschaft. Göttingen, Phil.-Hist. Kl., 1931.

[22] G. Deeters. Gab es Nominalklassen in alten kaukasischen Sprachen? В кн.: Corolla linguistica, Festschrift F. Sommer. Wiesbaden, 1955.

[23] K. Bouda. Das Abasinische, eine unbekannte abchasische Mundart. Zeitschrift Deutscher Morgenländischer Gesellschaft, Bd. 94, Hft. 2, Leipzig, 1940.

[24] K. Bouda. Südkaukasisch-Nordkaukasische Etymologien. Welt des Orients, Göttingen, 1955, Bd. 2, Hft. 2.

[25] М. Я. Немировский. Из прошлого и настоящего кавказской лингвистики. Владикавказ, 1928.

[26] А. С. Чикобава. О двух основных вопросах изучения иберийско-кавказских языков. Вопр. языкозн., 1955, № 6.

2

После победы Великой Октябрьской социалистической революции развернулось глубокое, всестороннее изучение кавказских языков, которое должно было пролить свет на историю их носителей, на особенности их быта, культуры. Статическое и сравнительно-историческое исследование ибейриско-кавказских языков давало материал для выяснения исторических взаимоотношений между народами Кавказа и их связей с другими народами. Вместе с тем исследование их своеобразной фонетической системы, грамматического строя и словарного состава могло дать много ценного для разработки кардинальных проблем общего языкознания (о природе грамматических категорий и их историческом формировании, о звуковых единицах человеческой речи, о теории слова и предложения и т. д.). Практические задачи были связаны с необходимостью создания письменности для малых народов, разработки алфавитов и орфографии, составления учебников, подготовки национальных кадров.

Еще дореволюционными прогрессивными деятелями России делались попытки создать письменность на родном языке для малых народов Кавказа. Однако эти попытки наталкивались на политику царизма, который подавлял всякую свободу как для русского народа, так и для национальных меньшинств, препятствовал их просвещению, развитию их культуры.

С первых же дней своего существования советская власть провозгласила равноправие народов СССР и создала все условия для развития экономики, культуры, языков народов Советского Союза. Наиболее крупные из малых народов Кавказа получили национальную автономию, была создана письменность для 11 бесписьменных языков. В широкой сети начальных, неполных средних и средних школ, организованной в национальных районах Кавказа для просвещения народных масс, важное значение придавалось обучению на родном языке. Впервые в истории аварский, абхазский, абазинский, адыгейский, кабардино-черкесский, даргинский, ингушский, лакский, лезгинский, табасаранский, чеченский языки стали языками школьного преподавания.

В национальных союзных, автономных республиках и областях — как на русском, так и на родных языках — функционируют театры, многочисленные культурно-просветительные учреждения, выходят газеты, журналы, издается художественная, политическая и научно-популярная литература; созданы техникумы, вузы для подготовки национальных кад-

ров, научные учреждения, которые занимаются изучением истории, культуры, языков этих народов.

В создании письменности, подготовке национальных кадров и исследовании языков малых народностей Кавказа большую помощь оказали русские ученые и ученые других народов СССР. Была проведена большая научно-организационная работа по разработке алфавитов, орфографии и терминологии, а также по составлению учебников, определению диалектной базы младописьменных литературных языков.

По требованию самих народов алфавиты младописьменных языков, составленные на арабской и латинской графических основах, в течение 1936—1939 гг. были заменены алфавитами на основе русской графики.

Среди народов Кавказа, которые до революции почти полностью были неграмотными, еще в 30-е годы неграмотность была в основном ликвидирована. Была создана национальная интеллигенция, национальный рабочий класс. Женщины стали равноправны с мужчинами во всех областях политической, хозяйственной и культурной деятельности. В период индустриализации и коллективизации на Кавказе возникли крупные промышленные центры, сельское хозяйство оснащалось передовой техникой.

Всем этим народы Кавказа обязаны ленинской национальной политике Коммунистической партии и советского правительства, братской помощи великого русского и других народов СССР.

3

Наиболее значительным вкладом кавказоведов в советское языкознание является создание монографических исследований фонетической системы, грамматического строя и словарного состава кавказских языков. Сравнительно-историческое изучение этих языков могло развернуться лишь на базе их статических данных.

Обстоятельные исследования советских языковедов позволили уточнить состав кавказских языков, выяснить взаимоотношения между ними. В настоящее время нет уже ни одного неисследованного кавказского языка, что позволяет в основном правильно решить проблему классификации горских кавказских языков, которые следующим образом распределяются по указанным выше четырем группам.

К к а р т в е л ь с к и м, и л и и б е р и й с к и м языкам относятся грузинский, занский, или мегрело-чанский, и сванский. На древнеписьменном грузинском языке, датированном

с конца V в. н. э., существуют исключительно ценные исторические письменные памятники. Носители занского и сванского языков, по их собственному желанию, обслуживаются грузинским языком, так как подавляющее большинство из них двуязычны и их вторым языком общения стал грузинский.

На грузинском языке в ГрузССР ведется делопроизводство в государственных и общественно-политических учреждениях, преподавание в начальных, средних и высших учебных заведениях. Грузинский язык является одним из развитых национальных языков Советского Союза. Современное грузинское письмо базируется на древнегрузинской графической основе.

А б х а з с к о - а д ы г с к у ю группу составляют кабардино-черкесский, адыгейский, абхазский, абазинский языки. Советская власть дала кабардинцам, черкесам, абхазцам, адыгейцам, абазинцам письменность на родном языке.

Д а г е с т а н с к а я группа является самой сложной по составу языков. Она распадается на следующие подгруппы: а) аваро-андо-дидойскую, б) лакско-даргинскую, в) лезгинскую. Научная правомерность выделения аваро-андо-дидойской подгруппы по принципам генеалогической классификации языков признана всеми кавказоведами. Что же касается лакско-даргинской, то далеко не все кавказоведы находят достаточно оснований для включения в одну подгруппу лакского и даргинского языков.

В состав аваро-андо-дидойской подгруппы входят: а) собственно аварский язык с его многочисленными диалектами, б) андийские языки, в) дидойские (цезские) языки.

Младописьменным из них является аварский. Носители всех остальных языков этой подгруппы пользуются аварским письменным языком, ставшим их вторым языком общения.

Младописьменными языками являются также лакский, даргинский, лезгинский и табасаранский. К лезгинской подгруппе относится также несколько бесписьменных языков.

В состав в е й н а х с к и х языков входят младописьменные чеченский, ингушский и бесписьменный бацбийский языки. Промежуточное положение между чеченским и ингушским занимает аккинская речь.

Для ряда мелких народностей Кавказа письменность создана не была. Народы, говорящие на них, в экономическом, культурном и языковом отношении находятся под сильным влиянием более крупных народностей. Так, например, малочисленные хваршинцы, гинухцы, ботлихцы и другие андо-

цезские народности испытывают сильное влияние аварского языка.

При помощи своих одноаульных языков они могут общаться между собой лишь в пределах своих аулов. В силу повседневной жизненной потребности носители этих языков стали двуязычными. Их вторым языком общения является аварский. Хваршинцы, гинухцы, ботлихцы пользуются аварским письмом. Аварский язык генетически родствен этим языкам. Аварский народ в этническом отношении также близок к этим малочисленным народам.

Все бесписьменные языки — это малые, нередко одноаульные языки, на которых говорят от нескольких сот до нескольких тысяч человек.

Советскими языковедами были описаны все горские кавказские языки, выяснен их диалектный состав. Так, впервые более или менее обстоятельно был обследован грамматический строй двадцати бесписьменных языков. Созданы капитальные труды по морфологии и синтаксису почти всех письменных языков.

Много сделано в советское время и по изучению словарного состава кавказских языков. Вышли первые четыре тома восьмитомного толкового словаря грузинского литературного языка. Изданы и подготовлены к изданию крупные национально-русские и русско-национальные двуязычные словари всех письменных языков.

Впервые в советскую эпоху началось изучение диалектов иберийско-кавказских языков. Крупные исследования созданы по диалектам картвельских, аварского, даргинского, кабардино-черкесского и других языков. Можно сказать, что нет ни одного крупного диалекта какого угодно кавказского языка, который не стал бы предметом исследования.

Элементная палеонтология «нового учения» о языке Н. Я. Марра тормозила сравнительно-историческое изучение иберийско-кавказских языков. Лишь после лингвистической дискуссии 1950 г. советские кавказоведы получили полную возможность исследовать эти языки, пользуясь сравнительно-историческим методом.

Среди советских языковедов сравнительно-историческому изучению иберийско-кавказских языков наибольшее внимание уделили А. С. Чикобава и его видные ученики — исследователи картвельских и горских кавказских языков. Следуя основному положению П. К. Услара, предполагавшего, но не доказавшего родство горских кавказских языков с картвельскими, они решили это положение обосновать лингвистически. В этом

направлении важнейшим считается установление проф. А. С. Чикобава существования в историческом прошлом в картвельских языках категории грамматических классов, материально и структурно соответствовавших грамматическим классам современных горских кавказских языков.[27] Из этих последних категорию грамматического класса утратили, например, адыгейский, кабардино-черкесский и лезгинский языки. Аналогичный процесс привел и к утрате картвельскими языками категории грамматических классов. Были сделаны и другие выводы принципиального характера, подтверждающие генетическое единство кавказских языков, основанные на анализе фактических данных.[28] Подавляющее большинство советских языковедов признает генетическое родство горских кавказских и картвельских (иберийских) языков.

В советском языкознании развернулась оживленная дискуссия по вопросу об исторических связях иберийско-кавказских и древних (мертвых) языков Передней Азии (протохеттского, урартского и др.).

Дискуссия привела к выводу, что вопрос о наличии или отсутствии генетических связей между указанными языками может быть решен лишь в результате углубленного изучения фактов этих языков.

В ходе изучения иберийско-кавказских языков выяснилось, что их исследование может пролить свет на ряд проблем истории культуры Древнего Востока.

В советское время значительное внимание уделяется использованию специфических данных иберийско-кавказских языков для разработки актуальных и кардинальных проблем общего языкознания.

К числу таких проблем относятся следующие.

1. Проблема формирования морфологической системы, роль отдельных грамматических категорий в ее оформлении и развитии. Своеобразной особенностью морфологического строя горских кавказских языков является система грамматических классов. Грамматический класс в морфологической системе этих языков играет роль универсальной грамматической категории в том смысле, что

---

[27] А. С. Чикобава. 1) Древнейшая структура именных основ в картвельских языках. 1942; 2) Чанско-мегрельско-грузинский сравнительный словарь. Тбилиси, 1938.

[28] Г. В. Рогава проследил окаменелые экспонаты грамматических классов в адыгских языках. См. его работу: К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгских (черкесских) языках. Тбилиси, 1956.

он охватывает все части речи. В истории развития морфологической системы рассматриваемых языков показатели грамматических классов, изменяя свои функции, выступали в роли падежных аффиксов, словообразовательных элементов, временны́х, личных формантов. Изучение категории грамматического класса дало много нового для разработки таких проблем общего языкознания, как проблемы исторического развития морфологии, сопоставительного изучения различных морфологических систем, взаимоотношений между грамматическими категориями в системе языка.

2. Проблема синтаксиса простого и сложного предложения. Специфическая особенность синтаксиса простого предложения, представленная эргативной конструкцией, получила широкое освещение в трудах по общему языкознанию.[29] Эргативная конструкция свойственна переходному предложению. Сущность этой конструкции состоит в следующем: подлежащее ставится в специальном падеже действователя — эргативном падеже, прямое дополнение употребляется в именительном падеже, глагол-сказуемое согласуется обычно с прямым дополнением.

В области сложного предложения для общего языкознания представляют интерес свойственные кавказским языкам способы связи главной и придаточной частей в составе сложноподчиненного предложения. В горских кавказских языках очень слабо развиты подчинительные союзы. В то же время связь между частями сложноподчиненного предложения выражается морфологически, посредством особого аффикса, включаемого в состав глагола-сказуемого придаточного предложения. Это расширяет наши представления в общелингвистическом плане о способах выражения подчинительной связи между составными частями сложноподчиненного предложения.

3. Проблема корня (основы), на своеобразие которого в иберийско-кавказских языках обращено особое внимание не только кавказоведов, но и специалистов по общему языкознанию.

---

[29] Г. Шухардт. Об активном и пассивном характере переходного глагола в кавказских языках. В сб.: Эргативная конструкция предложения; Х. К. Уленбек. Пассивный характер переходного глагола, или глагола действия в языках Северной Америки. Там же; И. И. Мещанинов. Общее языкознание. М.—Л., 1936; А. С. Чикобава. Проблемы эргативной конструкции в кавказских языках. Изв. Инст. языка, истории и материальной культуры Груз. филиала АН СССР, вып. XII, Тбилиси, 1942 (в дальнейшем — ИЯИМК); Н. Ф. Яковлев. Синтаксис чеченского литературного языка. М.—Л., 1940.

Исконные слова древнейшего происхождения являются односложными. Эта специфика присуща почти всем иберийско-кавказским языкам. Акад. Н. Я. Марр и его последователи пытались связать эту особенность с антинаучным четырехэлементным анализом.

4. Проблема звукового состава кавказских языков, представляющего большой интерес и для общей фонетики. Иберийско-кавказские языки особенно богаты согласными, в том числе такими фонемами, которые свойственны только им (например, так называемые «кавказские звуки» с надгортанной экспирацией). Достаточно сказать, что из языков народов Советского Союза наибольшее разнообразие звуков встречается в иберийско-кавказских языках. Исследование рассматриваемых языков значительно обогатило науку о языке данными, расширяющими наши знания о возможных типах фонем. На основе изучения фонетики иберийско-кавказских языков был выдвинут ряд положений общетеоретического значения о природе звука человеческой речи (П. К. Услар), о фонеме (Н. Ф. Яковлев), о специфических «кавказских звуках» (Сиверс, Шухардт, Трубецкой, Ахвледиани).

5. Изучение взаимодействия больших и малых, письменных и бесписьменных, родственных и неродственных языков Кавказа. Результаты исследования этого взаимодействия позволят внести значительный вклад в разработку общелингвистической, комплексной (для языкознания, истории, этнографии, археологии и антропологии) проблемы смешения и скрещивания языков, народов, культур и их взаимовлияния. В этом направлении советскими языковедами развернута большая работа.[30]

В советскую эпоху большое внимание было уделено созданию научных центров по изучению истории языков, культуры народов Кавказа, подготовке научных национальных кадров. До революции на Кавказе не было ни одного специального научного центра, занимавшегося изучением языков и культуры кавказских народов. После Великой Октябрь-

[30] А. С. Чикобава. Морфологические встречи абхазского языка с картвельскими языками. Изв. ИЯИМК, вып. XII, 1942; С. Н. Джанашиа. Сванско-адыгские (черкесские) языковые встречи. Изв. ИЯИМК, вып. XII, 1942; Т. С. Шарадзенидзе. Понятие «союза языков» и его отношение к понятию «семьи языков». В сб.: Иберийско-кавказское языкознание, т. IV. Тбилиси, 1953; Ю Д. Дешериев. О взаимодействии древнеписьменных, младописьменных и бесписьменных языков в свете сталинского учения о языке. В сб.: Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. М., 1952.

ской революции были созданы Абхазский, Адыгейский, Дагестанский, Кабардинский, Черкесский, Чеченский, Ингушский научно-исследовательские институты истории, языка и литературы. В национальных республиках и областях возникли педагогические и учительские институты для подготовки национальных кадров — учителей, работников просвещения. Были созданы национальные театры, клубы и другие культурно-просветительные учреждения.

Крупные центры по изучению иберийско-кавказских языков были созданы в Москве, Ленинграде, Тбилиси. В деятельности Института языкознания АН СССР и Института языкознания АН ГрузССР значительное место занимает исследование иберийско-кавказских языков. В Тбилисском университете существует кафедра грузинского языка и кафедра кавказских языков.

Таким образом, за 40 лет существования советской власти по изучению кавказских языков, созданию письменности и подготовке национальных кадров было сделано во много раз больше, чем за всю предшествующую историю существования кавказских народов.

АБХАЗСКО-АДЫГСКИЕ ЯЗЫКИ

И. О. Гецадзе

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Абхазско-адыгские языки составляют ветвь иберийско-кавказской семьи языков. Эта группа включает языки: адыгейский, кабардино-черкесский, абхазский, северные диалекты которого обычно считаются самостоятельным абазинским языком, и убыхский. За исключением последнего, представители которого — убыхи — в 1864 г. целиком выселились в Турцию, все эти языки представлены в Советском Союзе.

Среди иберийско-кавказских языков абхазско-адыгские отличаются чрезвычайно богатой и сложной звуковой системой. Весьма своеобразным является также их грамматический строй.

Для фонетической системы этих языков характерно обилие согласных (смычных, спирантов, аффрикат, лабиализованных, латеральных, геминированных и палатализованных).

Система вокализма абхазско-адыгских языков сравнительно бедна. Корневыми гласными фонемами являются лишь *ā*, *а* (краткое или узкое *э*) и *ы*.

Ударение интенсивное, подвижное, вызывающее редукцию гласных, результатом чего является специфичное стечение согласных.

В грамматической структуре абхазо-адыгских языков ведущую роль играет глагол; на глагол падает вся тяжесть морфологических и синтаксических особенностей данных языков. В абхазско-адыгских языках, так же как во всех иберийско-кавказских языках, глагол полиперсонален: им одновременно выражается как субъект, так и объект. Глаголы делятся на переходные и непереходные, на статические и ди-

намические. Переходные глаголы в отношении залогов не дифференцированы.

Категория грамматических классов как живая морфологическая категория сохранилась лишь в абхазско-абазинских диалектах. В адыгейском и кабардинском в настоящее время она отсутствует.

В абхазско-адыгских языках налицо два типа спряжения: классно-личное (в абхазско-абазинских диалектах) и личное (в адыгских языках).

В отношении системы склонения внутри абхазско-адыгской группы языков имеются расхождения: в абхазском языке склонение совершенно отсутствует, в адыгских языках и убыхском оно имеется, но по сравнению с другими иберийско-кавказскими языками развито слабо. Предполагается, что более древнее состояние в отношении имени сохранилось в абхазском языке.

Для синтаксиса характерна эргативная конструкция (при переходных глаголах), которая по-разному выражается в абхазско-адыгских языках: в абхазском, при полном отсутствии системы склонения, она передается в глагольной форме с помощью личных и классных префиксов, а в адыгских языках — с помощью особого эргативного падежа.

Основа переходного глагола нейтральна по своей природе: одни и те же основы глаголов могут быть переходными и непереходными.

Корни исторически односложны. Основа представлена либо односложным корнем, либо корнем с наращенным детерминативным суффиксом или префиксом — показателем грамматического класса.

Абхазско-адыгские языки являются младописьменными языками Северного Кавказа. Вплоть до установления советской власти на этих языках фактически не имелось национальной письменности. Можно указать лишь на некоторые попытки, сделанные в дореволюционное время. Составлялись алфавиты на русской и арабской графической основе. Пользуясь этими алфавитами, записывали и издавали фольклорные материалы, переводили произведения художественной литературы и т. д. Однако эти попытки создания национальной письменности для кабардинцев, адыгейцев и абхазцев не увенчались успехом. Созданные алфавиты не получили широкого практического применения, а потому не принесли пользы для дела просвещения носителей этих языков.

Всестороннее развитие и совершенствование эти языки получили лишь после установления советской власти.

А. К. Шагиров

КАБАРДИНСКИЙ ЯЗЫК

Кабардинский (или кабардино-черкесский) язык относится к числу младописьменных языков Кавказа.

До середины XIX в. исследование кабардинского языка сводилось главным образом к лексическим записям, которые производились нередко случайными людьми.

В дореволюционной специальной литературе серьезную попытку изучения кабардинского языка мы находим только в трудах русского ученого Л. Г. Лопатинского.[1] Но и труды Лопатинского в условиях отсутствия у кабардинцев национальной письменности, национальных школ и национальной интеллигенции не получили и не могли получить практического применения.

Октябрьская революция и установление советской власти устранили все препятствия, стоящие на пути всестороннего развития кабардинского языка и кабардинского языкознания.

Сразу же после окончания гражданской войны в Кабарде, как и на других бывших окраинах России, началось культурное и языковое строительство.

В 1923 г. был создан и опубликован в виде листовки новый кабардинский алфавит на латинской графической основе. С этого года начинается систематическое преподавание кабардинского языка в школах Кабарды.

Новый кабардинский алфавит на латинской графической основе в 1924 г. был подвергнут дальнейшему усовершенствованию Н. Ф. Яковлевым, который к этому времени провел работу по исследованию фонетической системы кабардинского языка и опубликовал «Таблицы фонетики кабардинского языка».[2] 1924 г. считается годом создания кабардинской письменности. В этом году областная газета, выходившая раньше только на русском языке, начала выходить и на кабардинском. Вскоре в типографии газетного издательства началось издание и учебной литературы.

---

[1] Краткая кабардинская грамматика и Русско-кабардинский словарь с указателем. В кн.: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. XII, Тифлис, 1891; Грамматические заметки. Там же, вып. XXI, 1896. — О «Грамматике адыхейского языка» Шоры Ногмова (1840) пока трудно делать какие-либо обоснованные выводы, так как она до сих пор не опубликована.

[2] Н. Ф. Яковлев. Таблицы фонетики кабардинского языка. М., 1923.

В 1936 г. кабардинская письменность была переведена с латинской графической основы на русскую, что привело к значительному ускорению дела издания книг и газет на кабардинском языке и к облегчению усвоения русского языка кабардинцами.

Значительное место в работе издательства занимал выпуск переводной (с русского языка на кабардинский) учебной, художественной и общественно-политической литературы, играющей существенную роль в формировании кабардинского литературного языка.

За годы советской власти большой размах получило в Кабарде и народное образование: достаточно сказать, что расходы на него в 1930 г. увеличились только по местному бюджету в 136 раз по сравнению с 1914 г.

В 1932 г. в Кабарде было открыто первое высшее учебное заведение — Кабардинский педагогический институт. В том же году организован Кабардинский научно-исследовательский институт по изучению истории, языка кабардинцев, а также природных ресурсов республики. В пединституте имеется кафедра кабардинского языка и литературы, в работе которой изучение родного языка занимает видное место.

В 1940 г. в Нальчике создан драматический театр с кабардинской и русской труппами.

В республике организован и функционирует Союз советских писателей Кабарды, объединяющий местные писательские силы, играющие большую роль в культурном и языковом строительстве.

В процессе осуществления этих мероприятий происходила обработка общенародного кабардинского языка, складывался кабардинский литературный язык, который, однако, и в настоящее время еще нельзя считать достаточно оформившимся.

Диалектной базой для литературного языка послужила речь кабардинцев Большой Кабарды.

Немалую роль в формировании кабардинского литературного языка играет влияние русского, из которого он заимствовал и заимствует в большом количестве терминологию — учебную, научно-техническую, общественно-политическую и т. п. Элементы, появившиеся в кабардинском литературном языке под влиянием русского, имеют место и в области синтаксиса.

Большая работа проделана за годы советской власти и по научному изучению кабардинского языка.

Первым шагом кабардинского языкознания в послеоктябрьские годы явилось изучение ф о н е т и ч е с к о й с и с т е м ы

кабардинского языка и приложение его результатов к разработке алфавита и орфографии. В 1923 г. вышла работа Н. Ф. Яковлева «Таблицы фонетики кабардинского языка», где впервые автор предпринял попытку дать подробную артикуляционно-акустическую характеристику гласных и согласных звуков кабардинского языка и теоретически осмыслить их специфические особенности.

В 1932 г. Кабардино-Балкарское областное национальное издательство в Нальчике выпустило «Грамматику кабардино-черкесского языка» Т. М. Борукаева, где в разделе «Фонетика и орфография» дана краткая характеристика звуков и приведены соображения автора по вопросам правописания и ударения.

Вопросам кабардинской фонетики уделено большое внимание и в грамматике Г. Ф. Турчанинова и М. Цагова.[3]

В разделе фонетики авторы расширяют наши знания о звуковой системе кабардинского языка. Особенный интерес в этом разделе представляет подробная разработка вопросов образования кабардинских дифтонгов, описание фонетических процессов в области гласных и согласных, определение функции простых гласных в лексико-морфологической организации речи. Ценным следует считать и то, что в этой работе впервые дается характеристика фонетики лексических заимствований, в частности прослеживаются фонетические изменения, которым подвергаются русские заимствования в кабардинском языке.

Дальнейшее, более углубленное исследование фонетической системы кабардинского языка мы находим в грамматике, составленной Н. Ф. Яковлевым.[4]

В этой работе дается подробная характеристика гласных и согласных фонем, классифицируемых автором по месту и способу их образования. Специальный параграф посвящается надгортанным согласным. Конкретизируется высказанная еще в «Таблицах» мысль о дифтонгическом характере так называемых долгих гласных кабардинского языка; характеризуются основные комбинаторные изменения, которым подвергаются согласные звуки, разрабатываются вопросы ударения, а также происхождение долгих гласных. В конце раздела дается перечень отдельных фонем кабардинского языка с указанием на их артикуляционно-акустические свойства.

Значительная работа проделана и в области изучения м о р ф о л о г и и кабардинского языка.

---

[3] Г. Турчанинов и М. Цагов. Грамматика кабардинского языка, ч. 1. М.—Л., 1940.

[4] Н. Ф. Яковлев. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.—Л., 1948.

Первые попытки в этой области сделаны Т. М. Борукаевым, в упомянутой грамматике которого морфологии отведено большое место. Автор правильно указывает на морфологическую недифференцированность имен существительных и прилагательных. По вопросу склонения автор занимает отрицательную позицию, утверждая, что в кабардинском языке нет падежей.

Морфология кабардинского языка нашла свою дальнейшую разработку в «Краткой грамматике кабардино-черкесского языка» Н. Ф. Яковлева.[5]

Н. Ф. Яковлев выделяет в кабардинском языке 9 частей речи. Ввиду формальной недифференцированности имен существительных и прилагательных вопрос о разграничении этих имен автор решает в чисто семантическом плане. Он делит их на имена со значением существительных и имена со значением качественных прилагательных. Относительными же прилагательными он называет имена существительные, употребленные в функции определения.

В противоположность Т. М. Борукаеву, Н. Ф. Яковлев рассматривает форманты *-р* и *-м* не только как определительные окончания, но и как падежные. Кроме двух падежей, образуемых с помощью этих формантов, которые Н. Ф. Яковлев считает основными падежами, он, вслед за Л. Г. Лопатинским, выделяет также творительный, или орудный падеж с формантом *-мкIэ//-кIэ*. Н. Ф. Яковлев выделяет еще один падеж, который он называет превратительным. Значительное место отведено в работе глаголу. Рассматриваются вопросы структуры кабардинского глагола, вопросы о категориях переходности и непереходности, наклонения и времени и т. п. Отождествляя категорию переходности и непереходности с категорией залога, автор выделяет в кабардинском языке три залога: переходный, непереходный и залог с косвенным объектом. Автор находит в кабардинском языке также начатки страдательного залога. Большое внимание уделено в работе глагольным префиксам, которые автор делит на префиксы места и префиксы личного направления и отношения. Дается подробный анализ порядка расположения названных, а также личных префиксов глагола.

Рассмотренный раздел с некоторыми — к сожалению, часто неудачными — дополнениями автор включил позднее в свою «Грамматику литературного кабардино-черкесского языка».

В «Грамматике» Г. Ф. Турчанинова и М. Цагова рассматриваются в основном те же морфологические проблемы, что и в вы-

---

[5] Н. Ф. Яковлев. Краткая грамматика кабардино-черкесского языка, вып. 1. Фонетика и морфология. Ворошиловск, 1938.

шеуказанной работе Н. Ф. Яковлева, но в ней мы находим несколько иное освещение отдельных вопросов (например, вопрос о падежах, видах, залогах, о категориях переходности и непереходности и т. п.). Кроме того, следует отметить, что имена числительные, местоимения, а также категории наклонения и времени глагола получили в этой работе более развернутую характеристику. Заслугой авторов следует считать и то, что они приводят большой иллюстративный материал.

Кроме рассмотренных нами работ, в специальной литературе имеется еще ряд статей, посвященных вопросам морфологии кабардинского языка.[6]

Переходя к характеристике состояния работы по изучению кабардинского синтаксиса, следует отметить, что эта область принадлежит к числу отстающих участков кабардинского языкознания.

В области изучения кабардинского синтаксиса советские языковеды не имели ни одного предшественника. Первой попыткой в этой области явился небольшой раздел грамматики Т. М. Борукаева, посвященный синтаксису. В разделе разрабатываются вопросы о порядке слов в кабардинском предложении, о типах простого предложения, о членах предложения (главных и второстепенных), о словосочетаниях, о простом и составном сказуемом, о приемах логического выделения членов предложения, об обращении, обособлении второстепенных членов предложения, о неполных, назывных и безличных предложениях, о прямой и косвенной речи и т. п. Большинство отмеченных вопросов получило в разделе правильное решение. Основным недостатком раздела является то, что в нем не раз-

---

[6] Г. Ф. Турчанинов. О категории грамматических классов в кабардинском языке. В сб.: Язык и мышление, т. VI—VII, М.—Л., 1936; Х. У. Эльбердов. 1) О структуре кабардинского глагола. (На кабардинском яз.). Уч. зап. Кабард. научно-исслед. инст. (в дальнейшем — КНИИ), т. X, Нальчик, 1955; 2) Значение суффикса-окончания *-уэ||-у* в кабардинском языке. (На кабардинском яз.). Там же, т. II, 1947; Б. Х. Балкаров. Значение и употребление аффикса *-уэ || -у* в кабардинском языке. Там же, т. V, 1950; П. М. Багов. Об именах существительных в кабардинском языке. Там же, т. X, 1955; А. К. Шагиров. О системе склонения в кабардинском языке. Там же, т. VIII, 1953. — Вопросы кабардинской морфологии разрабатываются и в статье Г. Н. Сердюченко. О категории глагольного вида в яфетических языках Западного Кавказа. Уч. зап. КНИИ, т. II, 1947; см. также кандидатские диссертации: А. Х. Шарданов. Категории потенциалиса и версии (в системе спряжения адыгских языков). Тбилиси, 1955. (Рукопись); Х. Ш. Урусов. Имя прилагательное в современном кабардино-черкесском языке. Нальчик, 1956. (Рукопись); А. Х. Налоев. Категория времени кабардинского глагола. Нальчик, 1956. (Рукопись).

работан синтаксис сложного предложения. Автор ограничивается характеристикой способов связи частей сложного предложения и перечислением основных отношений, выражаемых сложносочиненными предложениями.

Более развернутую характеристику синтаксического строя кабардинского языка мы находим в грамматике Н. Ф. Яковлева, вышедшей в 1948 г. Хотя раздел о синтаксисе в этой грамматике содержит ряд ошибок вульгарно-социологического характера, он вносит известный вклад в дело разработки вопросов кабардинского синтаксиса.

По сравнению с соответствующим разделом в грамматике Т. М. Борукаева, в синтаксическом разделе книги Н. Ф. Яковлева типы простых предложений, члены предложения (как главные, так и второстепенные), вопросы согласования главных членов предложения рассматриваются подробнее. Раздел содержит новую главу о конструкциях предложений. Наконец, в раздел включена глава о синтаксисе сложного предложения. Наибольшее внимание уделено в этой главе вопросу о сложноподчиненном предложении, но надо отметить, что этот вопрос получил у автора ошибочное решение.

Автор рассматривает причастные формы как придаточные предложения, не учитывая, что в приводимых им примерах причастные формы выступают как развернутые члены простого предложения.

Вопрос о придаточных членах предложения в кабардинском языке не получил правильного решения и в школьной грамматике Х. У. Эльбердова, которая базируется в основном на грамматиках Н. Ф. Яковлева. Более серьезная попытка выделения придаточных предложений с учетом специфических особенностей кабардинского синтаксиса предпринята М. М. Сакиевым.[7] Подвергая критическому анализу положения, выдвинутые в грамматиках Н. Ф. Яковлева по вопросу о придаточных предложениях, М. М. Сакиев указывает, что в кабардинском языке только обстоятельственные придаточные со значением времени, причины, цели, образа действия и места могут рассматриваться как вполне оформившиеся придаточные предложения.

Следует отметить и статью Б. Х. Балкарова «Некоторые особенности выражения синтаксических отношений в кабар-

---

[7] М. М. Сакиев. Обстоятельственные придаточные предложения в кабардино-черкесском языке. М., 1954. (Канд. дисс., рукопись). — Основные положения диссертации опубликованы: Тр. Черкесск. научно-исслед. инст., 1954, вып. II.

динском языке».[8] Несмотря на наличие некоторых неудачных, порою необоснованных выводов, статья в целом представляет несомненный интерес. Наибольшего внимания заслуживают рассуждения автора о порядке расположения личных префиксов прямого объекта и непереходного субъекта в сказуемом.

Первой работой по лексикологии и семасиологии кабардинского языка явилась книга Н. Ф. Яковлева «Материалы для кабардинского словаря» (М., 1927). Словарю односложных коренных слов и корней типа открытого слога, составляющему основную часть этого труда, автор предпосылает введение, где дается фонетико-семантическая характеристика односложных слов и анализ морфологического состава сложносоставных слов. Корневые слова типа открытого слога с согласным или сочетанием согласных в начале и одним из двух кратких гласных в исходе автор делит на самостоятельные и несамостоятельные, т. е. употребляющиеся только в сочетаниях с префиксами или суффиксами. Одной из характерных особенностей этих слов автор считает их многозначность. На основе анализа морфологического состава различных сложносоставных слов автор приходит к выводу, что они образовались путем сочетаний односложных корневых слов.

Основным недостатком этой работы Н. Ф. Яковлева является то, что в ней односложные корневые слова рассматриваются как характеризующие первоначальную стадию развития кабардинского языка. Правда, Н. Ф. Яковлев отмечает, что, вероятно, некоторые единичные слова первичного звукового типа могли принять простейшую форму лишь в результате изменений более сложного звукового вида, но эта мысль высказана автором мимоходом и не характерна для работы в целом. От нее автор отказался уже в статье «Культура кабардинцев и черкес по данным словаря»,[9] а в «Грамматике литературного кабардино-черкесского языка» он в категорической форме утверждает, что «односложные коренные слова в кабардино-черкесском языке представляют собой остаток слов того языка аморфного (так называемого бесформенного) строя, который исторически лежит в основе современного кабардино-черкесского языка и на котором говорили предки теперешних кабардинцев и черкес».

---

[8] Уч. зап. КНИИ, т. IX, 1954.

[9] Н. Ф. Яковлев. Культура кабардинцев и черкес по данным словаря. Революция и горец. Ростов-на-Дону, 1928, № 2.

Рассмотренные положения Н. Ф. Яковлева полностью разделяет Г. П. Сердюченко, который в статье «О словообразовании в яфетических языках Западного Кавказа» односложные корневые слова в абхазско-адыгских языках характеризует как «дальше не развивающийся и как бы законсервированный языковой материал».[10]

То же самое, но другими словами, говорит и Г. Ф. Турчанинов в «Грамматике кабардинского языка» (см. раздел «Лексика и семантика»), хотя в статье «Черкесская культура по данным языка в интерпретации Н. Ф. Яковлева» он критиковал Н. Ф. Яковлева за то, что последний «выхватил из системы черкесских языков моносиллабичный слой, поставив его вне всякой связи и зависимости от целого, законсервировав развитие его значений».[11]

Как уже было отмечено, характерной семантической особенностью односложных корневых слов Н. Ф. Яковлев считает их полисемантизм, не видя отличий последнего от обычной омонимии.

Устанавливая точки соприкосновения между значениями различных по происхождению односложных корневых слов, Н. Ф. Яковлев нередко дает совершенно ошибочные схемы развития значений этих слов.[12]

Кроме отмеченных нами трудов, специальная литература послереволюционного периода располагает еще одной работой, посвященной вопросам кабардинской лексикологии. Это — кандидатская диссертация М. Л. Абитова о сложных словах в кабардино-черкесском языке.[13] Она написана под большим влиянием лексикологических работ Н. Ф. Яковлева и страдает теми же недостатками, что и его работы, но конкретно-исследовательская часть диссертации содержит ценные наблюдения над живой речью и заслуживает серьезного внимания специалистов. Особенно ценным в работе Абитова является описание фонетических изменений, наблюдаемых при образовании сложных слов.

---

[10] Уч. зап. КНИИ, т. V, 1950, стр. 51. — Критику этой концепции см.: Г. В. Рогава. О некоторых образцах вульгарно-материалистического толкования в истории абхазского и адыгских языков. В сб.: Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознаниии. ч. 1., М., 1951.

[11] Сб. «Язык и мышление», т. II, Л., 1934, стр. 133.

[12] См.: Грамматика литературного кабардино-черкесского языка, глава «Происхождение и развитие слов».

[13] М. Л. Абитов. Сложные слова (composita) в кабардино-черкесском языке. М., 1948. (Рукопись).

Кабардинская диалектология стала разрабатываться лишь в послеоктябрьские годы. Первой работой в этой области является «Краткий обзор черкесских (адыгских) языков» Н. Ф. Яковлева.[14]

В этой работе автор указывает на сравнительно слабое диалектное дробление кабардинского языка и вскрывает культурно-исторические причины этого явления.

Опираясь на результаты собственных наблюдений над говорами кабардинского языка, Н. Ф. Яковлев выделяет в последнем два наречия: терско-кабардинское, на котором говорят кабардинцы Большой и Малой Кабарды (за исключением отдельных терских аулов), и кубано-кабардинское, охватывающее бассейн р. Кубани и вышеуказанные аулы на р. Тереке.

Речь бесленеевцев рассматривается автором как промежуточное наречие между адыгейским и кабардинским языками, стоящее ближе к кабардинскому, чем к адыгейскому. В работе нет лингвистической характеристики выделенных наречий. Автора в основном интересуют вопросы истории образования этих наречий и описание их территориального распространения.

Все отмеченные выше положения Н. Ф. Яковлев повторяет без каких-либо изменений и в работе «Языки и народы Кавказа».[15]

Дальнейшее исследование говоров кабардинского языка, в частности говоров Большой и Малой Кабарды, показало, что положение о «замечательном единообразии» этих говоров и отнесение их к одному, терско-кабардинскому, наречию были у Н. Ф. Яковлева ошибочными.

В 1946 г. Г. Ф. Турчанинов опубликовал статью «Материалы по диалекту моздокских кабардинцев»,[16] где он выявляет в речи моздокских кабардинцев ряд особенностей, которые, по его мнению, дают основание рассматривать эту речь как особый диалект кабардинского языка.

В «Грамматике кабардинского языка» Г. Ф. Турчанинов и М. Цагов указали как на диалектную единицу и на речь жителей нижней части села Малка. Монографическое описание речи этих малкинцев дано в кандидатской диссертации А. К. Шагирова.[17]

---

[14] Зап. Сев.-Кавк. краевого горского научно-исслед. инст., т. I, Ростов-на-Дону, 1928.

[15] Н. Ф. Яковлев. Языки и народы Кавказа. Тифлис, 1930.

[16] Уч. зап. КНИИ, т. I, Нальчик, 1946.

[17] А. К. Шагиров. Особенности малкинского говора кабардинского языка. М., 1955. (Канд. дисс., рукопись).

В настоящее время в кандидатских диссертациях Б. Х. Балкарова,[18] Т. Х. Куашевой,[19] М. А. Кумахова[20] изучены и монографически описаны и другие диалекты и говоры кабардинского языка.

Данные этих диалектов и говоров представляют большой интерес для сравнительно-исторического изучения адыгских языков. Они проясняют многое в самостоятельном развитии кабардинского и адыгейского языков и облегчают решение ряда вопросов, связанных с общеадыгским языком-основой. Особенно ценными оказались в этом отношении фонетические данные названных диалектов и говоров.

Говоря о работе, проделанной за годы советской власти в области изучения кабардинского языка, необходимо упомянуть о «Грамматике литературного кабардино-черкесского языка», созданной авторским коллективом в составе Г. В. Рогава, Х. У. Эльбердова, П. М. Багова, М. Л. Абитова, Б. М. Карданова, Б. Х. Балкарова, М. М. Сакиева, Т. Х. Куашевой, А. Х. Шарданова, М. А. Кумахова, А. Х. Налоева, Х. Ш. Урусова и А. К. Шагирова. Одним из основных достоинств этой работы является то, что в ней рассматривается множество языковых фактов и явлений, не нашедших отражения в специальной литературе предшествующих лет.

Таким образом, кабардинское языкознание добилось уже значительных результатов. Но перед ним еще стоят большие задачи. Прежде всего необходимо заняться разработкой вопросов, связанных с формированием кабардинского литературного языка. Неотложной задачей является и установление принципов перевода с русского языка на кабардинский. Важной задачей следует считать также создание обобщающего труда по кабардинской диалектологии. Большое внимание должно быть уделено, наконец, вопросам лексикологии и синтаксиса сложного предложения.

М. А. Кумахов

АДЫГЕЙСКИЙ ЯЗЫК

До Великой Октябрьской социалистической революции и установления в Адыгее советской власти адыгейский язык оставался совершенно неизученным.

---

[18] Б. Х. Балкаров. Особенности бесленеевского диалекта кабардинского языка. М., 1952. (Канд. дисс., рукопись).

[19] Т. Х. Куашева. Особенности терских говоров кабардинского языка. М., 1954. (Канд. дисс., рукопись).

[20] М. А. Кумахов. Особенности кубанского диалекта кабардинского языка. М., 1954. (Канд. дисс., рукопись).

Кроме небольших и неточных записей отдельных адыгейских слов, сделанных И. А. Гюльденштедтом, Г. Ю. Клапротом и др., мы можем назвать лишь работу Л. Я. Люлье и небольшие заметки по адыгейскому языку П. К. Услара и Л. Г. Лопатинского.

Первым исследованием по адыгейскому языку является «Русско-черкесский или адыгейский словарь» Л. Я. Люлье.[1] При составлении словаря Люлье переводил русские слова на адыгейский и французский языки. Поэтому, естественно, очень многие слова, характерные для адыгейского языка, в этот словарь не вошли.

Краткая грамматика, приложенная к словарю, дает лишь самые элементарные и подчас неточные сведения о фонетической системе и грамматическом строе адыгейского языка. В настоящее время она полностью устарела.

Л. Г. Лопатинский, который написал в дореволюционный период большие и серьезные работы по кабардино-черкесскому языку, к сожалению, об адыгейском языке оставил только небольшие заметки.

После Октябрьской революции проблема создания адыгейской национальной письменности была успешно разрешена. В советский период начинается и научное изучение ранее бесписьменного адыгейского языка.

Сразу же после гражданской войны был проведен ряд мероприятий по созданию национальной письменности для адыгейского народа. Первоначальный этап создания письменности характеризуется выяснением наиболее важных особенностей адыгейского языка в целях выбора опорного диалекта как базы литературного языка. В Адыгее уже в 1918 г. выходит адыгейский букварь, составленный на арабской графической основе. На этой же основе началось книгопечатание и стала выходить национальная газета. Но письменность на арабской основе не могла укрепиться среди адыгейцев, как и среди многих других народов Советского Союза. В 1927 г. в Адыгее был принят латинский алфавит, который в 1938 г. был заменен алфавитом на основе русской графики. Переход на русскую графику не только содействовал развитию литературного адыгейского языка, но и обеспечил единую основу грамотности на двух языках — родном и русском.

В первые годы создания национальной письменности молодой литературный адыгейский язык базировался на темирго-

---

[1] Русско-черкесский или адыгейский словарь с краткой грамматикой сего последнего. Сост. Л. Я. Л ю л ь е. Одесса, 1840.

евском диалекте, отличающемся простотой своей фонетической системы. Но постепенно, с развитием и совершенствованием национальной письменности, с созданием национальных школ и расширением сферы применения литературного языка, в основу адыгейского литературного языка легли два наиболее близких друг другу и наиболее распространенных диалекта — темиргоевский и бжедухский. Адыгейский литературный язык, развиваясь и формируясь на базе этих двух диалектов, продолжает обогащаться и за счет лексики других диалектов адыгейского языка.

Важную роль в развитии адыгейского литературного языка играет русский язык, что особенно сильно ощущается в словарном составе адыгейского языка. В послереволюционный период из русского языка в адыгейский вошло огромное количество новых слов и выражений, связанных с различными явлениями социалистической действительности. Вся новая общественно-политическая, социально-экономическая и научно-техническая терминология усвоена адыгейцами из русского языка.

Адыгейский литературный язык с обогащенным словарем и научно разработанной системой орфографии, обслуживая национальную школу, различные жанры художественной литературы, делопроизводство и т. д., проникает во все сферы общественной жизни.

Большие достижения в послереволюционный период имеются также в области изучения адыгейского языка.

Работа по исследованию ф о н е т и к и адыгейского языка была начата в связи с созданием адыгейской национальной письменности еще в первые годы установления советской власти. В этот период уже были выяснены некоторые фонетические особенности темиргоевского диалекта, звуковая система которого отражена в адыгейском алфавите.

Более подробно фонетическая система адыгейского языка была впервые описана Н. Ф. Яковлевым и Д. А. Ашхамафом.[2] Основной языковой материал для их работы взят из темиргоевского диалекта, но в разделе фонетики приводятся и некоторые данные из других диалектов, в частности бжедухского и шапсугского. Фонетический раздел этой грамматики с некоторыми дополнениями был включен в «Грамматику адыгейского литературного языка».[3] В этой последней рассмотрены основ-

[2] Н. Ф. Яковлев и Д. А. Ашхамаф. Краткая грамматика адыгейского (кяхского) языка. Краснодар, 1930.

[3] Н. Ф. Яковлев и Д. А. Ашхамаф. Грамматика адыгейского литературного языка. М., 1941.

ные вопросы фонетики адыгейского языка; большое значение придается вопросу об ударении, место которого, по мнению авторов, определяется морфологическим составом основы.

Несмотря на недостатки и ошибки, обусловленные влиянием «нового учения» о языке Н. Я. Марра, в грамматиках Н. Ф. Яковлева и Д. А. Ашхамафа впервые дается научное описание звуковой системы адыгейского языка.

Основные вопросы морфологического строя адыгейского языка также впервые разработаны Н. Ф. Яковлевым и Д. А. Ашхамафом. Раздел о морфологии вышеназванной «Краткой грамматики» содержит изложение основных вопросов морфологии адыгейского языка. Этот раздел с дополнениями вошел и в «Грамматику адыгейского литературного языка». Авторы выделяют в адыгейском языке три части речи: местоимение, глагол, имя. В главе о местоимениях большое внимание уделено вопросу о происхождении притяжательных местоимений в адыгейском языке. В главе о глаголе рассмотрена категория лица, числа, времени, наклонения и залога. Н. Ф. Яковлев и Д. А. Ашхамаф не признают самостоятельного существования имен существительных, имен прилагательных, имен числительных и наречий в адыгейском языке и считают, что эти лексико-грамматические разряды слов только выступают в значениях существительных, прилагательных, числительных и наречий.

В работе дана краткая характеристика системы склонения в адыгейском языке и приведены примеры склонения различных типов имен как в определенной, так и в неопределенной форме.

Таким образом, морфологический раздел представляет собой первое более или менее полное описание морфологии адыгейского языка, несмотря на крупные недостатки и многие неправильные положения авторов (таковы, например, ошибочный взгляд на вопрос о выделении частей речи, признание недифференцированности глагольной и именной основы как пережитка аморфной эпохи развития языка, смешение категории переходности, побудительности и залога, смешение явлений словообразования и словоизменения и т. д.).

В 1938 г. вышла работа Г. В. Рогава, где приводится подробная характеристика системы склонения в адыгейском языке.[4] Автор выделяет в адыгейском языке четыре падежа: именительный, дательный (эргативный), обстоятельственный и творитель-

---

[4] Г. В. Рогава. К вопросу о склонении в нижнеадыгейском языке. Изв. ИЯИМК, т. VI.

ный. В работе отмечено, что падежные аффиксы *-р*, *-м* имеют две функции: падежную и определительную. Автор указывает, что эти аффиксы постепенно теряют определительную функцию.

В работе, вышедшей в 1942 г., Г. В. Рогава доказывает, что полиперсонализм является основной особенностью глагола адыгейского языка, как и других абхазско-адыгских языков.[5] Основными средствами образования многоличных (полиперсональных) глаголов в адыгейском языке, как указывает автор, являются префиксы каузатива, версии и совместного действия. В статье Г. В. Рогава разработан не только один из важных вопросов адыгейского глагола, но и освещены отдельные вопросы исторической морфологии адыгейского языка.

Если в послереволюционный период проведены серьезные исследования фонетики и морфологии адыгейского языка, то, к сожалению, этого нельзя сказать о синтаксисе. В грамматиках Н. Ф. Яковлева и Д. А. Ашхамафа синтаксису отведено большое место, однако этот раздел разработан в них значительно слабее, чем разделы фонетики и морфологии. Неразработанными или почти неразработанными остались вопросы о членах предложения, о типах простого предложения, о типах конструкций простого предложения, о сложноподчиненных предложениях, о причастных и деепричастных оборотах.

До сих пор неизученной остается и л е к с и к а адыгейского языка. Мы не можем назвать ни одной работы, посвященной анализу его словарного состава. В «Грамматике адыгейского литературного языка», куда включен и раздел о лексике, изучение лексического состава ограничивается рассуждениями о природе адыгейских односложных слов, которые, по мнению Н. Ф. Яковлева, являются продуктом древней истории развития языка и мышления.

Можно отметить работу А. Е. Бескровного «К вопросу о социальной основе и путях некоторых лексических заимствований в адыгейском языке».[6]

Эта работа является первой попыткой наметить пути некоторых лексических заимствований в адыгейском языке с учетом социальной основы, определившей характер заимствования. Вопрос о лексических заимствованиях в адыгейском языке автор пытается увязать с историей адыгейского народа, однако

---

[5] Г. В. Рогава. Полиперсонализм в глаголе нижнеадыгейского языка. Изв. ИЯИМК, т. XII.

[6] Тр. Краснодарск. гос. пед. инст., т. VI, 1937, вып. 1.

вне исследования при этом остались лексические заимствования послеоктябрьского периода.

В последнее время в Адыгее развернулась лексикографическая работа по составлению словарей — адыгейско-русского и русско-адыгейского. В настоящее время подготовлен к печати русско-адыгейский словарь. Этот словарь послужит важным средством для изучения русского языка, а также окажет большую помощь переводчикам с русского на адыгейский и преподавателям русского языка в адыгейской школе. В Адыгейском научно-исследовательском институте ведется интенсивная работа и по составлению первого толкового адыгейско-русского словаря.

Важной задачей в деле создания адыгейского литературного языка является изучение диалектов.

«Краткий обзор черкесских (адыгейских) наречий и языков» Н. Ф. Яковлева[7] представляет собой попытку классифицировать диалекты (наречия — по терминологии автора) на основе фонетического принципа. Адыгейские (черкесские) диалекты в этом кратком обзоре подразделяются на две группы: западную и восточную. В основе такого подразделения, по мнению автора, лежит следующий фонетический принцип: восточные наречия имеют в своих звуковых системах только один тип глухих придыхательных и аффрикатных фонем, которые образуют «соответственные тройки фонем надгортанных—глухих придыхательных—звонких (*б*, *п*, *п'*)»; в западных наречиях указанным звукам восточных наречий соответствуют «четверки звуков: надгортанный—глухой придыхательный — глухой усиленный (непридыхательный) — звонкий».[8] Западная группа включает три главные наречия: староабадзехское, новоабадзехское и абадзехско-темиргоевское; восточная группа включает два наречия: бжедухо-темиргоевское и шапсугское. В работе отмечены некоторые фонетические особенности каждого из указанных наречий, но в целом классификация адыгейских наречий производится автором на очень скудном материале, не говоря уже о том, что в основу классификации кладется только фонетический принцип. Изучению диалектов адыгейского языка посвящена также небольшая работа Д. А. Ашхамафа,[9] где приводится очень краткое описание основных фонетических и морфологических особенностей диалектов адыгей-

---

[7] Зап. Сев.-Кавк. краевого горского научно-исслед. инст., т. I, Ростов-на-Дону, 1928.

[8] Там же, стр. 55.

[9] Д. А. Ашхамаф. Краткий обзор адыгейских диалектов. Майкоп, 1939.

ского языка, на основе чего автор выделяет в адыгейском языке бжедухский, темиргоевский, абадзехский и шапсугский диалекты.

Первым всесторонним монографическим исследованием одного из диалектов адыгейского языка является кандидатская диссертация З. И. Керашевой.[10] Работа написана на большом фактическом материале, собранном автором в шапсугских аулах. Автору удалось впервые выявить основные фонетические, морфологические и лексические особенности шапсугского диалекта.

Особенного внимания заслуживают установленные фонетические особенности, представляющие значительный интерес для исторической фонетики адыгских языков.

Научное исследование младописьменного адыгейского языка началось лишь после Великой Октябрьской революции. В области изучения адыгейского языка советскими учеными-лингвистами достигнуты значительные успехи, а именно: впервые описана фонетическая система литературного адыгейского языка, выявлены его основные морфологические особенности, развернулась работа по составлению словарей, монографически исследован шапсугский диалект, выявлены некоторые особенности других диалектов, а также произведена классификация диалектов адыгейского языка.

Вместе с тем следует отметить, что перед учеными-языковедами стоят большие и серьезные задачи. Необходимо прежде всего создать научную грамматику литературного адыгейского языка с учетом всего того, что сделано в области его изучения. Следует в ближайшее время ликвидировать «белые пятна» в адыгейской диалектологии, т. е. монографически изучить бжедухский, темиргоевский и абадзехский диалекты. Неотложной задачей является также исследование до сих пор еще совершенно не изученной лексики адыгейского языка.

И. О. Гецадзе

АБХАЗСКИЙ ЯЗЫК

Первые, весьма скудные сведения об абхазском языке имеются у турецкого путешественника Эвлия Челеби (1644), а также у исследователей XVIII—XIX вв. — И. А. Гюльденштедта, Г. Розена, П. С. Палласа, Ю. Клапрота и др. Записи

[10] З. И. Керашева. Особенности шапсугского диалекта адыгейского языка. Тбилиси, 1953. (Канд. дисс., рукопись).

сделаны мимоходом, поскольку перед ними стояла задача написания историко-географического, а не лингвистического очерка Кавказа. В этих записях не учтены основные особенности абхазского языка. Грамматическая часть в них слаба, а лексический материал из-за незнания авторами фонетической системы языка и произвольной транскрипции страдает большой неточностью.

Всестороннее научное изучение абхазского языка связано с именем известного русского кавказоведа П. К. Услара. Его первая «Грамматика абхазского языка»[1] сохраняет свою большую научную ценность и по сей день. Следует подчеркнуть, что материалы для грамматики абхазского языка, одного из сложнейших кавказских языков, автором были собраны за очень короткое время, но тем не менее одаренный ученый смог с предельной ясностью охарактеризовать сложную грамматическую структуру этого языка.

В последующие десятилетия по абхазскому языку не было написано ни одного лингвистического труда. Лишь в 1912 г. вышла работа П. Чарая [2] «Об отношении абхазского языка к яфетическим», специально посвященная вопросу о родстве абхазского языка с картвельскими. Главным в работе является сравнительное исследование лексики этих языков. Особенно ценным в ней следует считать соображения автора относительно фонетического освоения лексических заимствований. Большое внимание уделено также звуковой и грамматической структуре абхазского языка.

Систематическое и глубокое изучение абхазского языка стало возможным лишь после победы Октябрьской революции. Бурное развитие культуры в Советской Абхазии, естественно, потребовало коренного улучшения языковедческой работы в республике.

В первые же годы установления советской власти в Абхазии развернулась интенсивная работа по усовершенствованию и внедрению национальной письменности и языка во всех звеньях политической, общественной, хозяйственной и культурной жизни.

В 1928 г. по решению абхазско-адыгской конференции — одной из конференций по унификации алфавитов для кавказских горцев — абхазская письменность была переведена на латинскую графическую основу. Новый алфавит имел ряд

---

[1] П. К. Услар. Этнография Кавказа, раздел I. Языкознание. Абхазский язык. Тифлис, 1887.

[2] П. Чарая. Об отношении абхазского языка к яфетическим. СПб., 1912.

преимуществ, но его освоение значительно затруднялось из-за большого количества различных диакритических знаков. В 1938 г. абхазская письменность была переведена на грузинскую графическую основу, а с 1954 г. — на русскую.

Установление национальной письменности вызвало быстрое развитие абхазского языка и культуры. На родном языке были созданы школы и широкая сеть массово-просветительных учреждений.

За годы советской власти картина культурной жизни республики изменилась неузнаваемо. Полностью ликвидирована неграмотность, быстро распространяется среднее и высшее образование.

До Октябрьской революции абхазский народ, так же как и большинство горских народностей Кавказа, не знал печатного слова на родном языке. Советская власть открыла широкий простор национальной литературе и издательской работе. В республике издается около десяти газет, в том числе и республиканская — «Апсны капш».

С каждым годом растет число изданий художественной прозы, публицистики, разнообразных отраслевых и научных журналов, общественно-политической литературы, учебных пособий, технической и сельскохозяйственной литературы.

В процессе все более возрастающего культурного строительства Советской Абхазии была выдвинута такая важная задача, как создание единого литературного языка.

За основу литературного абхазского языка был взят абжуйский диалект, который по сравнению с бзыбским обладает рядом преимуществ: центр экономики, культуры и общественно-политической жизни — г. Сухуми — расположен на территории, населенной абжуйцами; абжуйский диалект характеризуется менее сложной фонетической системой, чем бзыбский. Однако это не означает, что в процессе создания единого литературного языка бзыбский диалект совсем не был использован: молодой абхазский литературный язык впитывал в себя все богатства и абжуйского и бзыбского диалектов. Абхазский литературный язык усваивает лучшие традиции языка великой русской — классической и советской — литературы и литератур братских народов. На абхазский язык уже переведены произведения Пушкина, Л. Толстого, Горького, Маяковского, Руставели, Т. Шевченко и других писателей и поэтов.

Лексический запас абхазского литературного языка значительно обогатился под благотворным влиянием великого русского языка. Об этом красноречиво говорит факт создания научно-технической, культурной, лингвистической, учебной и

и общественно-политической терминологии, основанной главным образом на базе русской лексики.

В первые годы после установления советской власти — в процессе создания и внедрения национальной письменности — работа исследователей велась в основном в направлении изучения системы фонем абхазского языка. Результаты исследований в этой области применялись к практике развития национальной письменности, к разработке алфавитов и орфографии.

В первые годы советской власти в Абхазии, когда языковое строительство в республике только еще развертывалось, по изучению абхазского языка было много сделано акад. Н. Я. Марром. Еще в 1912 г. в качестве редактора книги П. Чарая «Об отношении абхазского языка к яфетическим» Н. Я. Марр проявил большой интерес к абхазскому языку. В том же 1912 г. вышла первая работа Н. Я. Марра по этому языку: «К вопросу о положении абхазского языка к яфетическим» (СПб., 1912). Работа эта была посвящена выяснению места абхазского языка среди других кавказских языков, в частности его отношениям к грузинскому языку. Приезжая неоднократно в Абхазию для изучения абхазских диалектов, Н. Я. Марр написал свыше двадцати работ. В этих работах имеется немало ошибочных теоретических положений, не вытекающих из фактов абхазского языка. Из работ Н. Я. Марра до сих пор сохраняет ценность «Абхазско-русский словарь» (Л., 1926), для которого Н. Я. Марром были использованы данные бзыбского диалекта. В словаре дается лексико-грамматическая характеристика абхазских слов, сохранены некоторые архаизмы, отсутствующие в настоящее время в живом разговорном языке.

Все возрастающая языковедческая работа в Советской Абхазии не могла успешно развертываться без создания национальных языковедческих кадров и центров научного изучения языка. Благодаря заботе Коммунистической партии и Советского правительства эта важная и неотложная задача была успешно решена в сравнительно короткий срок. В настоящее время подготовлены квалифицированные национальные кадры языковедов, а изучение абхазского языка ведется как в самой Абхазии — в Абхазском институте языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа в Сухуми и в Сухумском педагогическом институте, так и в Тбилиси — в Институте языкознания АН Грузинской ССР, на кафедре кавказских языков в Тбилисском университете, в Москве — в Институте языкознания АН СССР, и т. д.

В области ф о н е т и к и выяснен звуковой состав литературного абхазского языка и его диалектов. Ценные работы

по фонетике написаны крупным исследователем этого языка К. В. Ломтатидзе.[3] В ее исследованиях особое внимание уделено специфическим абхазским шипяще-свистящим звукам *с. з, ʒ, ц, ц̃*; лабиализованным спирантам — *шэ/сэ*, с одной стороны, и *жэ/шэ* — с другой.

Над исследованием фонетической системы абхазского языка плодотворно работал А. Н. Генко. В работе «Об абхазском вокализме»[4] он, исходя из мнения П. К. Услара о качестве и количестве гласных в абхазском языке и привлекая многочисленные данные, устанавливает, что абхазский язык обладает лишь двумя гласными фонемами — *а* и *ы*, изменение которых под влиянием соседних звуков создает исключительное разнообразие звуковых оттенков в абхазском языке.

Вопросу о принципах классификации согласных фонем абхазского языка посвящены статьи Г. С. Ахвледиани «Звуковые возможности кавказских языков»[5] и «Материалы к физиологии абхазских звуков».[6] В них довольно четко отражены те разновидности, которыми абхазский язык противопоставляется всем другим иберийско-кавказским языкам.

Специальный раздел, посвященный фонетической системе абхазского языка, имеется также в монографии Г. С. Ахвледиани «Основы общей фонетики» (Тбилиси, 1949).

В области морфологии упор делается на изучение глагола, на раскрытие его морфологических и синтаксических особенностей. Известно, что специфика абхазского предложения определяется глаголом, который является сложным по своей структуре и полисемантическим по своему содержанию. Повышенный интерес к глаголу объясняется особенностями морфологии абхазского языка. Характерные для кавказских языков падежи, выражающие основные синтаксические отношения, — именительный, родительный, дательный, эргативный,— в абхазском языке отсутствуют.

---

[3] См.: 1) Отчетный доклад о работе над бзыбским диалектом абхазского языка. Изв. ИЯИМК, Тбилиси, т. IV, 1939, № 3; 2) К генезису одного ряда троечных спирантов в адыгских языках. Докл. и сообщ. [Инст. языкозн. АН СССР], IV, М., 1953; 3) Об одной фонетической закономерности в абхазско-абазинских диалектах. Сообщ. АН Груз. ССР, т. III, 1942, № 8, и др.

[4] А. Н. Генко. Об абхазском вокализме. Изв. АН СССР, М., 1928, № 1.

[5] Г. С. Ахвледиани. Принципы классификации согласных абхазского языка. Сообщ. Груз. фил. АН СССР, т. I, № 1, Тбилиси, 1940.

[6] Обозреватель, т. I, 1926.

За исключением родительного падежа, в функции которого выступают местоименные префиксы, такие отношения в абхазском языке выражаются в глаголе при помощи различных видов личных и классных показателей и их порядка. Почти во всех исследованиях по абхазскому языку, помимо специального вопроса, затрагивается тот или иной вопрос, связанный с глаголом.

Сложной системе глагольной префиксации посвящена кандидатская диссертация К. С. Шакрыл,[7] в которой дается детальный анализ субъектных и объектных префиксов.

В статьях А. А. Кварчелия[8] и Б. В. Шинкуба[9] обстоятельно разработаны вопросы словообразования. Предметом исследования в этих работах являются сложносоставные глаголы с соответствующими превербами. В последней работе в связи со словообразовательными превербами автор касается вопроса о месте ударения в сложносоставных глаголах. Ударение в абхазском языке пока изучено недостаточно, поэтому данные, имеющиеся в этом труде, ценны и представляют интерес.

Исследованы также особенности обстоятельственно-союзных элементов, которые, включаясь в глагольную форму, заменяют обстоятельственно-придаточные предложения места, времени, образа действия и т. д. Этому вопросу посвящена работа Х. С. Бгажба.[10]

Вопросы спряжения абхазского глагола, уяснение его структурных и семантических особенностей занимают главное место в работах К. В. Ломтатидзе по абхазскому языку.[11] Следует отметить, что в ее исследованиях абхазский глагол рассматривается не только описательно, но, прежде всего, в плане историческом, в плане сопоставления данных абхазского языка с данными близкородственных адыгских и других кавказских языков. По вопросу о характере абхазского переходного глагола исследователь придерживается того мнения, что основа

---

[7] К. С. Шакрыл. Глагольная префиксация в абхазском языке. М., 1946. (Канд. дисс., рукопись).

[8] А. А. Кварчелия. Глагольное словообразование в абхазском языке. М., 1953. (Канд. дисс.).

[9] Б. В. Шинкуба. 1) Именное словообразование в абхазском языке. Тбилиси, 1946. (Канд. дисс.); 2) Именные основы-превербы в абхазском языке. Тр. Абх. инст. яз., литер. и истор., т. XVI, Сухуми, 1955.

[10] Х. С. Бгажба. Обстоятельственно-союзные частицы в абхазском глаголе. Тр. Сухумск. пед. инст., т. II, 1948.

[11] См.: К. В. Ломтатидзе. 1) Категория переходности в абхазском глаголе. Изв. ИЯИМК, вып. XII, 1942; 2) Бессубъективные формы абхазского переходного глагола. В сб.: Иберийско-кавказское языкознание, т. II. Тбилиси, 1948; 3) Система основных времен и наклонений в абхазском языке. Там же, т. VI, Тбилиси, 1954, и др.

этого глагола нейтральна по своей природе.[12] Видимо, поэтому-то в абхазском языке не различаются действительный и страдательный залоги, различаемые в других кавказских языках.

Вне поля зрения К. В. Ломтатидзе не остались и другие черты специфики абхазского глагола — такие, как категория каузатива, версии потенциалиса, особенности образования наклонений и т. д.

К. В. Ломтатидзе специально исследовала также вопросительные, положительные и отрицательные формы глагола, структуру сложносоставных глагольных основ, относительные и указательные местоимения, наречия и т. д.

Категория имени числительного обстоятельно изучена в работе Т. П. Шакрыл,[13] где особенно обращает на себя внимание раздел о синтаксических связях числительных с другими частями речи.

Специально разработана система послелогов абхазского языка. Этому вопросу посвящена работа Е. П. Шакрыл.[14] Особенности образования форм потенциалиса рассматриваются в статье А. Лекиашвили,[15] где затрагивается весьма интересный вопрос о страдательном залоге абхазского глагола.

За последние годы значительно усилилась диалектологическая и лексикологическая работа: в Абхазском институте языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа подготовляются монографические исследования по бзыбскому и абжуйскому диалектам, вышел абхазско-грузинский словарь. Автор его Б. И. Джанашиа плодотворно работает в области абхазской лексики. Составляются абхазско-русский, русско-абхазский и разные отраслевые словари: народной медицины, пчеловодства, виноградарства.

Все сказанное выше свидетельствует о значительных достижениях советского абхазоведения, но это еще не означает, что все задачи, стоящие перед исследователями абхазского языка, решены. Для дальнейшего развития абхазского языкознания необходимо приступить к изучению синтаксиса, являющегося наименее разработанной частью грамматического строя абхаз-

---

[12] К. В. Ломтатидзе. К вопросу о категории залога в абхазском языке. В сб.: Иберийско-кавказское языкознание, т. VIII, Тбилиси, 1957.

[13] Т. П. Шакрыл. Числительные в абхазском языке. М., 1954. (Канд. дисс., рукопись).

[14] Е. П. Шакрыл. Послелоги в абхазском языке. 1954. (Канд. дисс., рукопись).

[15] А. Лекиашвили. Об образовании форм потенциалиса в абхазском языке. В сб.: Иберийско-кавказское языкознание, т. II. Тбилиси, 1948.

ского языка. Имеющиеся в ряде работ отдельные сведения по синтаксису едва ли могут претендовать на восполнение этого пробела.

Неотложной задачей является также составление нормативной грамматики, в которой остро нуждаются абхазская школа и печать. Необходимо усилить изучение диалектов и говоров абхазского языка. Сравнительно-историческое изучение грамматической структуры и лексики также требует дальнейшей разработки.

И. О. Гецадзе

АБАЗИНСКИЙ ЯЗЫК

Абазинский язык является одним из младописьменных языков Кавказа. Как в звуковой системе и в грамматическом строе, так и в лексическом составе он обнаруживает большую близость с абхазским языком — вплоть до взаимопонимания носителей обоих языков. Исходя из этого, в специальной литературе по-разному определяется его место среди абхазско-адыгских языков. Часть исследователей считает, что абазинские наречия следует рассматривать как северные диалекты абхазского языка, другие же придерживаются мнения, что абазинская речь является самостоятельным языком. Наличие двух точек зрения по этому вопросу вовсе не означает, что кто-либо из специалистов абхазско-адыгских языков сомневается в существовании абазинского литературного языка. Абазинский литературный язык, в основе которого лежит тапантский диалект, отличается от абхазского литературного языка и развивается по своим законам. Но лингвистическая сторона говорит о другом: как показывают многочисленные факты звукового состава, системы склонения и спряжения абхазско-абазинских диалектов, даже тапантский диалект, занимающий обособленное место в силу больших расхождений, проявляет достаточно большое сходство с бзыбским диалектом абхазского языка. Что же касается ашхарского, то он проявляет еще бóльшую близость к абхазскому языку.

Расхождения между абхазско-абазинскими диалектами обнаруживаются, главным образом, в звуковой системе.

В абазинских наречиях сохранился ряд древних явлений (особенно в области фонетики), что представляет собой весьма ценный материал для изучения истории абхазско-адыгских языков в целом.

В этом отношении особый интерес представляет факт наличия в абазинских диалектах аффрикат *дз*, *ц*, *уI* на месте

абхазских губно-зубных спирантов *в*, *ф*, *фI*. Высказано мнение (проф. К. В. Ломтатидзе), что как *в*, *ф*, *фI*, так и *дз*, *ц*, *цI* возникли в результате распада определенных сложных звуков, в частности лабиализованных аффрикат — *дзв*, *цв*, *цIв*. Тем самым ставится вопрос о вторичности спирантов *в*, *ф*, *фI* в абхазском языке.

В абазинской речи, в отличие от абхазской, хорошо сохранились фарингальный звонкий спирант *гIв* (ср. абх. *аа*), фарингальный смычный *хъ* [хъв] (ср. абх. *х* [хə]) и др. Специфическим для абазинского языка (особенно для тапантского диалекта) является также полная и неполная делабиализация лабиализованных согласных.

Письменность на абазинском языке впервые была создана в 1932 г. на латинской графической основе. В 1938 г. алфавит был переведен на русскую основу. В основе абазинского литературного языка лежит тапантский диалект.

Угнетенные в прошлом абазинцы после установления советской власти получили все возможности для повышения уровня материальной жизни, для развития национальной культуры и языка. Создание письменности явилось важным шагом в жизни абазинцев. В настоящее время имеются школы на родном для учащихся языке. На родном же языке ведется издательская работа. С каждым годом растет количество художественных произведений, учебников, журналов, издаваемых на абазинском языке.

В дореволюционной специальной литературе лингвистические сведения об абазинском языке незначительны и имеют лишь историко-этнографическую ценность. Некоторые материалы в виде записей отдельных абазинских слов находим в работах Гюльденштедта, Палласа, Клапрота и др.

Вплоть до советской эпохи абазинский язык специально никем не изучался. Следует также указать, что и в первые годы советской власти изучение абазинских наречий шло относительно медленными темпами.

В первые годы в условиях борьбы за преодоление тяжелого наследия прошлого все стороны материальной и культурной жизни абазинцев не могли развиваться одинаково. Но в 30-е годы, когда усилилась работа по созданию национальной письменности для бесписьменных горских языков Кавказа, соответствующим образом были изменены темпы изучения абазинских наречий. В эти годы изучением абазинского языка занимались советские ученые: Н. Ф. Яковлев, А. М. Генко и Г. П. Сердюченко. Кроме того, в разработке проблем абазинского языка активное участие принимали представители аба-

зинской интеллигенции: Т. З. Табулов, А. Б. Курчев, Н. А. Озов, Х. Кужев и др. Они же были авторами или соавторами первых учебников и букварей по абазинскому языку.

За последние годы научное изучение абазинского языка значительно продвинулось вперед. В настоящее время абазинские диалекты — тапантский и ашхарский — монографически исследованы в работах К. В. Ломтатидзе, А. Н. Генко и Г. П. Сердюченко. Монографии проф. К. В. Ломтатидзе «Тапантский диалект абхазского языка» (Тбилиси, 1944) и «Ашхарский диалект и его место среди других абхазско-абазинских диалектов» (Тбилиси, 1954) представляют собой глубоко научное и всестороннее исследование фонетической системы и грамматического строя абазинских наречий.

Заслуживают особого внимания выявленные автором фонетические особенности абазинских наречий, проливающие свет на ряд вопросов истории развития абхазо-адыгских языков.

В названных выше работах, которые снабжены большим количеством текстов на тапантском и ашхарском диалектах, обстоятельно исследованы также вопросы морфологии, синтаксиса и лексики абазинских диалектов.

Первым и наиболее полным обзором абазинского языка является работа А. Н. Генко «Абазинский язык».[1] Она посвящена основным вопросам фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики тапантского диалекта и представляет большой научный интерес.

Вышедшая в 1955 г. монография Г. П. Сердюченко [2] представляет собой детальное изучение своеобразной структуры абазинской речи. Основное внимание автор уделяет вопросу о положении абазинского языка в группе абхазско-адыгских языков.

Следует отметить, что ряд посвященных абазинскому языку работ Г. П. Сердюченко, написанных в годы господства «нового учения» о языке, страдает серьезными ошибками. Так, например, в работе «О словообразовании в яфетических языках западного Кавказа» он выдвигает положение о наличии «первичных элементов человеческой речи» в абхазско-адыгских языках, в том числе и в абазинском, и на основе этого односложные корни рассматривает как «дальше не развивающийся и как бы законсервированный языковой материал».[3]

---

[1] Указанная монография А. Н. Генко была окончена еще в 1934 г., но вышла из печати лишь в 1955 г.; см.: Абазинский язык (грамматический очерк наречия Тапанта). М., 1955.

[2] Г. П. Сердюченко. Язык абазин. Изв. Акад. педагог. наук РСФСР, т. 67, М., 1955.

[3] Труды КНИИ, т. V, 1950, стр. 51.

Изучение абазинских диалектов расширяется с каждым годом. Все чаще появляются работы, посвященные исследованию отдельных вопросов их звукового состава и грамматического строя.

Перед исследователями абхазско-абазинских диалектов стоят важные задачи, решение которых имеет большое теоретическое и практическое значение. Прежде всего следует особое внимание уделить исследованию абазинских говоров, что явится важным фактором для успешного завершения сравнительно-исторического изучения абхазско-адыгской группы языков.

М. А. Кумахов и *А. К. Шагиров*

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ АБХАЗСКО-АДЫГСКИХ ЯЗЫКОВ

Сравнительно-историческое изучение абхазско-адыгских языков велось и ведется советскими языковедами в двух направлениях: по линии установления следов взаимодействия между этими и другими иберийско-кавказскими языками и по линии выявления общих черт для данной группы языков, установления звуковых соответствий внутри этой языковой группы и выяснения причин и путей возникновения устанавливаемых звукосоответствий.

В 1942 г. С. Н. Джанашиа опубликовал статью, в которой рассматривал некоторые факты морфологии, синтаксиса и лексики сванского языка в свете исторических взаимодействий между адыгскими и картвельскими языками.[1]

В сванском языке автор выявляет ряд морфологических показателей и лексических единиц, заимствованных из адыгских языков.

В том же 1942 г. вышла в свет работа А. С. Чикобава, посвященная превербов абхазского и занского языков.[2] Опираясь на соответствующие данные, автор убедительно доказывает идентичность показателей трансформативного падежа картвельских языков *-ад* (груз.),[3] *-ас* (мегр.-чанск.) и

---

[1] С. Н. Джанашиа. Сванско-адыгейские (черкесские) языковые встречи. Изв. ИЯИМК, т. XII, 1942. (На груз. яз.).

[2] А. С. Чикобава. Морфологические встречи абхазского языка с картвельскими языками. Изв. ИЯИМК, т. XII, 1942.

[3] Сокращения: адыг. — адыгейская форма, груз. — грузинская форма, каб.-черк. — кабардино-черкесская форма, мегр.-чанск. — мегрело-чанская форма.

-ыс абхазского языка (*-ыс* в абхазском словообразовательный суффикс с функцией творительного падежа). Автор считает, что последний усвоен абхазским языком из картвельских. Обратное исключено ввиду того, что суффикс *-ыс* не увязывается с морфологической действительностью абхазско-адыгской группы языков.[4]

В конце своей работы А. С. Чикобава, суммируя все данные взаимодействия этих языков, фиксирует внимание специалистов на изучении этой сложной, но весьма актуальной — как с лингвистической, так и с исторической точки зрения — проблемы.

Значительные успехи достигнуты за годы советской власти в области изучения генетических связей между языками абхазско-адыгской группы и выявления внутренних законов развития этих языков.

Еще в работе И. А. Джавахишвили [5] мы находим сравнительно-историческую характеристику основных частей речи абхазско-адыгских языков. В работе дается анализ структуры имен числительных и местоимений. Значительное место отводится сравнительно-историческому изучению принципов спряжения глагола в этих языках. Сравнивая основные термины родства, названия животных, растений и т. п., автор доказывает общность корней этих слов в кабардинском, адыгейском, абхазском и убыхском языках.

Крупный вклад в дело сравнительно-исторического исследования абхазско-адыгских языков внесли Г. В. Рогава и К. В. Ломтатидзе. Ими проделана большая работа по выявлению общих и частных закономерностей развития данных языков.[6]

---

[4] А. С. Чикобава, ук. соч., стр. 164.

[5] И. А. Джавахишвили. Первоначальный строй и родство грузинского и кавказских языков. Тбилиси, 1937.

[6] В 1939 г. Г. В. Рогава написал свою первую работу сравнительно-исторического характера «Шипящие аффрикаты в нижнеадыгском языке» (Изв. ИЯИМК, т. XII, 1942). С этого времени Г. В. Рогава работает над сравнительно-историческим изучением фонетики адыгских языков. Вопросы о полуабруптивных согласных рассматриваются им в работах: «Четверичная система смычных в адыгейских языках» (Сообщ. АН ГрузССР, ч. IV, 1943, № 3), «О четверичной системе взрывных в казвказских языках» (там же, т. IV, 1943, № 8), о шипящих аффрикатах — в статье «Спирантизация шипящих аффрикат в адыгейских языках» (там же, т. V, 1944, № 4). См. также: К ряду фарингальных смычных в грузинском и адыгейском языках. В сб.: Иберийско-кавказское языкознание, т. I, Тбилиси, 1946; Об одном случае аффрикатизации глухого шипящего спиранта в нижнеадыгейском и грузинском языках. Там же, т. II, Тбилиси, 1948; К истории абрутивного смычного *p* (*nI*) в адыгских языках. Там же, т. VII, Тбилиси, 1955.

Г. В. Рогава выявил основные фонетические особенности адыгейского языка в сравнении с фонетической системой кабардино-черкесского языка. Основные из этих особенностей следующие.

а) Адыгейский язык (его западные диалекты) сохранил исчезнувшие в кабардино-черкесском языке полуабруптивные (малопридыхательные) смычные, создающие сложную четверичную систему смычных согласных.

Например: адыг. *неппэ*, каб.-черк. *нобэ* 'сегодня'
» *пццы*, » » *бдзы* 'долото'.

б) Система фарингальных смычных разрушена как в адыгейском, так и в кабардино-черкесском языках, но в адыгейском языке придыхательные фарингальные заменились полуабруптивными фарингальными.

Например: адыг. *ккъэшьэн*, каб.-черк. *къэшьэн* 'привести'
» *гуккъау*, » » *гукъеуэ* 'горе'.

в) В адыгейском языке, за исключением шапсугского диалекта, осталась древняя система шипящих спирантов. Адыгейский язык сохранил первичные шипящие спиранты, которые в кабардино-черкесском заменились свистяще-шипящими спирантами.

Например: адыг. *шэ*, каб.-черк. *шъэ* 'сало'
» *жэ*, » » *жъэ* 'рот'.

г) В адыгейском языке, за исключением шапсугского диалекта, сохранилась архаичная система шипящих аффрикат.

Например: адыг. *баджэ*, каб.-черк. *бажэ* 'лиса'
» *лъэкуанджъ*, » » *лъэгуажъэ* 'колено'.

В результате сравнительно-исторического изучения фонетики адыгских языков Г. В. Рогава установил основные звуковые соответствия между адыгейским и кабардино-черкесскими языками. Подробное описание этих звуковых соответствий, сделанное на основе своих предшествующих работ, он дает в работе, подготовленной в настоящее время к печати.

Выяснив основные звуковые соответствия между адыгскими языками, Г. В. Рогава работает над установлением звуковых соотношений между адыгскими и другими иберийско-кавказскими языками.

Г. В. Рогава провел значительную работу по исследованию истории грамматического строя абхазско-адыгских языков. Результаты своих исследований в этой области он обобщил в недавно вышедшей работе «К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгских (черкесских) языках» (Тбилиси, 1956).

Известно, что в большинстве иберийско-кавказских языков различаются грамматические классы человека и вещей. Из абхазско-адыгской группы иберийско-кавказских языков грамматические классы ныне различаются только в абхазском языке. В адыгских языках категория грамматических классов отпала. На основе анализа именных (и глагольных) основ Г. В. Рогава приходит к выводу, что адыгские языки в этом отношении не стоят изолированно от других иберийско-кавказских языков. Вопрос об историческом наличии в адыгских языках категории грамматических классов человека и вещей, с одной стороны, и детерминации основ, с другой, автор решает положительно. Показатели грамматических классов и детерминативные суффиксы в адыгских языках прослеживаются и в окаменелом виде и в качестве действующих аффиксов — как показатели позднее оформившихся грамматических категорий (лица, числа, падежа). В работе содержится также ряд выводов по истории грамматического строя абхазского языка. В частности, автор считает, что наличие смешанной системы спряжения в абхазском языке — явление позднее: спряжению по лицам предшествовало спряжение по классам. В дальнейшем грамматические классы стали постепенно отмирать и уступать место новому качеству — спряжению по лицам. Однако процесс этот еще не закончен, поэтому язык одновременно обладает и классным и личным спряжением.

Ряд весьма ценных работ по сравнительно-историческому изучению абхазско-адыгских языков принадлежит, как указывалось, К. В. Ломтатидзе. Среди ее работ в этой области особого внимания заслуживают две.[7]

В первой рассматриваются абхазские губнозубные спиранты *v*, *ф*, *ф̣*, с одной стороны, и тапантские аффрикаты *з*, *с*, *ц̣* — с другой. Устанавливаемые между ними фонетические соответствия автор объясняет тем, что как спиранты *v*, *ф*, *ф̣*, так и аффрикаты *з*, *с*, *ц̣* представляют собой два разных варианта, полученных в результате делабиализации сложных звуков *з°*, *со*, *ц̣о*. Отсюда делается вывод о позднем возникновении губнозубных спирантов в звуковой системе абхазского языка.

Во втором из упомянутых трудов К. В. Ломтатидзе разработала один из важнейших вопросов исторической фонетики адыгских языков — происхождение адыгских спирантов *жъ*,

---

[7] К. В. Ломтатидзе. 1) Об одной фонетической закономерности в абхазско-абазинских диалектах. Сообщ. АН ГрузССР, т. III, 1942, № 8; 2) К генезису одного ряда троечных спирантов в адыгских языках. Докл. и сообщ. Инст. языкозн. АН СССР, М., 1953.

ский (Ахвахский, частично Веденский и Андалальский районы), тиндинский (Цумадинский и частично Веденский районы), ахвахский (Ахвахский, частично Кахибский, Андалальский и Веденский районы), чамалинский (Цумадинский район), ботлихский (Ботлихский район), годоберинский (Ботлихский, частично Веденский район) и кванадинский, или багулальский (Цумадинский и частично Ахвахский районы).

К цезской, или дидойской, подгруппе относятся языки: цезский, или дидойский (Веденский и Бежитинский районы), хваршинский (Веденский район), бежитинский, или капучинский (Бежитинский и частично Ритлябский районы), гунзибский (Бежитинский и частично Ритлябский районы) и гинухский (Бежитинский и Веденский районы).

К лезгинской группе относятся лезгинский литературный язык (Ахтынский, Докузпаринский, Касумкентский, Курахский и Магарамкентский районы ДАССР и некоторые районы в северной части Азербайджанской ССР), табасаранский литературный язык (Табасаранский и Хивский районы), а также ряд мелких бесписьменных языков (Агульский и частично Курахский районы), рутульский (Рутульский район), цахурский (Рутульский район и некоторые селения в северной части Азербайджанской ССР) и арчинский (с. Арчи Чарадинского района). К этой группе принадлежат также языки крызский, будухский, хиналугский (в северной части Азербайджанской ССР) и удинский (в Азербайджанской и Грузинской ССР).

Даргинский литературный язык составляет особую ветвь дагестанских языков. На нем говорит население Акушинского, Дахадаевского, Кайтагского, Левашинского, Сергокалинского, Цудахарского и Шурагатского районов. В качестве диалектов даргинского языка следует рассматривать также кайтагский (большая часть Кайтагского района) и кубачинский (с. Кубачи Дахадаевского района), которые раньше обычно считались самостоятельными языками даргинской группы.

Лакский литературный язык также представляет собой особую ветвь дагестанских языков. На нем говорит население Лакского, Новолакского и Кулинского районов. В последнее время некоторые исследователи (Ш. Г. Гаприндашвили) указывают на особую близость лакского и даргинского языков и даже объединяют их в даргино-лакскую языковую группу.[1]

---

[1] Ш. Г. Гаприндашвили. О лакско-даргинских звуковых соответствиях. В сб.: Иберийско-кавказское языкознание, т. VI. Тбилиси, 1954.

Вопрос о количестве дагестанских языков, об их классификации и географическом размещении долго оставался недостаточно ясным. С постепенным накоплением материала появилась возможность ответить на него с большей или меньшей уверенностью. Новые исследования в области дагестанских языков позволяют внести дальнейшие уточнения в этом отношении. В связи с неустойчивостью перечня дагестанских языков долгое время была недостаточно ясна и лингвистическая картография Дагестана. Наибольшую трудность представляли границы между андо-цезскими языками и отдельные участки территории распространения языков лезгинской языковой группы. В настоящее время уже есть возможность дать довольно точную карту дагестанских языков. Интерес к языкам дагестанской группы у исследователей пробудился давно. В первом сравнительном словаре языков мира, честь создания которого принадлежит русской науке,[2] приводятся материалы по некоторым дагестанским языкам: аварскому (анцухское, джарское и хунзахское наречия), цезскому, бежитинскому, андийскому, лакскому, даргинскому (акушинское и кубачинское наречия). Эти материалы собирались членом Российской Академии наук И. А. Гюльденштедтом и были опубликованы в описании его путешествий по Кавказу.[3]

В начале XIX в. известный лингвист-востоковед Г. Ю. Клапрот приводит некоторые новые материалы по языкам дагестанской группы.[4] Кроме материалов по тем языкам, которыми занимался Гюльденштедт, у него даны также некоторые материалы и по лезгинскому языку.

Все эти первые языковые материалы чрезвычайно скудны. Судить по ним о количестве дагестанских языков, об их взаимоотношении, а тем более о характерных особенностях их фонетики, грамматики и лексики невозможно. Они представляли собой почти исключительно списки слов, записанных с большими ошибками; ни связных текстов, ни грамматических очерков еще не было, если не считать абсолютно неудовлетворительный набросок аварской грамматики, сделанный Клапротом.

---

[2] Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницей Всевысочайшей особы, отд. I, ч. 1. СПб., 1787.

[3] J. A. Güldenstädt. Reisen durch Russland und im Caucasischen Geburge, Th. 1—2, SPb., 1787—1791.

[4] H. J. Klaproth. Reise in den Kaukasus und nach Georgien, Bd. II. SPb., 1814. — В качестве приложения к тому даны материалы по ряду языков Кавказа на 288 страницах.

Первыми более или менее обстоятельными работами по языкам дагестанской группы были исследования акад. А. А. Шифнера по удинскому и аварскому языкам.[5] Но и в них еще много серьезных недочетов и ошибок.

На твердую почву изучение дагестанских языков становится только после появления фундаментальных трудов П. К. Услара, описавшего аварский, лакский, даргинский и лезгинский языки. Работы Услара заняли почетное место в истории языковедения и до настоящего времени сохраняют свое научное значение. Они содержат подробные грамматические очерки, комментированные тексты и словари с большим фразеологическим материалом. Вначале работы П. К. Услара вышли литографированным изданием и позже, уже после смерти автора, были изданы печатным способом.[6] Занимался Услар также и табасаранским языком, но рукопись, посвященная этому языку, в течение многих лет оставалась неизвестной и лишь недавно была подготовлена к печати исследователем табасаранского языка А. А. Магометовым.

Следует отметить также работу Р. Эркерта «Языки кавказской семьи»,[7] в которой дан материал по многим дагестанским языкам. Однако материал, приведенный в книге Эркерта, очень недостоверен и полон грубых ошибок. Несовершенная и непоследовательная транскрипция делает факты языка совершенно неузнаваемыми. Небрежно собиравшийся и поверхностно обработанный материал дает очень небольшие возможности для изучения этих языков. По качеству материала работа Эркерта не может идти ни в какое сравнение с работами Услара и едва ли представляет бóльшую достоверность, чем записи конца XVIII—начала XIX в.

Более достоверны материалы А. М. Дирра, работавшего в течение ряда лет преподавателем Темир-Хан-Шуринского реального училища. Дирр дал описание большинства дагестанских языков, которые оставались не описанными после Услара. Ему принадлежат грамматические очерки табасаранского, андийского, агульского, арчинского, рутульского и цахурского

---

[5] A. S c h i e f n e r. Versuch über das Avarische. Mémoires de l'Acad. imp. des sciences de St.-Pétersbourg, Sér. 7, t. 5, № 8, SPb., 1862.

[6] П. К. У с л а р. Этнография Кавказа. Языкознание, т. III. Аварский язык. Тифлис, 1889; т. IV. Лакский язык. Тифлис. 1890; т. V. Хюркилинский язык. Тифлис, 1892; т. VI. Кюринский язык. Тифлис, 1896.

[7] R. E r c k e r t. Die Sprachen des Kaukasischen Stammes. Wien, 1895.

языков.[8] Эти очерки снабжены комментированными текстами и словарным материалом. Несмотря на некоторые недостатки (неполнота, недостаточная систематичность, отдельные неточности), работы Дирра сыграли положительную роль в изучении дагестанских языков и сохраняют некоторое значение и до настоящего времени. Гораздо меньшее значение имеют очерки Дирра по андо-цезским языкам.[9] Они так бедны фактическим материалом, что по ним почти невозможно судить о характерных особенностях андо-цезских языков.

Великая Октябрьская революция открыла новую страницу в изучении дагестанских языков. Создав возможности для их всестороннего развития, она способствовала широкому развертыванию научных исследований в области дагестанских языков в масштабах, немыслимых в условиях царского строя. Из среды дагестанских народностей выдвинулись практические работники по языку (учителя, составители учебников, переводчики, писатели), выросли молодые кадры языковедов — кандидаты и доктора наук. На помощь местным работникам в создании письменности пришли языковеды научных центров — Москвы, Ленинграда, Тбилиси.

Молодые литературные языки Дагестана стали предметом пристального научного изучения. Были опубликованы монографические исследования грамматического строя отдельных языков, словари, статьи по частным вопросам грамматики, фонетики, диалектологии, работы сравнительно-исторического характера.

К сожалению, на теоретической стороне многих кавказоведческих работ советского периода сказалось влияние вульгарно-социологических теорий Н. Я. Марра, который, исходя из своей ложной теории стадиального развития языков, пытался видеть в кавказских языках пережитки древнейших стадий развития. Однако, вопреки учению Марра, советские языковеды в основном занимались изучением современного состояния дагестанских языков, вскрывая в них реально существующие закономерности.

---

[8] А. М. Д и р р. 1) Грамматический очерк табассаранского языка. В кн.: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 35. Тифлис, 1905; 2) Краткий грамматический очерк андийского языка. . . Там же, вып. 36, 1906; 3) Агульский язык. Там же, вып. 37, 1907; 4) Арчинский язык. Там же, вып. 39, 1908; 5) Рутульский язык. Там же, вып. 42, 1912; 6) Цахурский язык. [Тифлис, 1913].

[9] А. М. Д и р р. Материалы для изучения языков и наречий андо-дидойской группы. В кн.: Сборник для описания местностей и племен Кавказа, вып. 40. 1909.

Одним из главных достижений советского языковедения в области изучения дагестанских языков является выяснение специфических особенностей их грамматического строя. Углубленному изучению подвергались как отдельные грамматические явления, так и грамматическая система в целом. По всем основным дагестанским языкам были опубликованы их монографические описания. Из грамматик дагестанских языков следует в первую очередь назвать грамматики, составленные Л. И. Жирковым.[10] Эти грамматики, значительно уступая дореволюционным работам Услара в количестве фактического материала и языковых иллюстраций, обладают рядом серьезных достоинств. К таким достоинствам прежде всего относится выявление системного характера грамматических явлений изучаемых языков. Если работы П. К. Услара заняли в науке почетное место благодаря большой полноте собранного материала и исключительной точности описания, то для грамматических работ Л. И. Жиркова характерна систематизация материала, выявление в нем основного, главного, ведущего. Жиркову удалось увидеть в многообразии и сложности изолированных грамматических фактов стройную, простую и внутренне последовательную систему. В частности, это относится к системе глагольных времен. В обилии форм и их сочетаний Л. И. Жирков выделил систему основных времен, в отличие от свободных сочетаний глагольных форм и сочетаний их с различного рода частицами. Благодаря многочисленным обобщающим правилам, таблицам, схемам, работы Л. И. Жиркова оказали большое влияние на дальнейшую разработку вопросов грамматики дагестанских языков и, в частности, на составление школьных грамматик.

Школьные грамматики, несмотря на свой чисто практический характер, являясь одним из первых опытов составления систематических курсов грамматики, также имеют определенное научное значение; из них следует упомянуть грамматики для средней школы аварского языка (С. М. Саидов), даргинского (С. Н. Абдуллаев), лезгинского (М. М. Гаджиев), табасаранского (Т. Шалбузов).

Первой подробной грамматикой даргинского литературного языка была грамматика С. Н. Абдуллаева,[11] в которой

---

[10] Л. И. Жирков. 1) Грамматика аварского языка. М., 1924 (литогр.); 2) Краткая грамматика аварского языка. Приложение к «Аварско-русскому словарю», М., 1936; 3) Грамматика даргинского языка. М., 1926; 4) Грамматика лезгинского языка. Махачкала, 1941; 5) Табасаранский язык. М.—Л., 1947; 6) Лакский язык. М., 1955.

[11] С. Абдуллаев. Грамматика даргинского языка (фонетика и морфология). Махачкала, 1954.

факты литературного языка, основанного на акушинском наречии, систематически сопоставляются с фактами других диалектов даргинского языка. Подготовлена к печати также монография Г. Б. Муркелинского, посвященная фонетике и морфологии лакского языка.

За последнее время много внимания уделялось, в частности, с и н т а қ с и с у дагестанских языков, который долго оставался неисследованным. Из работ, посвященных этому вопросу, следует указать на «Синтаксис аварского языка» А. А. Бокарева [12] и «Синтаксис лезгинского языка» М. М. Гаджиева. [13]

Надо отметить также большую работу, впервые проведенную в области л е к с и к о г р а ф и и дагестанских языков. Большое теоретическое и практическое значение имеет издание русско-национальных словарей Дагестанским филиалом Академии наук СССР: русско-аварского (С. М. Саидов и Ш. И. Микаилов), русско-лезгинского (М. М. Гаджиев), русско-даргинского (С. Н. Абдуллаев) и русско-лакского (Г. Б. Муркелинский). Из национально-русских словарей был опубликован «Аварско-русский словарь» Л. И. Жиркова,[14] подготовлен к печати лакско-русский словарь С. М. Хайдакова. В настоящее время составляются национально-русские словари и для других дагестанских языков. Необходимо отметить также подготовленный к печати табасаранско-русский словарь А. Н. Генко, в котором сопоставлены материалы различных диалектов. Большое практическое значение имеют также школьные переводные и орфографические словари, изданные для всех литературных дагестанских языков.

Чрезвычайно интенсивно изучались советскими языковедами д и а л е к т ы и б е с п и с ь м е н н ы е я з ы к и. Многое сделано в области изучения диалектов аварского языка (А. С. Чикобава, И. И. Церцвадзе, Ш. И. Микаилов, С. М. Саидов, Р. А. Махмудов, Г. И. Мадиева),[15] в результате чего выяв-

---

[12] А. А. Б о к а р е в. Синтаксис аварского языка. М.—Л., 1949.

[13] М. М. Г а д ж и е в. Синтаксис лезгинского языка, ч. 1. Махачкала, 1954. — Вторая часть работы, посвященная синтаксису сложного предложения, также уже составлена.

[14] Л. И. Ж и р к о в. Аварско-русский словарь. М., 1936.

[15] А. С. Ч и к о б а в а. 1) Диалектические вариации инфинитива в аварском языке. Изв. ИЯИМК, т. I, Тбилиси, 1937; 2) К истории грамматических классов в аварском языке. Там же; И. И. Ц е р ц в а д з е. Анцухский диалект аварского языка. В сб.: Иберийско-кавказское языкознание, т. II. Тбилиси, 1948; Ш. И. М и к а и л о в. 1) Основные фонетико-морфологические особенности чохского говора аварского языка. В кн.: Языки Дагестана, вып. I. Махачкала, 1948; 2) О некоторых фоне-

лено большое число аварских диалектов, значительно отличающихся друг от друга своеобразием лексики и грамматики. Диалектами лакского языка занимались Г. Б. Муркелинский и С. М. Хайдаков,[16] диалектами лезгинского языка — А. Н. Генко, М. М. Гаджиев, У. А. Мейланова, Р. И. Гайдаров.[17] Чрезвычайно плодотворным было изучение диалектов даргинского языка, так как они настолько сильно отличаются друг от друга, что некоторые из них (кубачинский и кайтакский) даже рассматривались ранее как самостоятельные языки. Даргинскими диалектами занимались Ш. Г. Гаприндашвили, А. А. Магометов, Л. И. Жирков, С. Н. Абдуллаев, Ф. О. Абакарова, С. М. Гасанова.[18] В области диалектологии табасаранского языка следует отметить исследования А. Н. Генко, А. А. Магометова, Б. Ханмагомедова.

Для выявления своеобразных особенностей грамматического строя дагестанских языков вообще и для проведения их сравнительно-исторического изучения большое значение имеет описание мелких бесписьменных языков Дагестана. До Октябрьской революции почти все такие языки были изучены в столь слабой степени, что их можно считать вовсе не изученными. Описание значительного числа этих языков потребовало большой работы. Языками цезской группы (цезский, бежитинский, гинухский, хваршинский, гунзибский) занимались Е. А. Бокарев, И. В. Мегрелидзе, Э. А. Ломтадзе, Д. С. Имнайшвили, Г. И. Мадиева, Р. И. Левина, Р. Шарафутдинова; языками андийской группы (андийский, ботлихский, годоберинский, каратинский, ахвахский, квандинский, тиндинский, чама-

---

тических особенностях южноаварских диалектов. Тр. II научной сессии Дагест. базы АН СССР, Махачкала, 1949. — В настоящее время Ш. И. Микаилов подготовил к печати монографию, посвященную южноаварским диалектам.

[16] Г. М у р к е л и н с к и й. Краткие сведения о вихлинском диалекте лакского языка. В сб.: Языки Северного Кавказа и Дагестана, вып. II. М.—Л., 1949; С. М. Х а й д а к о в. Балхарский диалект лакского языка. Тр. Инст. языкозн. АН СССР, т. III, 1954.

[17] А. Н. Г е н к о. Материалы по кубинской диалектологии. Кубинское наречие. Изв. АН СССР, серия VII, отд. гуманит. наук, 1929; Р. П. Г а й д а р о в. Ахтынский диалект лезгинского языка. Махачкала, 1955. (Автореф. канд. дисс.).

[18] Ш. Г. Г а п р и н д а ш в и л и. 1) Фонетические особенности цудахарского диалекта даргинского языка по данным аула Хежал-Махи. В сб.: Языки Дагестана, вып. I. Махачкала, 1948; 2) Фонетика даргинского языка по данным диалектов. Тбилиси, 1956. (Автореф. канд. дисс.); Ф. О. А б а к а р о в а. Именное склонение в уркарахском диалекте даргинского языка. М., 1956. (Автореф. канд. дисс.): С. М. Г а с а н о в а. Спряжение глагола в урахинской, уркарахском и цудахарском диалектах даргинского языка. Махачкала, 1956. (Автореф. канд. дисс.).

линский) — А. А. Бокарев, Л. И. Жирков, И. И. Церцвадзе, Т. Е. Гудава, З. М. Магомедбекова, Ш. И. Микаилов. Арчинским языкам занимались С. М. Хайдаков, О. И. Кахадзе, Г. И. Мадиева; агульским — Р. М. Шаумян; цахурским и рутульским — А. Н. Генко, Е. Ф. Джейранишвили, Б. Б. Талибов; шахдагскими — Р. М. Шаумян, В. Н. Панчвидзе, Ю. Д. Дешериев, Ш. Саадиев; удинским — В. Н. Панчвидзе, Е. Ф. Джейранишвили. Лишь немногие из этих исследований уже опубликованы, но собранные в них материалы значительно обогатили теоретическую работу в области кавказских языков.

Углубленному изучению подверглись различные частные вопросы всех основных разделов кавказского языкознания.

В области ф о н е т и к и многое сделано для изучения специфических особенностей кавказской фонетической системы, которая очень разнообразно представлена в дагестанских языках. Надо прежде всего отметить в них богатство системы согласных звуков. Консонантизм дагестанских языков характеризуется наличием ряда согласных глубоко заднего образования (*къ*, *кь*, *хъ*, *гъ*, *гь*, *гI*, *ъ*), смычногортанных, или абруптивных (*пI*, *тI*, *кI*, *кь*, *цI*, *чI*), особых усиленных, или геминированных, согласных (*сс*, *цц*, *чч*, *кк* и т. д.) и лабиализованных согласных. Все эти типы согласных подверглись серьезному изучению и получили научную характеристику в работах Н. Ф. Яковлева, Л. И. Жиркова, Р. И. Шор, Г. С. Ахвледиани, Ш. Г. Гаприндашвили, Т. Е. Гудава, И. И. Церцвадзе.[19] Не все еще уточнено, кое-что потребует дополнительного изучения. Однако артикуляционная и фонетическая характеристика этих звуков в настоящее время может быть дана с большой точностью и не может идти ни в какое сравнение с дореволюционными приблизительными описаниями звуков, делавшимися на слух.

Для аваро-андо-цезских языков специфическими звуками являются также глухие латеральные согласные (*лъ*, *лълъ*, *лI*, *кь*). Исследованиями последних лет обнаружен, помимо уже известных четырех латеральных, еще один латеральный звук, встречающийся в ахвахском языке (Л. И. Жирков, З. М. Магомедбекова), в каратинском языке (З. М. Магомедбекова, И. И. Церцвадзе), в мунинском и конхидатлинском говорах

---

[19] Из последних работ можно указать на следующие: Т. Е. Г у д а в а. Фонетический обзор тиндийского языка. В сб.: Иберийско-кавказское языкознание, т. V. Тбилиси, 1953; И. И. Ц е р ц в а д з е. К вопросам фонетики андийского языка. Там же. — Ш. Г. Гаприндашвили подготовил монографию по фонетике даргинских диалектов.

андийского языка (И. И. Церцвадзе) и в некоторых говорах аварского языка (Ш. И. Микаилов).[20]

Серьезное внимание исследователи уделили также гласным звукам. Вопреки распространенному мнению, в некоторых дагестанских языках система гласных оказалась также довольно богатой. В гунзибском языке, например, система гласных фонем, изученная Э. А. Ломтадзе и Е. А. Бокаревым, достигает двадцати единиц. В дагестанских языках встречаются долгие, носовые и лабиализованные гласные фонемы, фонемы типа русского *ы*, редуцированного *э*. Большой интерес представляют так называемые фарингализованные гласные, зафиксированные в лакском языке, в кубачинском диалекте даргинского языка (А. А. Магометов, Ш. Г. Гаприндашвили), в цахурском языке (А. Н. Генко), в цезском языке (Е. А. Бокарев, Д. С. Имнайшвили).

В области морфологии дагестанских языков советскими исследователями также сделано много по изучению их специфических особенностей. Большое внимание исследователей привлекла система именных классов (Ю. Д. Дешериев, М. М. Гаджиев). Из дагестанских языков именные классы отсутствуют только в лезгинском и агульском языках, но и в них можно легко обнаружить следы их былого существования. В табасаранском языке именные классы также представлены не во всех диалектах; в тех диалектах, в которых имеются классы, четко противопоставлены класс разумных существ и класс предметов, явлений и понятий. Однако в табасаранском языке некоторые существительные, обозначающие время, дают возможность говорить о пережиточном существовании и третьего класса.

Ряд дагестанских языков четко выявляет систему трех классов (аварский, большинство андийских, даргинский), из которых первый класс включает названия лиц мужского пола, второй — женского, а третий — названия животных, неодушевленных предметов и отвлеченных понятий.

Большинство дагестанских языков обладает системой четырех классов (лакский, цахурский, рутульский, крызский, хиналугский, цезский). Критерий распределения существительных между четырьмя классами менее четок. Если названия лиц мужского пола всегда относятся к первому классу, а названия лиц женского пола почти всегда — ко второму, то названия неодушевленных предметов распределяются между

[20] И. И. Церцвадзе. Об одном латеральном согласном и соответствующих ему рефлексах в аваро-андийско-дидойской группе дагестанских языков. Сообщ. АН ГрузССР, т. XIII, 1952, № 7.

вторым, третьим и четвертым классами на основании очень нечетких критериев.

В некоторых из дагестанских языков имеется и большее число классов: пять — в андийском и чамалинском; шесть — в гунзибском и инхокаринском диалекте хваршинского языка.

Чрезвычайно сложно проявляется система именных классов в хиналугском языке (Ю. Д. Дешериев).[21]

Большое внимание исследователей привлекала падежная система дагестанских языков, особенно местные падежи, многочисленностью которых в основном и объясняется ее многопадежность. Местные падежи в дагестанских языках, как правило, группируются в падежные серии, что было отмечено еще П. К. Усларом; это было последовательно проведено Л. И. Жирковым в его монографических описаниях ряда языков. Так, например, в лакском языке падежные формы *къатлуву* 'в доме', *къатлува* 'из дому', *къатлувун* 'в дом' объединены общим показателем *-в-*, в отличие от форм *къатлулу* 'под домом', *къатлула* 'из-под дома', *къатлулун* 'под дом', где общим показателем серии будет *-л-*. Число серий в разных языках различно: в аварском языке — пять, в лакском — шесть, в табасаранском — восемь. Следует отметить такие своеобразные серии, которые обозначают нахождение на вертикальной поверхности (в отличие от горизонтальной), нахождение вблизи предмета (в отличие от нахождения в соприкосновении с предметом), нахождение в сплошной среде (в отличие от нахождения в замкнутом пространстве).

В большинстве случаев в каждую серию входит по три падежа, отвечающих на вопросы: «где?», «куда?», «откуда?». В лезгинском и бежитинском языках значения «где?» и «куда?» выражаются одной и той же падежной формой. В ряде других языков число падежей, образующих серии, больше трех: особыми формами в некоторых из них выражаются значения «через что?», «по направлению к чему?», «по направлению от чего?».

Послеоктябрьские исследования накопили большой фактический материал, характеризующий различные способы обозначения пространственных отношений и использования местных падежей для обозначения многих отвлеченных значений.

В ряде дагестанских языков (цезские, крызский, цахурский) выявлено наличие второго родительного падежа, форма которого употребляется в качестве определения при косвенном

---

[21] Ю. Д. Дешериев. Грамматика хиналугского языка. (В печати).

падеже определяемого существительного. Это явление стоит в связи с наличием особой формы прилагательных и некоторых разрядов местоимений и числительных, когда они являются определениями к существительным, стоящим в форме какого-либо косвенного падежа.

Системе падежей и их синтаксическим функциям в различных дагестанских языках посвящено немало специальных исследований (У. А. Мейланова, З. Абдуллаев, Б. Ханмагомедов, Ф. О. Абакарова, С. Л. Быховская). Большое место уделяется этому вопросу также в уже упомянутых работах по синтаксису аварского (А. А. Бокарев) и лезгинского (М. М. Гаджиев) языков.

В глаголе особое внимание исследователей привлекала система глагольных времен. В работах дореволюционных исследователей (П. К. Услар, А. М. Дирр) большой фактический материал еще не давал возможности выявить систему времен в целом: под названиями особых времен выступали часто свободные сочетания глагольных форм и их соединения с различного рода частицами. В монографиях Л. И. Жиркова и школьных грамматиках впервые была уточнена система времен. В системе времен некоторых дагестанских языков установлено наличие, в частности, таких времен, как общее (в отличие от настоящего), а также нескольких прошедших, которые выражают или «заглазность» выражаемого действия (в отличие от действия, свидетелем которого был говорящий), или процессуальность (в отличие от завершенности и мгновенности).

Следует отметить также некоторые исследования, посвященные значениям глагольных времен и сочетаниям глагольных форм. Особенно тщательно проведена такая работа в отношении лакского языка (С. М. Хайдаков).

Большое теоретическое значение имеют работы по изучению структуры глагольной основы, особенно в лезгинских и даргинском языках, которые выявили инвентарь глагольных префиксов и инфиксов, выражающих различные пространственные и временны́е значения (А. А. Магометов). Так как эти аффиксы часто существуют только как пережитки, их выявление проливает свет на историю формирования дагестанских языков.

В области с и н т а к с и с а дагестанских языков наибольший интерес вызвала эргативная конструкция предложения и ее взаимоотношение с номинативной, аффективной и некоторыми другими видами конструкций. Наличие эргативной конструкции связано с особым эргативным падежом, который

выражает подлежащее при переходном глаголе. Особенно плодотворным было исследование этого вопроса в работах А. С. Чикобава,[22] который показал, что эргативная конструкция не может быть отождествлена с пассивной, как думали в свое время Г. Шухардт и др. А. С. Чикобава указал также на своеобразие этой конструкции в некоторых диалектах аварского языка, где местоимения 1-го и 2-го лица при переходном глаголе выступают не в форме эргативного, а в форме именительного падежа. Отмечено также своеобразное проявление эргативной конструкции в даргинском языке, где эргативный падеж служит обозначением объекта действия в предложениях, выражающих процессуальность (С. Л. Быховская, С. Н. Абдуллаев). Своеобразно проявляется эргативная конструкция также в предложениях, выражающих процессуальность, в аварском (А. А. Бокарев) и бежитинском (Е. А. Бокарев) языках.

В процессе изучения накоплен большой фактический материал, характеризующий эргативный падеж и его отношение к другим падежам. Если в некоторых языках он совпадает с творительным (например, в аварском, андийском), то во многих других языках он или не совпадает ни с каким другим падежом (даргинский, табасаранский, лезгинский), или же совпадает с родительным (лакский), местным (цезский).

Из синтаксических вопросов, подвергавшихся исследованию, большое значение как с практической, так и с теоретической точки зрения имеет вопрос о сложноподчиненных предложениях и связанный с ним вопрос о причастных и деепричастных оборотах, функционально соответствующих придаточным предложениям. В отношении аварского языка этот вопрос изучался А. С. Чикобава,[23] М. С. Саидовым[24] и А. А. Бокаревым,[25] в отношении лезгинского языка — М. М. Гаджиевым.[26] И если нельзя считать его уже разрешенным, то, во всяком слу-

---

[22] А. С. Чикобава. 1) Несколько замечаний об эргативной конструкции. В сб.: Эргативная конструкция предложения. М., 1950; 2) Из истории образования эргативного (активного) падежа в аварском языке. В сб.: Языки Дагестана, вып. I. Махачкала, 1948.

[23] А. С. Чикобава. К вопросу о полиперсонализме в аварском языке в связи с проблемой эргативной конструкции. Изв. ИЯИМК, т. X, Тбилиси, 1941.

[24] М. С. Саидов. 1) Роль причастия в развитии придаточного предложения в аварском языке. В сб.: Язык и мышление, т. XI. 1948; 2) Развернутые члены предложения в аварском языке. В сб.: Языки Дагестана, вып. II. Махачкала, 1954.

[25] А. А. Бокарев, ук. соч.

[26] М. М. Гаджиев. Сложноподчиненное предложение в лезгинском языке. Вопр. языкозн., 1956, № 1.

чае, изученный материал в достаточной степени показывает своеобразие синтаксического строя дагестанских языков и невозможность отождествления сложноподчиненных предложений в них со сложноподчиненными предложениями в языках другого строя.

Сравнительно-историческое изучение дагестанских языков, по существу, началось только после Октябрьской революции, хотя их материальная близость была замечена уже первыми исследователями. П. К. Услар, приступая к своим исследованиям, предполагал провести их в сравнительно-историческом плане. Однако многочисленность дагестанских языков, недостаточная изученность большинства из них, значительные расхождения между ними как в области словарного состава, так и в области грамматики долгое время являлись серьезной помехой в работе по составлению обобщающих сравнительно-исторических работ.

Большие заслуги в развитии сравнительно-исторического изучения дагестанских языков имеет тбилисская лингвистическая школа, одним из крупнейших представителей которой является А. С. Чикобава. Во времена господства «нового учения» о языке Н. Я. Марра представители этой школы выступали с защитой принципов сравнительно-исторического языкознания и дали ряд исследований дагестанских языков сравнительно-исторического характера.

Сравнительно-исторические исследования были тесно связаны с описаниями языков и диалектов. Исследователи обычно не ограничивались чистым описанием, они сопоставляли факты изучаемых языков с фактами близко родственных языков и делали выводы исторического характера.

В результате этих исследований установлена чрезвычайная близость некоторых языков: ботлихского и годоберинского (Т. Е. Гудава), даргинского, кубачинского и кайтакского (Ш. Г. Гаприндашвили, А. А. Магометов), бежитинского и гунзибского (Э. А. Ломтадзе, Е. А. Бокарев). Это дает возможность в некоторых случаях даже поставить под сомнение правомерность рассмотрения их как самостоятельных языков.

С другой стороны, выявлена трудность отнесения арчинского языка к определенной генетической рубрике. И если древнейший слой лексики арчинского языка дает возможность причислить его к языкам лезгинской группы, то несомненно он испытал огромное влияние со стороны аварского и лакского языков. Также и исследование хиналугского языка показало, что он настолько сильно отличается от языков лезгинской группы, к которым он обычно причислялся, что его

генетическая принадлежность не может считаться вполне выясненной (Ю. Д. Дешериев).[27]

В процессе изучения дагестанских языков сравнительно-историческому анализу подвергаются все их стороны: устанавливаются лексические схождения и расхождения, звуковые соответствия в словах, которые могут быть возведены к общему лексическому фонду; восстанавливаются исходные системы грамматических классов; выявляется первичная система падежей, историческая взаимосвязанность финитных форм глагола с причастиями и деепричастиями и т. д.

Нужно надеяться, что большая и плодотворная работа советских исследователей в области сравнительно-исторического изучения дагестанских языков в скором времени приведет к созданию сравнительно-исторических грамматик их отдельных генетических групп, а затем и к созданию сравнительно-исторической грамматики дагестанских языков в целом.

До Великой Октябрьской социалистической революции дагестанские языки не имели условий для своего развития. Национальный гнет царского режима, экономическая и культурная отсталость Дагестана, суровые природные условия и бездорожье, оторванность от крупных центров культуры препятствовали развитию национальных культур и языков народов Дагестана. В таких условиях все дагестанские языки оставались бесписьменными. Зачатки письменности на некоторых наиболее распространенных из них (рукописные памятники, отдельные типо-литографские издания, преимущественно религиозного содержания) не меняли положения, так как эта письменность, являясь достоянием лишь незначительной верхушки населения, не получила широкого распространения, не создала прочной литературной традиции и не стала средством культурного развития широких народных масс. Также не оказали какого-либо серьезного влияния на культурное развитие широких слоев населения религиозные школы на арабском языке и немногочисленные государственные школы на русском языке.

Великая Октябрьская революция положила начало успешному социалистическому преобразованию отсталого Дагестана и создала все необходимые условия для всестороннего развития его национальных культур и языков.

Национальную политику Коммунистической партии и советского правительства характеризует повседневная за-

---

[27] Ю. Д. Дешериев. Хиналугский язык. (Рукопись Инст. языкозн. АН СССР).

бота о всех народностях и практическая, действенная помощь им в их социалистическом строительстве, в развитии их национальной культуры, в подготовке национальных кадров, в переводе государственного аппарата и школы на родные языки.[28]

Необходимым условием культурного подъема широких масс трудящихся и их приобщения к социалистической культуре является развитие национальных языков и создание на них письменности и литературы. Поэтому уже в первые годы после установления советской власти в Дагестане была создана письменность для наиболее крупных дагестанских народностей: аварцев, лаков, даргинцев, лезгин, а затем и для табасаранцев. Первая письменность создавалась на основе арабской графики с использованием некоторых дополнительных знаков для обозначения специфических звуков, свойственных дагестанским языкам. Особое обозначение получили также гласные звуки, которые в традиционном арабском письме обычно не обозначались.

Но создание этой письменности, известной под названием «новый аджам», не могло считаться удовлетворительным разрешением вопроса. Она была очень несовершенна в техническом отношении, трудна для изучения и в 1928 г. уступила место новой письменности, созданной на основе технически более совершенной графики. Но и латинская графика просуществовала в Дагестане сравнительно недолго. По желанию народных масс, среди которых росла тяга к изучению русского языка, в 1938 г. для дагестанских народностей была создана новая письменность, уже на основе русской графики, которая при наличии всеобщей грамотности получила массовое распространение. Для обозначения специфических звуков дагестанских языков стали использоваться сочетания с *ъ*, *ь*, *I*. Потребовалась большая работа по уточнению орфографических норм с учетом всего своеобразия дагестанских языков в области фонетики и грамматики. Чем проще орфография, чем единообразнее письмо, тем легче будет идти обучение в школе, тем легче осуществляется процесс письма и чтения. И если на первых порах орфографический разнобой был довольно велик, то в настоящее время создание сводов орфографических правил и орфографических словарей придало дагестанской письменности значительное единообразие.[29]

---

[28] См. сб.: Народы Дагестана. М., 1955.

[29] М. М. Гаджиев. Вопросы письменности дагестанских языков. В сб.: Языки Дагестана, вып. II. Махачкала, 1954.

Создание письменности для наиболее крупных дагестанских народностей положило начало формированию литературных дагестанских языков, иногда на основе резко различающихся местных диалектов. Сравнительно легко проходил процесс формирования аварского литературного языка, так как среди аварцев издавна существовал устный межплеменной диалект «болмац», который и лег в основу литературного языка. В основе лакского литературного языка лежит говор с. Кумух, являющегося культурным и экономическим центром для всех лаков. Легко определилась и основа лезгинского литературного языка. Диалектные различия внутри лезгинского языка невелики, и гюнейский говор, распространенный в предгорной полосе лезгинской территории, рано определился как база для развития литературного языка. Даргинский язык распадается на ряд сильно отличающихся друг от друга диалектов, и поэтому диалектная база литературного языка определилась для него не сразу. С течением времени из ряда других диалектов выделился акушинский, на основе которого стал развиваться даргинский литературный язык. Сложный путь развития прошел и табасаранский литературный язык. Хотя в его основе лежат южные говоры, некоторые фонетические и грамматические особенности северных говоров также нашли отражение в литературном языке.

Литературные дагестанские языки, впитывая в себя особенности местных диалектов, в свою очередь влияют на них, постепенно сглаживают существующие различия между диалектами, способствуя их сближению.

Большую роль играют литературные дагестанские языки и в культурном подъеме малочисленных народностей — носителей бесписьменных языков. Обилие языков в Дагестане издавно обусловило то, что некоторые из них, наиболее крупные, приобрели широкое распространение среди представителей малых народностей и превратились, таким образом, в орудие общения между ними. Такое значение получил, например, аварский язык среди андо-цезских народностей. Поэтому и письменность, созданная на аварском языке, сразу же нашла среди них широкое распространение. В настоящее время все взрослое население андо-цезов фактически является двуязычным — так глубоко проник аварский язык в их быт. На родном языке андо-цезы говорят дома, в семье, на улице, а на общем собрании, при встрече с жителем другого села переходят на аварский язык. На этом языке они пишут письма, читают книги и газеты, поют песни. Для малочисленных андо-

цезских народностей аварский язык стал могучим средством приобщения к социалистической культуре.

Дагестанские литературные языки переживают процесс интенсивного роста и развития. Новая социалистическая действительность вызывает к жизни новые понятия, расширяет сферы применения языков. Дагестанские языки обогащаются новыми словами, фразеологическими оборотами, синтаксическими конструкциями. Создаются новые слова на основе использования внутренних средств языка, входят в широкое употребление некоторые заимствования из местных диалектов; наконец, широко заимствуется лексика из русского языка. Языки обогащаются научно-производственной и общественно-политической терминологией. С другой стороны, некоторые слова выходят из употребления; так, например, значительно сократилось число заимствований из арабского и персидского языков. Развиваясь, дагестанские литературные языки становятся все более богатыми, способными к выражению все более сложной и дифференцированной мысли.[30]

Последовательное осуществление принципов ленинской национальной политики обеспечило неуклонный рост литературных языков Дагестана и проникновение их в широкие массы. Современный Дагестан покрыт густой сетью начальных школ (около 1300), в которых обучение идет на родных языках; в Дагестане работает более 200 средних и неполных средних школ, свыше 20 средних специальных школ и техникумов, более 850 массовых библиотек. В пяти высших учебных заведениях Дагестана учатся сотни коренных дагестанцев. Подготовка специалистов — представителей коренных народностей Дагестана ведется в Москве, Ленинграде, Тбилиси и других городах Советского Союза.

В Дагестане издается более 40 газет и журналов. Почти в каждом районе выходит газета на родном языке. Больших успехов достигла и непериодическая литература на дагестанских языках. Всему Советскому Союзу известны имена народных поэтов Дагестана: Сулеймана Стальского и Гамзата Цадаса. Активную роль в строительстве социалистической культуры играют дагестанские поэты, прозаики и драматурги, давшие немало произведений большого художественного значения. Необходимо отметить литературно-художественный

---

[30] О развитии дагестанских литературных языков см.: Ш. И. Микаилов. Литературные языки Дагестана. Вопр. языкозн., 1955, № 6; см. также его статью: К вопросу о путях образования аварского литературного языка. В сб.: Языки Дагестана, вып. II. Махачкала, 1954.

журнал «Дружба», издающийся на ряде дагестанских языков. Дагестанцы имеют возможность знакомиться на своих родных языках с произведениями русской классической и советской литературы. На дагестанских языках опубликованы произведения Пушкина, Тургенева, Л. Толстого, Чехова, Горького, Маяковского, а также Руставели, Джамбула и др.

Общий подъем культуры в Дагестане создал условия для развития науки и искусства. В Дагестане существует филиал Академии наук СССР, ставший центром разносторонней научно-исследовательской работы, филиал Института марксизма-ленинизма, который проводит большую работу по переводу на дагестанские языки произведений классиков марксизма.

Ю. Д. Дешериев

НАХСКИЕ ЯЗЫКИ

Нахские (или вейнахские) языки вошли в научную литературу под разными названиями: «чеченские языки», «нахские языки», «чечено-ингушские языки». За последнее время широкое распространение получили термины «кистинские языки», «кистинско-бацбийские языки», «бацбийско-кистинские языки».

Из приведенных терминов, общих для всей рассматриваемой группы языков, наиболее удачным признан термин «нахские языки».

К нахским языкам принадлежат бацбийский, ингушский и чеченский языки. Ингушский и чеченский дробятся на диалекты и говоры. Бацбийский не имеет особых диалектов. Чеченцы и ингуши более или менее хорошо понимают друг друга, бацбийский же язык настолько обособился, что бацбийцы и остальные нахцы не понимают друг друга.

Первые шаги в области изучения нахских языков были сделаны в России. Мы имеем в виду работы Гюльденштедта, Палласа, Клапрота, Шифнера, Услара и др., опубликованные в XVIII—XIX вв. Монография П. К. Услара «Чеченский язык» до сих пор не утратила своего значения.

Из нахских языков письменными являются ингушский и чеченский.

Попытки создать письменность для нахских народов были сделаны еще задолго до Великой Октябрьской социалистической революции.

Первые известные нам опыты создания письменности для нахских народов на основе русской графики относятся еще к XIX в. Так, в 1861 г. в Тифлисе был выпущен «Чеченский букварь», составленный на основе русской графики.[1] В 1862 г.

---

[1] И. Бартоломей. Чеченский букварь. Тифлис, 1861.

в Тифлисе вышла небольшая книжка чеченца Кеди Досова на чеченском языке.

Однако эти отдельные попытки разработки алфавита, распространения грамотности среди носителей нахских языков не привели к оформлению нахской письменности в собственном смысле этого слова, к созданию школы на родном языке, национальной литературы. Царизм всеми силами препятствовал делу просвещения народных масс и развития национальной культуры.

Лишь после победы Великой Октябрьской социалистической революции, в 1923 и 1924 гг., были созданы чеченский и ингушский алфавиты — сначала на арабской, а затем на латинской графической основе. В 1938 г. по требованию народных масс латинизированный алфавит был заменен русским, приспособленным к особенностям звукового состава чеченского и ингушского языков; была разработана орфография обоих языков.

В течение короткого периода времени благодаря братской помощи русских ученых и ученых других народов СССР были выявлены основные особенности ингушского и чеченского языков, подготовлены кадры для создания школы на родном языке.

В этой работе большую роль сыграли профессора Н. Ф. Яковлев,[2] А. Н. Генко,[3] М. Я. Немировский,[4] первый ингушский ученый и общественный деятель З. К. Мальсагов, Д. Д. Мальсагов, А. Г. Мациев, Х. Г. Гугиев, Х. Ошаев и другие.

В короткий срок была ликвидирована неграмотность. Возник национальный театр, стали выходить газеты на нахских языках. Появились поэты и писатели.

Проведена большая работа по созданию научной и политической терминологии. На чеченский и ингушский языки переводятся произведения классиков марксизма-ленинизма, классиков русской и мировой литературы.

В настоящей статье показаны основные результаты, достигнутые советским языкознанием в области изучения нахских языков (с кратким обзором важнейшей литературы).

---

[2] Н. Ф. Яковлев. 1) Вопросы изучения чеченцев и ингушей. Грозный, 1927; 2) Ингуши. М.—Л., 1925.

[3] А. Н. Генко. Из культурного прошлого ингушей. Зап. Коллегии востоковед., т. V, Л., 1930.

[4] М. Я. Немировский. К научной постановке исследования чеченской группы северо-кавказских языков. Изв. Ингушск. научно-исслед. инст. краевед., вып. II—III; отд. оттиск; Владикавказ, 1930.

ЧЕЧЕНСКИЙ ЯЗЫК

Как уже было отмечено, в изучении ф о н е т и к и чеченского языка большую роль сыграли проф. Н. Ф. Яковлев,[5] а также А. Мациев,[6] Х. Гугиев,[7] Х. Яндаров[8] и другие авторы школьных учебников. В результате удалось создать такой алфавит, в котором каждый из согласных звуков был обозначен особым знаком.

Ввиду того что фонетика чеченского языка в свое время не стала предметом специального исследования, составители чеченского алфавита не сумели выявить и обозначить все самостоятельные гласные звуки (фонемы). В алфавите современного чеченского литературного языка мы находим следующие буквы для обозначения гласных: *а*, *о*, *у*, *аь*, *оь*, *уь*, *е* (*э*), *и* и *ы* (последняя — в русских заимствованиях). Каждая из этих букв обозначает несколько самостоятельных гласных звуков (фонем). Так, буква *а* употребляется для обозначения краткого [Λ]: *веана* [veana] ‘пришел’, долгого [a:]: *вали* [va:li:] ‘привели’, редуцированного [*ă*]: *ваха* [va: xă] ‘живи’; буква *о* обозначает краткое [o]: *лоха* [loxa] ‘низкий’, долгое [o:]: *боху* [bo:xu] ‘говорит’, краткий восходящий дифтонг [uo]: *лом* [luom’] ‘лев’, долгий дифтонг [uo:]: *вола* [vuo:lă] ‘приходи’.

Важнейшие особенности м о р ф о л о г и и чеченского языка, выявленные в вышеуказанных трудах русских и советских ученых, представляют грамматические классы, сильно развитые склонение и спряжение.

Грамматических классов шесть. Первый — класс разумных существ мужского пола (*в-* — *б-*):[9] *да ву* ‘отец есть’, *дай бу* ‘отцы суть’. Второй — класс разумных существ женского пола (*й-* — *б-*): *нана йу* ‘мать есть’, *наной бу* ‘матери суть’. Все слова, обозначающие неразумные существа, предметы, явления природы, различные отвлеченные понятия, распределяются

---

[5] Н. Ф. Я к о в л е в. Чеченский и ингушский алфавиты на русской основе. Грозный, 1938.

[6] А. Г. М а ц и е в. Самоучитель чеченского языка. Изд. 2-е, Грозный, 1932.

[7] Х. Г у г и е в. Грамматика чеченского языка, ч. 1. Грозный, 1942. (На чеченск. яз.).

[8] Х. Я н д а р о в и др. Грамматика чеченского языка. Грозный, 1933. (На чеченск. яз.).

[9] В скобках даются классные показатели, включаемые в морфологический состав не самого имени существительного, относимого к тому или иному грамматическому классу (отчасти соответствующему грамматическому роду), а глагола-сказуемого в качестве префикса, если глагол не производный. Сначала дается классный префикс ед. ч. (например, *в-*), а затем через тире классный префикс мн. ч. (*б-*).

между остальными классами. Принципы, которые лежат в основе выделения этих четырех классов, еще не уточнены.[10] Так, к третьему классу (*й-* — *й-*) относятся *машина* ‘машина’, *газа* ‘коза’, *идея* ‘идея’ и т. д. Четвертый класс (*б-* — *д-*) включает в себя *сту* ‘бык’ и др. Пятый класс (*д-* — *д-*) охватывает *джIаьла* ‘собака’, *цIа* ‘дом’ и т. д. Наконец, в шестом классе (*б-* — *б-*) представлены *болх* ‘работа’, *паровоз* ‘паровоз’ и др.

Показатели грамматических классов получают глаголы (*б-ина*, *д-ина*, *й-ина* ‘сделал’), качественные прилагательные (*в-ок-кхан*, *д-оккхан*, *й-оккхан* ‘большой’), обобщительные местоимения (*д-ерраш*, *а*, *б-ерраш*), числительные (*д-иъ*, *й-иъ*, *б-иъ* ‘пять’) и др. Как видно из этих примеров, классные показатели включаются в морфологический состав этих частей речи в качестве префикса.

Основные падежи: именительный — *да* ‘отец’, *лам* ‘гора’ (с нулевым аффиксом), эргативный — *да-с*, *ломуо//ламуо* (аффиксы *-с*, *-уо*), родительный — *ден*, *ломан* (аффикс *-н*), дательный — *дена*, *ламна* (аффикс *-на*), творительный — *деца*, *ламца* (аффикс *-ц//-ца*). Почти все остальные падежи являются местными. Местные падежи представлены стандартными аффиксами, по-видимому, послеложного происхождения — *дега* (аффикс *-г//-га*) ‘к отцу’, *дага-хъ* ‘у отца’ — и послеложными конструкциями: *дена тIе* (здесь *тIе* — послелог) ‘на отце’ и др.

Местоимения, количественные числительные, а также субстантивированные имена прилагательные, порядковые числительные, причастия получают те же стандартные аффиксы.

Склонение у всех этих слов однотипное, обнаруживающее лишь незначительные разновидности в зависимости от варьирующихся по некоторым падежам основ склоняемых слов.

Имя прилагательное имеет один аффикс для всех косвенных падежей. Формой именительного падежа прилагательного служит форма родительного падежа имени существительного: *хаза-н йоI* ‘красивая девушка’; *хазачу йоьIан* ‘у красивой девушки’, *хазачу йоIана* ‘красивой девушке’ и т. д.

В глаголе представлены различные морфологически выражаемые грамматические категории времени, наклонения, вида, грамматического класса.

В чеченском языке следует различать абсолютные и относительные времена. К абсолютным временам мы относим те, которые выражаются одним морфологическим показателем, вклю-

---

[10] См.: Ю. Д. Дешериев. Специфика проявления абстрагирующей роли грамматики в системе грамматических классов. Докл. и сообщ. Инст. языкозн. АН СССР, вып. VII, 1955.

чаемым в спрягаемый глагол, т. е. его абсолютной формой: настоящее время (показатель — *-у//-а//-о*) — *ох-у* ‘пашет’; будущее время (*-р* присоединяется к основе настоящего времени) — *охур* ‘вспашет’; только что прошедшее (*-и/-иэ*) — *эх-и* (в прошедших временах почти все чеченские глаголы меняют основу) ‘[он] вспахал только что’; недавнопрошедшее (*-на*) — *аьха-на//аьх-на* ‘недавно вспахал’; давнопрошедшее (*-ниэра*) — *аьх-ниэра* ‘давно вспахал’; прошедшее очевидное (*-ир//-ар*) — *эх-ир* ‘вспахал’.

Относительные времена образуются сочетанием причастно-деепричастной формы смыслового глагола со связкой: *охуш в-у* ‘пашущий есть’ (т. е. ‘пашет’), *нэхи в-у* ‘пахавший есть’ (т. е. ‘пахал’) и т. д.

Основные наклонения: повелительное (аффикс *-а*), побудительное (*-уьт//-ит*), условное (*-хь*), потенциальное (*-ло*). Аффиксы наклонения могут быть в конце глагольной формы [*ах-а* ‘паши’; *аха-хь* ‘вспахал бы ты’; *э-ьхне-хь* ‘если пахал’; *аха-ло* ‘в состоянии (сейчас) пахать’], а также перед аффиксами времени (*ах-ит-а!* ‘заставь пахать!’; *ах-ит-ир* ‘заставил пахать’; *аха-ло-ра* ‘в состоянии был пахать’).

В чеченском языке два основных вида глагола — однократный и многократный, выражаемые морфологически. Существуют два способа выражения этих двух видов: а) разными основами — *в-ахан* ‘идти’, *эхан* ‘ходить’ — и б) чередованием гласных основы: для однократного вида *а/о* и др., а для многократного вида *а/иэ* и др.; в повелительном наклонении: *л-а-лла!* ‘угони!’, *л-е-лла!* ‘гоняй’; *хьажа!* ‘посмотри!’, *хьиежа!* ‘посматривай!’.

Не все чеченские глаголы имеют видовые формы. Так, видовых форм не имеет глагол *ахан* ‘пахать’.

В чеченском языке глагол не изменяется по лицам и числам. В то же время в нем наблюдается специфичное для нахских языков явление, связанное с различением глагольных основ единственного и множественного чисел. Таких глаголов очень мало. Основа непереходного глагола такого типа употребляется в форме единственного числа, если подлежащее ставится в единственном числе: *и тхоьга веи* ‘он к нам пришел’; если же подлежащее стоит во множественном числе, то и основа глагола — сказуемого — употребляется в форме множественного числа: *уьш тхоьга б-аьжки* ‘они к нам пришли’. Основа переходного глагола употребляется в форме единственного числа, если прямое дополнение стоит в единственном числе: *ахьа и говр цига лаьллира* ‘ты эту лошадь туда выгнал’; если же прямое дополнение стоит во множественном числе, то и ос-

нова глагола-сказуемого употребляется в форме множественного числа: *ахьа и говораш цига лаьккира* 'ты этих лошадей туда выгнал'.

Служебные слова представлены послелогами, сочинительными и подчинительными союзами. Подчинительных союзов очень мало. Нет относительного местоимения типа русского *который*.

Различных теоретических направлений в области разработки морфологии чеченского языка не возникло. Правда, в интерпретации отдельных явлений имеются существенные расхождения между отдельными авторами. Так, существуют разногласия между авторами школьных грамматик и исследователями [11] по вопросу о склонении. Первые без всяких теоретических объяснений выделяют в чеченском языке восемь падежей. Напротив, вторые находят в чеченском языке всего три-четыре основных падежа, все остальные падежные формы рассматриваются им как послеложные конструкции. Они мотивируют это положение тем, что формативы всех местных падежей по своему происхождению являются послелогами. Однако здесь остается невыясненным вопрос о том, что такое падеж. То обстоятельство, что падежный аффикс может восходить исторически к самостоятельному слову, не может послужить основанием для отрицания падежной природы данной формы слова (ср., например, падежные формы полных прилагательных в русском языке).

Синтаксис чеченского литературного языка впервые более или менее обстоятельно был освещен Н. Ф. Яковлевым.[12]

В его «Синтаксисе чеченского литературного языка» выявлены основные особенности конструкций простого предложения, описанных еще П. К. Усларом в монографии «Чеченский язык». Как отмечал Н. Ф. Яковлев, синтаксис чеченского языка характеризуется наличием множества различных конструкций предложения, в которых подлежащее и сказуемое представлены в разных формах, а морфологически выраженные синтаксические отношения между подлежащим, сказуемым и прямым дополнением также имеют свои особенности в каждой из конструкций.

Основными являются три конструкции предложения — номинативная, эргативная и дативная. Названия этих конструкций предложения восходят к наименованиям соответствующих падежей.

---

[11] Д. И м н а й ш в и л и. Основные и послеложные падежи в ингушском и чеченском языках. Изв. ИЯИМК, т. XII, 1942. (На грузинск. яз.).

[12] Н. Ф. Я к о в л е в. Синтаксис чеченского литературного языка. М.—Л., 1940.

Номинативная конструкция характерна для непереходного глагола: *со цIа в-оьду* ‘я домой иду’. В этом предложении подлежащее стоит в именительном падеже (*со*) и согласуется в грамматическом классе со сказуемым (классным показателем является префикс *в-* в составе глагола-сказуемого *в-оьду*).

Эргативная конструкция свойственна переходному глаголу: *аса болх бо* ‘я работу делаю’. Здесь подлежащее выражено личным местоимением в форме эргативного падежа (*аса*), в именительном падеже ставится прямое дополнение, которое согласуется в грамматическом классе со сказуемым посредством классного префикса *б-* (*бо*).

Дативная конструкция образуется от так называемых глаголов «чувственного восприятия» (Verba Sentiendi): ‘любить’, ‘желать’, ‘хотеть’ и т. д.; например: *суна хъо виэза* ‘я тебя люблю’. В этом предложении подлежащее стоит в дательном падеже (Dativ — отсюда и название конструкции предложения). Во всем остальном дативная конструкция ничем не отличается от переходной (эргативной) конструкции предложения.

Отмеченные выше важнейшие особенности простого предложения в чеченском языке в основном правильно освещены в указанном труде Н. Ф. Яковлева. В этом его несомненная заслуга. Н. Ф. Яковлев правильно утверждает, что эргативная конструкция является активной, а не пассивной, в том смысле, что предмет, стоящий в эргативном падеже, мыслится как производитель действия, а не какое-нибудь мифическое существо. Однако следует отметить как наиболее существенные недостатки названного труда Н. Ф. Яковлева схематизм, отсутствие углубленного анализа различных своеобразных синтаксических явлений, свойственных простому предложению чеченского языка. Менее удачное освещение в указанном труде Н. Ф. Яковлева получило сложное предложение.

Своеобразие сложного предложения в чеченском языке состоит в следующем: морфологическое выражение подчинительной связи между главным и придаточным предложениями является основным способом построения сложноподчиненного предложения. В морфологический состав сказуемого придаточного предложения включается соответствующий аффикс подчинения: *ахьа ахча ла-хь, аса кIа оьцурду* ‘ты деньги дашь если, я пшеницу куплю’. В составе сказуемого придаточного предложения *ла-хь* имеется аффикс *-хь*, выражающий условно-подчинительную связь (‘если’) придаточного с главным предложением: *хьо тхайга веа-ча, суна хозахийтира* ‘ты к нам пришел, когда я обрадовался’, т. е. ‘когда ты к нам пришел, я обрадовался’. Не следует смешивать такую форму сказуемого

придаточного предложения с причастием *вогIучо* 'идущий' и т. п.: *гIалитIара вогIучо суна ахча делира* 'из города идущий мне деньги дал' (простое предложение).

Как уже было сказано, в чеченском языке отсутствует относительное местоимение. Вообще говоря, очень слабо развиты относительные слова. Правда, некоторые из них возникают и оформляются на наших глазах: *цуьндели* 'поэтому' (восходит к выражению *цуьн дели духъа* 'ради его бога'); *хIундаьлчи* потому что (от *хIунда аьлчи* буквально 'почему если сказать'); — *хьо цига ца веара, цуьндели со цIа вагIара!* 'ты туда не пришел, поэтому я домой пошел!'.

Н. Ф. Яковлев далеко не всегда учитывает особенности синтаксического строя чеченского сложного предложения. В этом главный недостаток второй части рассматриваемого труда. Так, фразу *болх цабечу йаан цайоу* 'работу не делающий и кушать не кушает' Н. Ф. Яковлев переводит так: 'кто не работает, тот и не кушает'. На основе литературного перевода чеченской фразы на русский язык он делает неправильные лингвистические выводы: простое чеченское предложение рассматривает как сложное, смешивает причастный оборот с придаточным предложением. В результате в его книге искаженно представлен синтаксис чеченского сложного предложения.

Сложносочиненное предложение строится при помощи интонации и сочинительных союзов. Проблеме сложного предложения в нахских языках Д. С. Имнайшвили посвятил специальную работу.[13]

Вопросы л е к с и к и чеченского языка рассматриваются в небольшой работе О. П. Егорова «Чечено-ингушская лексика».[14] Здесь отмечены некоторые особенности лексического состава чеченского языка, охарактеризовано относительно небольшое количество лексических схождений и расхождений в нахских языках, выявлены наиболее показательные заимствования.

В словарном составе чеченского языка обнаруживаются лексические элементы разного происхождения: 1) подавляющее большинство слов в современном чеченском языке общенахского происхождения; к ним относятся слова, являющиеся исконно общими в иберийско-кавказских языках; 2) лексические единицы, возникшие в самом чеченском языке в период его самостоятельного (обособленного от остальных нахских

---

[13] Д. С. И м н а й ш в и л и. К вопросу о гипотаксисе в языках чеченской группы. В сб.: Иберийско-кавказское языкознание, т. II, Тбилиси, 1948 (На груз. яз.)

[14] О. П. Е г о р о в. Чечено-ингушская лексика. В сб.: Языки народов Северного Кавказа и Дагестана, вып. I. Л., 1935.

языков) развития; 3) лексические заимствования из русского языка (слова, относящиеся к науке, технике, искусству, литературе, народному хозяйству, общественно-политической жизни, материальной культуре, предметам быта и др.); 4) арабско-персидские заимствования — религиозные термины, слова, обозначающие отвлеченные понятия (*хьекъал* 'ум', 'талант', *амал* 'нрав' и т. д.), слова, относящиеся к торговле, ремеслу; 5) слова, заимствованные из тюркских языков, — главным образом относящиеся к области животноводства, а также названия сельскохозяйственных культур, некоторые названия предметов домашнего обихода; 6) заимствования из грузинского языка — названия некоторых домашних и диких животных, предметов ремесленного производства, отдельных сельскохозяйственных культур; 7) заимствования из осетинского языка — наименования отдельных животных, хозяйственных предметов, одежды и др. Очень мало слов, заимствованных чеченским из остальных кавказских и некавказских языков. Большое число заимствованных слов проникло в чеченский язык из русского.

Сравнительно-историческое освещение и глубокий статический анализ чеченской лексики — таковы основные задачи в области исследования словарного состава чеченского языка.

В области чеченской лексикографии следует отметить создание небольших чеченско-русского и русско-чеченского словарей, например, А. Мациева,[15] М. Чентиевой.[16]

Коллективными усилиями был создан небольшой терминологический словарь.

Для чеченской терминологии характерно следующее: а) использование собственного лексического материала (так были образованы социальные термины *белхло* 'рабочий' от *болх* 'работа' посредством исконного словообразовательного аффикса *-ло*; *ахархо* 'крестьянин', 'пахарь' от слова *ахар* 'пахать' при помощи словообразовательного элемента *-хо*); б) заимствование терминов из русского языка с сохранением их звучания (*социализм, коммунизм, колхоз*) или с отсечением от основ словоизменительных элементов (*советская Iедал* 'советская власть', *социалистически бахам* 'социалистическое хозяйство'); в) калькирование по русским образцам.

Почти не разработана отраслевая терминология.

Значительную ценность представляет сравнительно большой орфографический словарь, составленный исследователем

---

[15] А. Г. Мациев. Чеченско-русский словарь. Грозный, 1927.
[16] М. Чентиева. Русско-чеченский словарь. Грозный, 1940.

и хорошим знатоком чеченского языка Х. Гугиевым.[17] Все слова приведены с классными показателями, что особенно важно.

В советскую эпоху диалекты чеченского языка впервые стали предметом изучения.[18] В 1941 г. вышел труд Д. Д. Мальсагова «Чечено-ингушская диалектология».[19] Эта работа является весьма ценным вкладом в изучение ингушских и чеченских диалектов и говоров. Здесь на обильном фактическом материале показаны основные схождения и расхождения между чеченскими и ингушскими диалектами. Охарактеризованы следующие диалекты и говоры чеченского языка: плоскостной (т. е. говоры Большой Чечни), легший в основу литературного языка, итумкалинский, чеберлоевский, галанчожский, подразделяющийся на майстинский и мелхистинский говоры.

Д. Д. Мальсагов называет чеберлоевский диалект «акающим». Кроме того, этому диалекту присуще оглушение конечных звонких согласных в значительно большей степени, чем плоскостному; наличие надгортанных геминированных согласных в начальной позиции, что является исключительно редким, пожалуй, единственным случаем геминирования в нахских языках (*Къкъали* — мужское имя, *къкъарка* 'водка').[20]

Наиболее характерной особенностью итумкалинского диалекта следует признать постоянное соответствие комплекса *рк* плоскостному сочетанию *хк*: плоскости. *дохк*, итумкалинск. *дорк* 'туман'[21] и т. д.

Не по всем чеченским диалектам и говорам опубликованы материалы; например, не изучена чеченская речь веденцев, саясановцев, нажай-юртовцев.

Чеченский литературный язык возник в советскую эпоху на основе говоров Большой Чечни (обычно объединяемых под названием «плоскостной диалект») и обогащался путем использования данных других диалектов. Специальных работ, посвященных исследованию чеченского литературного языка, нет. Его жанровые, функциональные, стилистические особенности складываются на основе использования, во-первых, специфических особенностей чеченской устной, разговорной речи; во-вторых, данных фольклора; в-третьих, хорошо развитой у чеченцев церемониально-бытовой речи, связанной с обычаями

---

[17] Х. Г. Гугиев. Орфографический словарь чеченского языка. Грозный, 1940.

[18] А. Генко. Из области чеченской диалектологии. В сб.: Языки народов Северного Кавказа и Дагестана, вып. I. Л., 1935.

[19] Д. Д. Мальсагов. Чечено-ингушская диалектология... Грозный, 1941.

[20] Д. Д. Мальсагов, ук. соч., стр. 23.

[21] Там же.

гостеприимства, свадебными, похоронными обрядами, празднествами, с традиционным народным правосудием (особые формулы, термины, словосочетания, меткие выражения); в-четвертых, под влиянием наиболее известных и употребительных жанровых, функциональных особенностей русского литературного языка. Особенности церемониально-бытовой речи получили преимущественное распространение в художественной литературе, в театре, переписке. В поэзии преобладающее место занимает подражание русским образцам, р сским поэтам. В художественной литературе, поэзии используются и особенности фольклора.

Структурные, стилистические особенности языка общественно-политической, публицистической и научной литературы формируются под исключительным влиянием русского языка.

Большую роль в формировании и развитии литературного чеченского языка играет творчество ведущих чеченских писателей. Наиболее выдающимся чеченским писателем, поэтом, драматургом был С. Бадуев. Большой популярностью пользуются произведения С. Арсанова, М. Мамакаева Н. Музаева и др.

Аккинцы свободно пользуются чеченским литературным языком. Выделение аккинской речи как промежуточной между чеченским и ингушским языками правомерно лишь в плане исторического и сравнительно-исторического изучения нахских языков.

Краткая характеристика аккинской речи дана в «Очерке аккинского (ауховского) языка» З. К. Мальсагова.[22] Автором этого очерка отмечены следующие наиболее характерные черты, отличающие аккинскую речь от чеченского языка: 1) чеченскому комплексу *лх* в аккинском соответствует *рх* — чеч. *малх*, акк. *марх* 'солнце'; чеч. *ялх*, акк. *ярх* 'шесть'. 2) в глагольных формах чеченскому сочетанию *лл* в аккинском соответствует *лн* — чеч. *аьлла*, акк. *аьлна* 'сказал', 'сказав'; чеч. *хилла*, акк. *хилна* 'был', 'бывший'; 3) чеченскому (литературному) начальному комплексу *ст* исконного происхождения в аккинском соответствует *с* — чеч. *стаг*, акк. *саг* 'человек'; чеч. *стигал*, акк. *сигал* 'небо'; 4) в чеченском отсутствуют характерные для аккинского языка глагольные формы с классными показателями в начале и конце — *в-оьузанчь-в* 'узнал' (ср. аналогичные формы в ингушском: *в-ейзаь-в*); в чеченском такие глагольные формы имеют классный элемент лишь в начальном положении — *в-евзина*~*в-ойзана*.

---

[22] З. К. Мальсагов. Очерк аккинского (ауховского) языка. Изв. Чеч.-инг. Научно-исслед. инст. языка, т. I (IV), Грозный, 1933.

В чеченском и в речи аккинцев значительно больше целиком совпадающих слов, чем в чеченском и ингушском. Правда, в аккинской речи встречаются слова дагестанского и тюркского происхождения, отсутствующие в чеченском и ингушском. Кроме того, в аккинской речи наблюдаются частные специфические фонетические и морфологические явления, обусловленные звуковыми процессами; встречаются и расхождения (в сравнении с чеченским) в употреблении показателей грамматических классов. Аккинской речи присущи также некоторые признаки ингушского языка.

ИНГУШСКИЙ ЯЗЫК

Письменность на ингушском языке[23] возникла в советскую эпоху примерно в то же время, когда создавалась чеченская письменность. Все, что сказано о чеченской письменности, почти полностью относится и к ингушской.

Наиболее значительным опубликованным трудом по ингушскому языку является «Ингушская грамматика»[24] З. К. Мальсагова. В ней дается краткая характеристика фонетики и морфологии, рассмотрены некоторые основные особенности синтаксиса. В приложении дается краткий ингушско-русский словарь. Весьма ценный вклад в изучение ингушского языка внес Д. Д. Мальсагов — крупный исследователь этого языка, автор труда «Чечено-ингушская диалектология». Опираясь главным образом на этот труд, мы характеризуем ниже основные особенности ингушского языка, отличающие его от чеченского.

По своему фонемному составу ингушский язык мало чем отличается от чеченского. В ингушском есть губно-зубной щелевой глухой *ф*[25] — инг.[26] *фоарта*, чеч. *ворта* ‘шея’, — отсутствующий в чеченском (в последнем этот звук встречается лишь в заимствованных словах: *фабрика* и т. п.). Нехарактерный для чеченских диалектов дифтонг *оа* широко употребляется в ингушском: *лоа* ‘снег’, *лоамаруо* ‘горец’. В ингушском нет наличествующих в чеченском кратких дифтонгов *ев* [ew] и *хьв* [äw]: чеч. *кевна* ‘воротам’ (дат. пад.); инг. *ковна*; чеч. *хьаьвсина* ‘посмотрели’, инг. *хьажа*.

---

[23] Для краткости изложения в дальнейшем, характеризуя ингушский и бацбийский языки, мы ограничиваемся описанием лишь основных особенностей, которые отличают их от чеченского языка.

[24] З. К. Мальсагов. Ингушская грамматика. Владикавказ, 1925.

[25] По-видимому, этот звук заимствован из осетинского языка еще в далеком прошлом.

[26] Сокращения: акк. — аккинская форма, бацб. — бацбийская, инг. — ингушская, чеч. — чеченская.

Д. Д. Мальсаговым описаны важнейшие фонетические явления, отличающие литературный ингушский от литературного чеченского. К ним относятся следующие: чеченскому восходящему дифтонгу *уи* [ui] соответствует ингушский *ий* [ij]: чеч. *буй*, инг. *бий* 'кулак'; чеч. *гуй*, инг. *гий* 'деревянное блюдо' (наблюдаются исключения из этого правила: чеч *нуй*, инг. *нув* 'веник', чеч. *Iуй*, инг. *Iуй* 'пастухи'). Чеченскому комплексу *ст* в начале слова в ингушском, как правило, соответствует *с*: чеч. *стаг*, инг. *саг* 'человек'; чеч. *стигал*, инг. *сигал* 'небо'. В ингушском редко встречаются широко употребляемые в чеченском гласные *оь* [ö], *уь* [u]. Последнему звуку в ингушском чаще всего соответствуют *у* или *и*: чеч. *туьхи ~туьх*, инг. *тухи* 'соль'; чеч. *луьста*, инг. *листа* 'частый'. Значительные расхождения наблюдаются между ингушским и чеченским в употреблении так называемых айнированных звуков и гамзы: чеч. *эса*, инг. *Iаса* 'теленок'; чеч. *дIавш*, инг. *дохьаш* 'яд'; чеч. *кхуоъ эмӀуо*, инг. *кхаьнниэ* 'тремя' и т. д.

Из морфологических расхождений должны быть отмечены следующие наиболее значительные: 1) характерная для чеченского форма недавно прошедшего времени в ингушском отсутствует. Функцию этого времени выполняет сочетание наречия *хIанз* 'сейчас' с глаголом в прошедшем очевидном: *хIана вахар* 'сейчас вошел'; 2) в ингушском нет субстантивированного прилагательного с суффиксом *-ниг* (типа чеченского *вуониг* 'плохой', т. е. 'плохой человек'); 3) в чеченском есть сравнительный (*оцулла* 'столько, сколько он') и предельный (*валлалц* 'до смерти') падежи, отсутствующие в ингушском; 4) в ингушском морфологически выражается превосходная степень, которой нет в чеченском (*диках говр* 'лучшая лошадь'). 5) в ингушском встречается неупотребительная в чеченском уменьшительная форма существительного, образованная посредством аффикса *-лг//-г* (*цIа* 'дом', *цIалг* 'домик'); 6) в чеченском и ингушском выявлены существенные расхождения в употреблении грамматических классов (чеч. *куй бу*, инг. *куй йа* 'шапка есть'; чеч. *ге~гай ду*, инг. *гаь йа* 'живот есть').

Установлено, что в лексике чеченского и ингушского языков около 75—80% слов имеют общие корни. Около 50% слов звучат одинаково в обоих языках. В то же время в литературных чеченском и ингушском языках в области лексики обнаруживаются расхождения трех типов: 1) расхождения в звучании слов, обусловленные причинами фонетико-морфологического характера, при наличии общих корней и основ — чеч. *хIинц(а)*, инг. *хIанз* 'сейчас', 'только что', 'теперь'; чеч

мыста, инг. *миста* ‘кислый’; чеч. *мара*, инг. *мера* ‘нос’; 2) расхождения, вызванные семантическими процессами — чеч. *кIалд* ‘сыр (вообще)’, инг. *кIолд*; расхождения, вызванные наличием лексических единиц разного происхождения, — чеч. *боьршстаг* (букв. ‘самец-человек’), инг. *маьIсаг* (букв. ‘рогатый человек’) ‘мужчина’.

Судя по исследованию Д. Д. Мальсагова, к основным диалектам ингушского относятся плоскостной и галанчожский. Галанчожский включает в себя майстинский, мелхистинский и аккоорштхоевский говоры.

По ингушскому языку созданы школьные грамматики, небольшие словари: русско-ингушский,[27] терминологические и др. Особенно ценным является орфографический словарь И. Оздоева.[28] В этом словаре собрано около 8—10 тыс. слов, указаны грамматические классы. Опубликованы материалы по ингушскому фольклору, возникла ингушская литература. Большой популярностью пользуются ингушские писатели, поэты и драматурги И. Базоркин, Х. Муталиев, Д. Яндиев, М. Хашагульгов и др.

Исследователи ингушского и чеченского языков справедливо считают, что у ингушей и чеченцев может развиться единый литературный язык.

БАЦБИЙСКИЙ ЯЗЫК

Еще П. К. Услар отмечал, что бацбийский является самостоятельным языком, испытавшим очень сильное влияние грузинского языка.

Бацбийский язык еще до революции стал предметом изучения. Русский академик А. А. Шифнер в 1856 г. выпустил «Опыт тушского языка» (на немецком языке). Сохранилась в рукописи также «Грамматика» бацбийца И. Цискарова, написанная примерно в 1847—1848 гг. Хотя в «Опыте» А. А. Шифнера содержится больше материала, чем в рукописи И. Цискарова, тем не менее примечателен тот факт, что первым исследователем бацбийского языка был коренной бацбиец.

Советские кавказоведы значительно продвинули вперед научное изучение бацбийского языка. После Октябрьской революции, в 30-е годы, бацбийцем Н. Кадагидзе был состав-

---

[27] И. Мальсагов. Русско-ингушский словарь. Владикавказ, 1929.

[28] И. Оздоев. Ингушский орфографический словарь. Грозный, 1943.

лен большой бацбийско-русско-грузинский словарь. Рукопись этого словаря находится в Тбилиси.

Исследования советских языковедов позволили выявить основные особенности бацбийского языка, отличающие его от остальных нахских языков.

Система гласных бацбийского языка отличается от чеченской наличием ясно выраженных носовых гласных и отсутствием долгих гласных *о*, *у* и дифтонгов *оу*, *уо*. В систему согласных входит латеральное *ль*, отсутствующее в остальных нахских языках. Весьма интересны типы именных основ.[29]

В бацбийском глагол изменяется по лицам (по первому и второму): *вуит1ас* 'иду', *вуит1ахь* 'идешь'. Аффиксы первого и второго лиц восходят к соответствующим личным местоимениям. Личное спряжение — новое явление в этом языке.

Пережиточно сохранилась в бацбийском языке древняя система счета, наиболее характерной чертой которой является отсутствие особых слов для выражения чисел 'сто' и 'тысяча'. Бацбийцы говорят: *пхаузт1къа* буквально 'пя́тью двадцать', т. е. 'сто'; сложным путем выражают они и понятие 'тысяча': *ши т1къаузт1къа ищ1ат1къа* буквально 'дважды два́дцатью двадцать и де́сятью двадцать'. В последнее время они все чаще пользуются заимствованными из грузинского языка словами *аси* 'сто' и *атаси* 'тысяча'.

В бацбийском языке встречается эргативная конструкция непереходного глагола: *ас вахи Ални* (*Алвани*) 'я пошел в Алвани'. В этом предположении с непереходным глаголом подлежащее *ас* стоит в эргативном падеже. Под влиянием грузинского языка в бацбийском развилось сложноподчиненное предложение, которое строится посредством относительных слов. В нем появилось относительное местоимение *менух* 'который' (от собственного *ме*~*мӗ* 'кто').

Наиболее значительным изменениям под влиянием грузинского подвергалась лексика бацбийского языка. Более или менее развернутая характеристика словарного состава бацбийского языка дана в монографии Ю. Д. Дешериева.[30]

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ НАХСКИХ ЯЗЫКОВ

В направлении сравнительно-исторического изучения нахских языков сделаны лишь первые шаги.

---

[29] См. Р. Гагуа. Склонение имен с одной и двумя основами в бацбийском языке. Изв. ИЯИМК, вып. XII, Тбилиси, 1942.

[30] Ю. Д. Дешериев. Бацбийский язык. М., 1953.

Проделанная советскими кавказоведами большая работа по исследованию нахских языков позволяет вплотную подойти к решению таких основных для сравнительно-исторического языкознания вопросов, как вопрос о природе корня и основы, о звукосоответствиях, о развитии фонетической системы, грамматического строя и лексики нахских языков после их дифференциации.

Как показывают данные современных нахских языков, древнейший тип корня в них состоял из согласного элемента, сочетающегося с неустойчивым предшествующим или последующим гласным. Природа этого гласного неясна. Он часто сливается с соседним гласным, выражающим какую-либо грамматическую категорию.

Для имен характерно наличие двух основ — одной для именительного (прямого) падежа, а другой для всех косвенных падежей (чеч. *суо* 'я', *сан* 'моего'; *дуог* 'сердце', *деган* 'сердца' и т. д.). Имеются исключения из этого правила.

Аналогичное явление наблюдается и в глаголах древнейшего происхождения. Нахские языки различают две основы: настоящего и прошедшего времен. См., например, следующую таблицу:

Чеченский	Ингушский	Аккинский	Бацбийский	
суо	*суо*	*суо*	*со*	'я'
ши'	*ши'*	*ши'*	*ши'*	'два'
д-уог	*д-уог*	*д-уог*	*д-окI*	'сердце'
са	*са*	*са*	*са*	'душа', 'дух'
ах	*ах*	*ах*	*ах*	'половина'
хи	*хи*	*хи*	*хи*	'вода'
цIа	*цIа*	*цIа*	*цIа*	'дом'

Чеченский		Ингушский	
Наст. вр.	Прош. вр.	Наст. вр.	Прош. пр.
г-уо	*г-и*	*г-у*	*г-и*
в-оь-д-у	*в-ах-и*	*в-оь-д-у*	*в-а-х-и*
л-а	*в-аьл-и*	*л-а*	*в-а-л-и*
л-уо	*д-ел-и*	*л-уо*	*д-ел-и*
о-л-у	*э-л-и*	*о-л-у*	*э-л-и*
о-х-у	*э-х-и*	*о-х-у*	*э-в-и*

Аккинский		Бацбийский		
Наст. вр.	Прош. вр.	Наст. вр.	Прош. вр.	
г-у	*г-и*	*в-а-ги*		'вижу', 'видел'
в-оь-д-у	*в-а-хи*	*в-у-итI-у*	*в-ах-и*	'идет', 'пошел'
л-а	*в-аь-л-и*	*л-а*	*в-а-л-и*	'умирает', 'умер'
л-уо	*д-ел-и*	*л-уо*	*д-аль-и*	'дает', 'дал'
о-л-у	*э-л-и*	*а-ль-о*	*а-ль-и*	'говорит', 'сказал'
о-х-у	*э-х-и*	*а-х-о*	*а-х-и*	'пашет', 'пахал'

Выделенные в этих формах префиксы являются классными показателями, а суффиксы — временны́ми формантами. Неустойчивый гласный элемент корня (основы) в одних случаях утрачен (чеч., инг. *г-и* 'видел'), а в других — сохраняется, варьируясь по формам глагола: *ол-у* 'говорю', *эл-и* 'сказал' и т. д.

Развитие грамматического строя и словарного состава, наращение основ, словообразование (особенно путем основосложения), осложнение звуковой системы — все это обусловило появление основ, состоящих из двух, трех и более слогов. Эти процессы получили широкое развитие еще в нахском языке-основе, распадение которого на языки и диалекты произошло сравнительно недавно (об этом свидетельствуют наблюдаемые в них в настоящее время схождения и расхождения).

Нахские языки имеют общий звуковой состав (расхождения отмечены выше). В них функционируют почти одни и те же стандартные аффиксы падежей (им. п. ед. ч. — нулевой аффикс, род. п.-*н*., дат. п. -*на*, эргат.-*(а)с*, -*уо*, местн. -*х*, направ. -*го* и т. д.); глагольных форм (наст. вр. -*у* //- *уо*, буд. вр. -*р*, только что прош. -*и*, недавнопрош. -*ино* и др.). Показателями грамматических классов служат одни и те же звуки: *в*, *б*, *д*, *й*. Материально и структурно почти полностью совпадают синтаксические явления, за исключением отмеченных выше (в бацбийском языке).

В нахских языках (если оставить в стороне русские и грузинские заимствования) около 60—70% слов имеют общие основы. В чеченском языке и в аккинской речи около 70—75% составляют целиком совпадающие слова. По свидетельству О. П. Егорова,[31] в чеченском и ингушском свыше 40% таких слов. В бацбийском и остальных нахских языках встречается не более 5—10% целиком совпадающих слов.

Из звуковых соответствий, наблюдаемых в нахских языках, наиболее общими и важными являются следующие: 1) чеч. и инг. *лх* в исконных словах соответствует в акк. *рх*, в бацб. *тх* — чеч. и инг. *малх*, акк. *марх*, бацб. *матх* 'солнце'; 2) в причастно-деепричастных формах исконных глаголов в прошедшем времени акк. *лн* соответствует в чеч. *лл*, в инг. *нн* — акк. *аьлна*, чеч. *аьлл*, инг. *аьнна* 'сказал', 'сказав', 'сказанный' (в бацб. *альина*); 3) чеч. *ст* в начальном положении соответствует в инг. (и в акк.) *с*, в бацб. *стI* — чеч. *стаг*, инг. (и акк.) *саг*, бацб. *стIакI* 'человек'; 4) конечному чеч. (и акк.)

---

[31] См.: О. П. Егоров, ук. соч.

з соответствует инг. *дз*, бацб. *цI* — чеч. *буорз*, инг. *буордз*. бацб. *бIъорцI* 'волк'; 5) конечному акк., инг. и чеч. *г* соответствует бацб. *кI*: акк., инг. чеч. *дуог*, бацб. *докI* 'сердце'; 6) конечное чеч.-инг. *й* чередуется с бацб. *г*: чеч. *сай*, бацб. *саг* 'олень'. Здесь невозможно охарактеризовать все остальные, менее распространенные звукосоответствия в нахских языках

Создание письменности для нахских языков в советскую эпоху сыграло огромную роль в деле просвещения их носителей, развития их экономики и культуры.